

Владимир Бенедиктов

Стихотворения (1884 г.)

Владимир Григорьевич Бенедиктов

Стихотворения (1884 г.)

*Текст предоставлен правообладателем
Стихотворения (1884 г.): 1884*

Аннотация

«Творец! Ниспошли мне беды и лишенья,
Пусть будет мне горе и спутник и друг!
Но в сердце оставь мне недуг вдохновенья,
Глубокий, прекрасный, священный недуг!..»

Содержание

Стихотворения 1830-1840-х годов	10
В альбом Е. А. Карлгоф	10
Е. А. Карлгоф	11
Москва	12
Молитва	16
Совет	18
Беглец	19
К А. П. Гартонг	21
Авдотье Павловне Гартонг	24
Дружба	27
К товарищам детства	28
Ты холодна	30
Подражание персидскому	33
Маленькой Женин	34
Калиф и Раб	36
На кончину А. Т. Корсаковой 11 декабря 1842 года	38
Монастыркам	40
После чтения А. П. Гартонг	43
Порыв	44
Она была добра	46
Цветок	47
Догадка	49

Л. Е. Ф.	50
Как хороша!	52
Ужин у кардинала Ришелье	53
Два клада	70
Звездочет	78
Стихотворения 1860-1870-х годов	84
И. А. Гончарову	84
Человек	86
Звездочка	89
Три власти Рима	92
Его не стало (написано на смерть	99
В. А. Каратыгина)	
Ф. Н. Глинке	102
Выпущенная птичка	106
Любовь музыканта	108
Рашель	109
Благодарю вас за цветы	112
Мелочи жизни	115
Малое слово о великом	117
Христианские мысли перед битвами (в дни св.	133
Пасхи 1855 г.)	
К России	135
В альбом Е. Карлгоф	145
Извинение	146
Распутие	148
Прежде и теперь	150

Н. Б. Вележеву	152
Вьющееся растение	154
Что-то будет?	156
Чувство	157
Я знаю	158
Смейтесь!	160
Сновидение (написано после посещения гостиниц)	162
Прометей	164
Дионисий и Филоксен	171
Отзыв на вызов (тем же девицам)	173
Письмо Авдель-Кадера	174
Ребенку	177
Благодарю	179
Просьба	181
Раздумье	183
Чесменские трофеи	184
Послание о визитах	189
«Увы! мечты высокопарной...»	197
Война и мир	200
Верю	203
Бездарный	205
Когда бы	206
Я помню	208
Старому другу	211
Оставь!	213

Посещение	215
Скажите	233
На гулянье	235
Поэту	238
При иллюминации	240
По прочтении одного из творений Шекспира	241
«По синим волнам океана»	243
Над рекой	245
Маша	248
Ваня и няня	251
В лесу	254
Он	258
На новый 1857-й	261
Н. Ф. Щербине	267
Вход воспрещается	269
Зачем	273
Мысль	275
Запретный плод	277
Что ж делать?	278
Наоборот	280
Над гробом О. И. Сенковского	282
Из. Л. Гринберг	285
Горная дорога	287
После	289
Ничего	290
И. А. Гончарову	291

Привет старому 1858-му году	294
Автору «Капли»	296
Бедняк	298
Разговор	301
Чертова башня (Легенда)	304
Рифмоплет	308
Разбитый кумир	310
Знакомое место	312
В деревне	314
Ф. Н. Глинке	315
Где он?	316
Любит	318
Одно из двух	320
Не тот	321
Образец смирения	322
Достань!	324
Подражание испанскому	327
Пора!	329
Затмение	331
Пляска	332
Рыцарь	336
Венок кесаря	339
А мы?	341
Деревенский мальчик	344
Борьба	346
Возмутитель	348

Искусство и природа	351
На 1861	355
Воскресная школа	357
Стихи, читанные на юбилее князя П. А. Вяземского 2 марта 1861 г.	360
Инокине	362
Локомотив	366
Поздно	369
Авдотье Павловне Баумгартен (23 февраля 1866 г.)	370
Довольно!	372
Коперник	373
Богдан Хмельницкий и послы	377
К. К. Витгефту	380
Фантазия	381
Отплата	383
Человечество	385
Пытки	387
Не верю	388
Ночная беседа	389
Ответ	392
Ель и береза	396
Счастье-несчастье	398
Посмотри!	399
К...	401
Разговор	402

Леля	410
Владычество моды	413
Мадонна	416
«Ну вот – всё ладится, идет всё понемногу...»	417

В. Г. Бенедиктов

Стихотворения (1884 г.)

Стихотворения 1830-1840-х годов

В альбом Е. А. Карлгоф

Вы новой жизнью дарили
Меня в тот памятный мне час,
Когда стихи мои хвалили
Хвалой мне лестной в первый раз.
Не дорожу я криком света,
Весь мир мне холоден и пуст,
Но мило мне из ваших уст
Именование поэта.
Итак, да буду я певец,
Да буду возвеличен вами
И мой сомнительный венец
Пусть блещет вашими лучами.

Е. А. Карлгоф

Не обиженный судьбами,
Награжденный за мечты,
Повергаю перед вами
Вам знакомые цветы.
Вы их, сырых, обласкали,
Из безвестности немой
К свету путь им указали
Благосклонной похвалой.
И теперь, чтоб вышел краше
Скудный сбор стихов моих,
Светлый вид улыбки вашей
Отпечатайте на них.

1836

Москва (Дума)

День гас, как в волны погружались
В туман окрестные поля,
Лишь храмы гордо возвышались
Из стен зубчатого Кремля.
Одета ризой вековою,
Воспоминания полна,
Явилась там передо мною
Страны родимой старина.
Когда над Русью тяготело
Иноплеменное ярмо
И рабство резко впечатлело
Свое постыдное клеймо,
Когда в ней распри возникали,
Князья, забыв и род и сан,
Престолы данью покупали,
В Москве явился Иоанн.
Потомок мудрый Ярослава
Крамол порывы обуздал,
И под единою державой
Колосс распавшийся восстал.
Соединенная Россия,
Изведав бедствия оков
Неотразимого Батыя,

Восстала грозно на врагов.
Почуя близкое паденье,
К востоку хлынули орды,
И их кровавые следы
Нешадно смыло истребленье.
Потом и Грозный, страшный в брани,
Надменный Новгород смирил
И за твердынями Казани
Татар враждебных покорил.
Но, жребий царства устроая,
Владыка грозный перешел
От мира в вечность, оставляя
Младенцу-сыну свой престол;
А с ним, в чаду злоумышлении
Бояр, умолк закона глас –
И, жертва тайных ухищрений,
Младенец царственный угас.
Тогда, под маскою смиренья
Прикрыв обдуманый свой ков,
Взошел стезею преступленья
На трон московский Годунов.
Но власть, добытая коварством,
Шатка, непрочен чуждый трон,
Когда, поставленный над царством,
Попран наследия закон;
Борис под сению державной
Недолго бурю отклонял:
Венец, похищенный бесславно,
С главы развенчанной упал...

Тень убиенного явилась
В нетленном саване молвы –
И кровь ручьями заструилась
По стогнам страждущей Москвы,
И снова ужас безначалии
Витал над русскою землей, –
И снова царству угрожали
Крамолы бранною бедой.
Как божий гнев, без укоризны
Народ все бедствия сносил
И о спасении отчизны
Творца безропотно молил,
И не напрасно, – провиденье,
Источник вечного добра,
Из праха падших возрожденье
Явило в образе Петра.
Посланник боговдохновенный,
Всевышней благости завет,
Могучей волей облеченный,
Великий рек: да будет свет
В стране моей, – и Русь прозрела;
В ряду его великих дел
Звезда счастливая блестела –
И мрак невежества редел.
По мановенью исполина,
Кругом – на суше и морях –
Обстала стройная дружина,
Неотразимая в боях,
И, оперенные громами,

Орлы полночные взвились, –
И звуки грома меж строями
В подлунной славой раздались.
Так царство русское восстало!
Так провиденье, средь борьбы
Со мглою света, совершало
Законы тайные судьбы!
Так, славу Руси охраняя,
Творец миров, зиждитель сил
Бразды державные вручил
Деснице мощной Николая!
Престольный град! так я читал
Твои заветные преданья
И незабвенные деянья
Благоговейно созерцал!

Январь 1837

Молитва

Творец! Ниспошли мне беды и лишения,
Пусть будет мне горе и спутник и друг!
Но в сердце оставь мне недуг вдохновенья,
Глубокий, прекрасный, священный недуг!

Я чувствую, боже: мне тяжело здоровье;
С ним жизни моей мне невидима цель.
Да будет же в мире мне грусть – изголовье,
Страдание – пища, терпенье – постель!

Земная надежда, как призрак исчезни!
Пусть мрачно иду я тропой бытия!
Но в сладких припадках небесной болезни
Да снидет мне в душу отрада моя!

Когда же, отозван небес произволом,
Меня он покинет – желанный недуг,
И дар мой исчезнет, и стройным глаголом
Не будет увенчан мой тщетный досуг, –

Дозволь мне, о небо, упавшему духом,
Лишенному силы, струнами владеть, –
На звуки склоняясь внимательным слухом,
Волшебные песни душой разуметь!

С земли воздымаясь до горнего мира,
Пророческий голос отрадой мне будь!
До сердца коснется знакомая лира –
Увлажатся очи и двинется грудь!

1838 или начало 1839

Совет

Когда судьба тебя послала
В тернистый, трудный жизни путь
И пищей скорби упитала
Твою взволнованную грудь,
И если небом заповедан
Тебе священный крест любви, –
Живи один! Кому ты предан –
С собой в путь мрачный не зови!
Пусть тяжело с милым нам созданием
Не разделить судьбы своей,
Но верь: стократно тяжелей
Его терзать своим страданием!

Весна 1839

Беглец

От грусти-злодейки, от черного горя
В волненье бежал я до Черного моря
И воздух в пути рассекал как стрела,
Злодейка догнать беглеца не могла.
Домчался я, стали у берега кони,
Зачуяло сердце опасность погони...
Вот, кажется, близко, настигнет, найдет
И грудь мою снова змеей перевьет.

Где скроюсь я? Нет здесь дубов-великанов,
И тени негусты олив и каштанов.
Где скроюсь, когда после яркого дня
Так ярко луна озаряет меня;
Когда, очарованный ночи картиной,
Бессонный, в тиши, над прибрежной стремниной
Влачу я мечтой упоенную лень
И, малый, бросаю огромную тень?
Где скроюсь? Томленьем полуденным полный,
Уйду ль погрузиться в соленые волны?
Тоска меня сыщет, и в море она
Поднимется мутью с песчаного дна.
Пушусь ли чрез море? – На бреге Тавриды
Она меня встретит, узнает, займет
И больно в глубоких объятьях сожмет.

Страшусь... Но доселе ехидны сердечной
Не чувствуя жала, свободный, беспечный,
Смотрю я на южный лазоревый свод,
На лоно широко раскинутых вод
И, в очи небес устремив свои очи,
Пью сладостный воздух серебряной ночи...

Зачем тебе гнаться, злодейка, за мной?
Помедли, беглец возвратится домой.
Постой, пред тобою минутный изменник,
Приду к тебе сам я – и снова твой пленник,
В груди моей светлого юга красу
Как новую пищу тебе принесу
И с новою в сердце скопившейся силой
Проснусь для страданья, для песни унылой.

А ныне, забывший и песни и грусть,
Стою, беззаботный, на бреге Эвксина,
Смотрю на волнистую грудь исполина
И волн его говор твержу наизусть.

29 июня 1839

Одесса

К А. П. Гартонг

В стране, где светлыми лучами
Живее блещут небеса,
Есть между морем и горами
Земли цветущей полоса.
Я там бродил, и дум порывы
Невольно к вам я устремлял,
Когда под лавры и оливы
Главу мятежную склонял.
Там часто я, в разгуле диком,
В свободных, царственных мечтах,
Вас призывал безумным кликом, –
И эхо вторило в горах.
О вас я думал там, где влага
Фонтанов сладостных шумит,
Там, где гиганта Чатырдага
Глава над тучами парит,
Там, где по яхонту эфира
Гуляют вольные орлы,
Где путь себе хрусталь Салгира
Прошиб из мраморной скалы;
Там, средь природы колоссальной,
На высях гор, на ребрах скал,
Оставил я мой след печальный
И ваше имя начертал,
И после – из долин метались

Мои глаза на высоты,
Где мною врезаны остались
Те драгоценные черты.
Они в лазури утопали,
А я смотрел издалека,
Как солнца там лучи играли
Или свивались облака...

Блеснет весна иного года,
И, может быть, в желанный час
Тавриды пышная природа
В свои объятья примет вас.
Привычный к высям и оврагам,
Над бездной дола, в свой черед,
Татарский конь надежным шагом
Вас в область молний вознесет;
И вы найдете те скрижали,
Где, проясняя свой удел
И сердца тайные печали,
Я имя ваше впечатлел.
Быть может, это начертанье –
Скалам мной вверенный залог –
Пробудит в вас воспоминанье
О том, кто вас забыть не мог!

Но я страшусь: тех высей темя
Обвалом в бездну упадет,
Или завистливое время
Черты заветные сотрет,

Иль, кроя мраком свет лазури
И раздирая облака,
Изгладит их ревнивой бури
Неотразимая рука...
И не избегну я забвенья,
И, скрыта в прахе разрушенья,
Бесценной надписи лишась,
Порой под вашими стопами
Мелькнет не узнанная вами
Могила дум моих об вас!

Сентябрь – октябрь 1839

Авдотье Павловне Гартонг (На память прогулки в Парголове 8-го августа 1840 г.)

Наш край и хладен и суров,
Покрыто небо мглой ненастной,
И вместо солнца шар чуть ясный
Меж серых бродит облаков.
Но иногда – вослед деннице, –
Хоть редко, хоть однажды в год,
Восстанет утро в багрянице,
И день весь в золоте взойдет,
И, пропылав в лазурных безднах,
Утонет в пурпурной заре,
И выйдет ночь в алмазах звездных
И в чистом лунном серебре.
Счастлив, кого хоть проблеск счастья
В печальной жизни озарил!
Счастлив, кто в сумраке ненастья
Улыбку солнца захватил!

Суров наш край. Кругом всё плоско.
В сырой равнине он лежит.
В нем эхо мертвое молчит
И нет на клики отголоска.

Без обольщения окрест
Скользят блуждающие взгляды.
Но посреди сих скудных мест
Есть угол воли и отрады.
Там рощи скинулись шатром
И отразились озерами,
И дол, взволнованный холмами,
Широким стелется ковром;
Под светлым именем Парнаса
Пригорок стал среди холмов,
И тут же сельского Пегаса
Хребет оседланный готов.
Блажен, кто там хотя однажды
С своею музою летал
И бурный жар высокой жажды
Стихом гремучим заливал!

Суров наш край, повит снегами, –
И часто, вскормлены зимой,
В нем девы с ясными очами
Блестят безжизненной красой.
Но есть одна... зеницу ока
Природа жизнью ей зажгла
И ей от Юга и Востока
Дары на Север принесла.
Блажен, кто мог ей, полн смиренья,
Главой поникшею предстать
И гром и пламя вдохновенья
Пред ней как жертву разметать!

Счастлив и тот, кто, полн смущенья,
Покорно голову склоня,
Принес ей бедное творенье
На память золотого дня,
Когда, в пучину светлой дали
Из-под клубящейся вуали
Летучий погружая взор
И рассекая воздух звонкой,
Она летала амазонкой
По высям парголовских гор, –
И как на темени Парнаса,
В прохладе сумрачного часа
Сама собой озарена,
Под темным зелени навесом
Она стояла – и за лесом
Стыдливо пряталась луна!

Август 1840

Дружба

Любовь отвергла ты... но ты мне объявила,
Что дружбу мне даришь; благодарю, Людмила!
Отныне мы друзья. Освобожден от мук,
Я руку жму твою: благодарю, мой друг!
С тобой беседа свободно, откровенно,
Я тихо приклонюсь главою утомленной
На дружескую грудь... Но что я вижу? Ты
Краснеешь... Вижу стыд и робость красоты...
Оставь их! Я в тебе уже не властелинку,
Но друга признаю.....

.....

В любви – остерегись: для ней нужна ограда;
А мы, второй пример Ореста и Пилада,
Должны быть запросто. Условий светских груз
Не должен бременить наш искренний союз.
Прочь робкие мечты! Судя и мысля здраво,
Должны любовникам мы предоставить право
Смущаться и краснеть, бледнеть и трепетать;
А мы... Да осенит нас дружбы благодать!
На долю нам даны лишь пыл рукопожатий,

.....

Да, как бы ни было, при солнце иль луне,
Беседы долгие... в тиши... наедине.

К товарищам детства

В краю, где природа свой лик величавый
Венчает суровым сосновым венцом
И, снегом напудрив столетни дубравы,
Льдом землю грунтует, а небо свинцом;
В краю, где, касаясь творений начала,
Рассевшийся камень, прохваченный мхом,
Торчит над разинутой пастью провала
Оскаленным зубом иль голым ребром;
Где – в скудной оправе, во впадине темной,
Средь камней простых и нахмуренных гор
Сверкает наш яхонт прозрачный, огромный –
Одно из великих родимых озер;
Где лирой Державин бряцал златострунной,
Где воет Кивача «алмазна гора»,
Где вызваны громы работы чугунной,
Как молотом божьим – десницей Петра;
Где след он свой врезал под дубом и сосной,
Когда он Россию плотил и ковал –
Державный наш плотник, кузнец венценосный,
Что в деле творенья творцу помогал, –
Там, други, по милости к нам провиденья,
Нам было блаженное детство дано
И пало нам в душу зерно просвещенья
И правды сердечной святое зерно.
С тех пор не однажды весна распахнулась

И снова зима пролегла на Руси!
Не раз вокруг Солнца Земля повернулась
И сколько вращалась кругом на оси!
И сколько мы с ней и на ней перемчались
В сугубом движенье, по жизни – вперед!
Иные уж с пылкими днями расстались,
И к осени дело! И жатва идет.
Представим же колос от нивы янтарной,
Который дороже весенних цветов, –
Признательность, други, души благодарной –
Один из прекрасных, чистейших плодов.
Пред нами единый из сеявших семя;
На миг пред своими питомцами он;
Созревшие дети! Захватим же время
Воздать ему вкупе усердный поклон!
И вместе с глубоким приветом рассудка
Ему наш сердечный привет принести
В златую минуту сего промежутка
Меж радостным «здравствуй» и тихим «прости»
И родине нашей поклон и почтенье,
Где ныне, по стройному ходу годов,
За нами другое встает поколенье
И свежая зреет семья земляков, –
Да здравствует севера угол суровый,
Пока в нем онежские волны шумят,
Потомками вторится имя Петрово
И бардом воспетый ревет водопад!

13 февраля 1841

Ты холодна

Авдотье Павловне Гартонг

Тебе не нужно звонких слов,
Ни гимнов жертвенных поэта,
Ни звуков лестного привета –
Нет! И клянусь огнем стихов, –
С тех пор, как я тебя завидел
И петь и славить возлюбил, –
Тебя я лестью не обидел,
Пустой хвалой не оскорбил!
Чуждаясь неги бесполезной,
Тебе был внятен и не дик
Мой тяжкий ямб, мой стих железный
И правды кованый язык.
Я не хотел к тебе приблизить
Любви лукавую мечту
И вялой нежностью унизить
Суровой думы высоту.
Небес заветных в край лазурный
Себе полет я воспретил
И стон – порою слишком бурный –
Не раз в груди остановил.

Ты жизнь уму, а сердцу – кара, –
Знать, так назначено судьбой!

Ты холодна... но холод твой
Милей полуденного жара.
Устав от душевной суеты,
Отрадно горю и томленью
Найти приют под свежей тенью
Твоей разумной красоты.
Тому, кто вырвется из ада
Житейских дел, где тяжело
Проклятьем сдавлено чело, –
Сладка эдемская прохлада!
Но если – к раю приведен –
Проникнуть вдаль помыслит он,
Отколь блаженства воздух пашет, –
Твой острый взор тогда над ним
Подъят, как меч, которым машет
Привратник рая – херувим!
Спасен, кто в сфере испытанья,
Испив твой взор, вкусивши речь,
Успел от вечного страданья
Остаток сердца уберечь!
Ты холодна... Так видит око!
Ты вся как мраморный кумир,
Но сердце женщины глубоко, –
В нем можно спрятать целый мир.
Трудна извитая дорога
К тому, что скрыто в этой мгле.
Тайн много на небе у бога,
Но тайны есть – и на земле!

23 февраля 1841

Подражание персидскому

Не мечи из-под ресницы
Стрел разящих на меня!
Под огнем твоей зеницы
Уж и так повержен я.
Ты красую всемогущей
Всех богаче в сей стране –
Я убогий, неимущий, –
Дай же милостину мне!

1842

Маленькой Женни

Вместо куклы в модном платье,
Женни, вот тебе занятие:
Я принес мои стишки!
Ждать ли мне за это ласки?
Рада ль ты? Горят ли глазки?
Шевелятся ли ушки?
Лепечи пока, малютка,
Рифмы легкие шутя!
Скоро будешь институтка,
Скоро вырастешь, дитя!
Расцветешь, как цвет махровый.
И к тебе – не знаю кто –
Уж поэт напишет новый,
И напишет уж не то!
Ты успеешь в той поэме
Тайну милую постичь;
Вспомни, Женни, в это время
Я уж буду старый хрыч
Иль косой саженью глубже
Буду тлеть в земле сырой.
Не забудь же – приголубь же
Хоть надгробный камень мой.
Пусть над ним головку склонит
Женни резвая слегка
И приветная рука

Ветку зелени уронит
На могилу старика!

1842

Калиф и Раб

Ум свой в думы погрузив,
За столом сидел калиф.
Пред владыкой величавым
Раб трепещущий его
Блюдо с пышущим пилавом
Опрокинул на него.

Грозен, страшен, как судьба,
Посмотрел он на раба;
Тот, готов расстаться с светом,
Прошептал полуживой:
«Рай обещан Магометом
Тем, кто гнев смиряет свой».

«Не сержусь», – сказал калиф,
Укрощая свой порыв.
Ободряясь, отирает
Раб холодный пот с чела.
«Рай – и тем, – он продолжает, –
Кто не памятует зла».

«Забываю». – Веселей
Стал калиф, а раб смелей:
«Надо в светлый рай для входа
И за зло платить добром».

– «Раб! Дарю тебя свободой
И осыплю серебром».

От восторга раб едва
Мог опомниться сперва,
Пораженный этим чудом, –
А калиф смотрел, признав
Самым вкусным сердцу блюдом
Опрокинутый пилав.

Между 1835 и 1842

На кончину А. Т. Корсаковой 11 декабря 1842 года

Она угасла – отстрадала,
Страданье было ей венцом;
Она мучительным концом
Достигла светлого начала.
Грустна сей брэнной жизни глушь,
В ней счастья нет для ясных душ, –
Их мучит тяжело и жестоко
Невольный взгляд на море зла,
На вид ликующий порока
И света скучные дела, –
И, гордо отвергая розы
И жизни праздничный сосуд,
Они на часть себе берут
Святые тернии и слезы.
Отрада их в житейской мгле
Одна – сочувствовать глубоко
Всему, что чисто и высоко,
Что светит богом на земле.
Удел их высших наслаждений
Не в блеске злата и сребра,
Но посреди благотворении,
В священных подвигах добра!

Так, перейдя сей дольней жизни
Добром запечатленный путь,
Она взлетела – отдохнуть
В своей божественной отчизне.
Тяжелый опыт превозмочь
Судьба при жизни ей судила, –
Она давно невесту-дочь
В тот мир нетленный отпустила.
И, переждав разлуки срок,
Спеша к родимой на свиданье,
Она другую на прощанье
Земле оставила в залог,
Чтоб там и здесь свой образ видеть
И, утешая лик небес,
Земли печальной не обидеть,
Где светлый быт ее исчез!

11 декабря 1842

Монастыркам При выпуске 1842

Вот он, муз приют любимый,
Храм наук, обитель дев,
Оком царственным хранимый
Вертоград страны родимой,
Счастья пламенный посев,
Юных прелестей рассадник,
Блага чистого родник,
Неземных даров тайник,
Гроздий полный виноградник,
Небом дышащий цветник!

Это – мир, где жизнью вешней
Веет, дышит круглый год;
Это – мир, но мир не здешний,
В нем гроза цветов не рвет,
Вихрь не зыблет сей теплицы,
Терн не входит в сей венец, –
Чисты белые страницы
Этих бархатных сердец.
Здесь тлетворное страданье
Не тревожит райских снов,
Здесь одно лишь – обожанье,
Тайнам неба подражанье.

.....

Срок придет, и под крылами
Разлучительных минут
Пред несметными очами
Многоцветными лучами
Девы белые блеснут;
Группой радужно летучей
Промелькнут, волшебный клир
Морем трепетных созвучий
Обоьет прощальный пир;
И из райского чертога
Разлетится племя роз,
Оставляя у порога
В благодарность перлы слез.

Так, до дня мироздания,
В слитный сплавлено венец,
Рдело божие сиянье,
Но едва изрек творец,
И творения убранство,
Звезды, перлы естества,
Вспыхнув, брызнули в пространство
С диадемы божества;
И, простясь одна с другою
И облекшись в благодать,
Стали розно над землею
Миру темному сиять;
И во мгле земного быта

Есть для каждого одна, –
Тайна жизни в ней сокрыта
И судьба заключена.

Так, но грозный миг разлуки, –
Чуя славу впереди,
Сжаты огненные звуки
В поэтической груди;
Зреют, спеют молодые,
Долго на сердце лежат –
Срок наступит, и родные
Крупным хором задрожат,
Хлынут звонкою слезою,
И, рассыпаны певцом,
Эти звуки под грозою
В мир уходят за венцом!

Срок настал: из врат науки,
Из священной глубины
Излетайте, божьи звуки,
Звезды русской стороны!
Свет проникнут ожиданьем, –
Взвейтесь, дивные, в эфир
И негаснущим сияньем
Очаруйте бедный мир!

После чтения А. П. Гартонг

Когда в ее очах небесных пламень блещет
И полный, звонкий стих в устах ее трепещет,
То бурно катится, сверкает и звучит,
То млеет, нежится, струится и журчит, –
Я жадно слушаю страстей язык могучий
И таю под огнем пронзительных созвучий;
Всё глубже ноет грудь, и сердцу горячей,
И просится слеза из каменных очей.

Конец 1830-х- начало 1840-х годов

Порыв

Нет, милые друзья, – пред этой девой стройной
Смущаем не был я мечтою беспокойной,
Когда – то в очи ей застенчиво взирал,
То дерзостный мой взор на грудь ее склонял,
Любуясь красотой сей выси благодатной,
Прозрачной, трепетной, двухолмной, двураскатной.
Роскошный этот вид и гордость на челе
Являли мне тогда богиню на земле.
Я вас не понимал, – мне чужд был и несроден
Ваш чувственный восторг. От дум земных свободен,
Я чувство новое в груди своей питал:
Поклонник чистых муз – желаньем не сгорал
Удава кольцами вокруг милой обвиваться,
Когтями ястреба в пух лебедя впиваться –
Нет! – Жрец изящного – я мыслил: в этот миг
К чему мне звуков дар, гремучий мой язык?
О, если бы теперь, сим видом упоенный,
Я был сын древности, ваятель вдохновенный!
Блеснул бы в этот миг мне Фидия венец,
Луч яркий божества во грудь мою проникнул,
«Вот перси дивные! – тогда бы я воскликнул. –
Подайте мрамор мне! Подайте мне резец!»
И с мраморной скалы я б грубый череп скинул,
И перси из нее божественные вынул,
И жизнью облил их. Казалось бы, оне,

Сокрыв огонь страстей в бездонной глубине,
На миг оцепенев под искусом желанья,
Наполнились волной мятежного дыханья,
И, бурный вздох в себе стараясь удержать,
Готовы – закипеть, хотят – затрепетать;
И всё, что в них влекло б к земному обольщению,
Слегка полузакрыв кудрей волнистых тенью,
Богини чистый лик я вывел бы светло
И думу строгую ей бросил на чело,
Лоб смертный, подходя, вдруг вспыхивал, как пламень,
И, дерзкий, мнил обнять богоподобный камень.
Но, взоры возведя на светоносный лик,
Мгновенно б головой преступною поник,
Молитву произнес в ограду от волнений
И, бледный, преклонил дрожащие колени.

1845

Она была добра

Забуду ли ее? – Она вилась, как змейка,
Сверкая искрами язвительных очей,
А всё ж была добра мне милая злодейка,
И за свою любовь я благодарен ей.
Мою докучливость она переносила,
Мое присутствие терпела; даже грусть,
Грусть вечную мою, глубокую – щадила,
Страдать позволила и говорила: «Пусть!
Пускай он мучится! Стрдание полезно.
Пусть любит он меня, хоть любит нелюбезно!
Пускай надеется! Зачем ему мешать
И вдохновляться мной, и рифмы совершать?
Для песен пламенных ему я буду темой,
И он потешит нас гремучею поэмой!»
Я пел, – и между тем как с легкого пера
Катился бурный стих, мучительный и сладкой,
Она, лукавая, смеялась... но украдкой –
Итак, – не правда ли? – она была добра?

Цветок

Есть цветок... его на лире
Вечно славить я готов.
Есть цветок... он в грустном мире
Краше всех других цветов.
То цветок не однолетний:
Всё милее, всё приветней
Он растет из году в год
И, дивя собой природу,
По семнадцатому году
Полной прелестью цветет.
Он подьмется так статно,
Шейка тонкая бела,
А головка ароматна,
И кудрява, и мила.
Он витает в свете горнем,
И, пленительно живой,
Он не связан грязным корнем
С нашей бедною землей.
Не на стебле при дорожках
Неподвижно одинок –
Нет, – на двух летучих ножках
Вьется резвый тот цветок.
От невзгод зимы упрямой
Жизнь его охранена
За двойной ревнивой рамой

Светозарного окна, –
И, беспечный, он не слышит
Бурь, свистящих в хладной мгле:
Он в светлице негой дышит,
Рдеет в комнатном тепле.
Непонятное растение!
Нежен, хрупок каждый сгиб:
Лишь одно прикосновение –
И прелестный цвет погиб!

Увлекая наши взоры,
Слабый, ищет он опоры,
Но страшитесь! Он порой,
Томный, розово-лилейный,
Дышит силой чародейной,
Колдовством и ворожкой.
Полный прелести, он разом
Сердце ядом напоит,
Отуманит бедный разум,
Обольстит и улетит!

Догадка

Когда ты так мило лепечешь «люблю»,
Волшебное слово я жадно ловлю;
Оно мне так ново, и странно, и чудно;
Не верить мне страшно, а верить мне трудно.
На праздное сердце певца твоего,
Быть может, ты кинула взгляд сожаленья
И, видя в нем глушь, нищету, запустенье,
Размыслила: «Дай я заполню его!
Он мил быть не может, но тихо, бесстрастно
Я буду ласкать его сырый порыв;
Не боле, чем прежде, я буду несчастна,
А он – он, быть может, мной будет счастлив!»
И с ангельским, кротким, небесным приветом
Ко мне обратился твой дружеский взор,
И в сердце моем, благодатно согретом,
Мечты и надежды воскресли с тех пор.

Л. Е. Ф.

Есть два альбома. Пред толпою
Всегда один из них открыт,
И всяк обычною тропею
Туда ползет, идет, летит.
Толпа несет туда девице –
Альбома светлого царице –
Желаний нежные цветы
И лести розовой водицей
Кропит альбомные листы.
Там есть мечты, стихи, напевы
И всякий вздор... Но есть другой
Альбом у девы молодой, –
Альбом тот – сердце юной девы.
Сперва он весь как небо чист,
Вы в нем ни строчки не найдете,
Не тронут ни единый лист
В его багряном переплете.
Он – тайна вечная для нас,
Толпа сей книжки не коснется, –
Для одного лишь в некий час
Она украдкой развернется, –
И счастлив тот, кто вензель свой,
Угодный ангелу-девице,
Нарежет огненной чертой
На первой розовой странице!

Между 1842 и 1850

Как хороша!

Перед нею умилением
Свято теплилась душа,
И, проникнут упоением,
Я шептал с благоговением:
«Боже мой! Как хороша!»

Но чрез миг, пред милым ликом
Страстным пламенем дыша,
Задрожав в восторге диком,
Пал я ниц с безумным криком:
«Черт возьми! Как хороша!»

Между 1842 и 1850

Ужин у кардинала Ришелье

Комната в гостинице на дороге из Парижа в Рюэль, где находится загородный дом кардинала-министра. В каминеразведен огонь. Пожилой человек сидит у камина и просушивает измокшую свою одежду. Это – Гоше, незначительный парижский ремесленник из улицы Сен-Дени. От времени до времени видны проблески молнии и слышны раскаты грома.

Гоше (один)

Какая буря! Черт возьми!
Досадно! Вот и остановка!
Вот так-то с бедными людьми
Всегда бывает, – всё неловко,
Всё не под стать, везде беда.
Сам бог немилостив к ним – да!
Где нужно ведро – шлет им бурю.
Знать, не для бедных создан свет!

Молния и гром.

Ишь как блеснит, гремит! Да нет!
Уж я глаза себе зажмурю
И уши наглухо заткну,

А до Рюэля донырну,
Хоть в море обратись дорога!
Чай, мул мой отдохнул немного
Теперь в конюшне – свежих сил
Себе подбавил. В самом деле,
К чему ж заране я уныл?
Ведь к сроку буду ж я в Рюэле!

Входит проезжий в мокрой одежде.

Незнакомец (*не видя Гоше*)

Э! Время терпит. Отдохну
В гостинице.
(Подойдя к камину и увидя Гоше.)
Ах, извините!
Я думал: к один здесь...

Гоше

Ну!
Так что ж такое? – Стул берите,
И сядем вместе у огня.
Ведь вы проезжий здесь, я – тоже,
Вы не помеха для меня.
Притом я тотчас еду...

Незнакомец

Боже!
В такую бурю?
(В сторону.)
Как он мил,
И прост, и вежлив в обращенье!

Гоше

Что ж делать? Я бы не спешил,
Когда б не крайность. Приглашенье
Такое важное! Вовек
Не ожидал... да вот – поди же!
Да придвигайте стул поближе!

Незнакомец (в сторону)

Ужели знатный человек?
В нем вовсе нет дворянской спеси,
Я думал – он из нашей смеси
Простонародной.

Гоше

Я спешу
В Рюэль, и вас сказать прошу:
Куда ваш путь?

Незнакомец

Да я – туда же –
В Рюэль. Притом скажу вам даже –
И я по крайности почти.

Гоше

Так вот – нам вместе б по пути!
Я – человек нецеремонный,
И если вы так благосклонны...

Незнакомец (в сторону)

Когда б он знал, кто я!

(Вслух.)

Весьма
Приятно ваше предложенье,
Но – этой бури кутерьма
Меня пугает. Приглашенье,
Сказали вы, торопит вас.
Меня ж в Рюэль влечет приказ.
Я тороплюсь по тяжелой службе,
Которой сил нет выносить.
А вы?.. Могу ли вас спросить?..

Гоше

Да как сказать-то вам? – По дружбе
Недавней, новой для меня.
В Рюэле, с нынешнего дня,
Каким-то случаем, мне темным,
Попасть я должен в знатный круг.

Незнакомец

Позвольте... Быть боюсь нескромным
Через такой вопрос... Ваш друг...
Он кто такой?

Гоше

Не бойтесь! – Тайны
Тут нету. Это так – случайно
Всё вышло. Переход мой быстр.

Незнакомец

Так кто же?..

Гоше

Кардинал-министр,
Сам Ришелье. Да.

Незнакомец (встает)

Извините!

А я так запросто...

Гоше

Сидите!

Всё вздор! Не лезть же мне в князья

Иль графы! Выслушайте: я

Мещан лишь знаю – нашу братью

И не якшался век со знатью.

Куда мне? Боже упаси!

У герцогов Монморанси

Служили, правда, поварами

Отец и дед мой, – вот вся связь

Моя со знатными домами –

И та злой казнью прервалась

Над герцогом. Я просто – скудный

Ремесленник парижский. Тут,

Я говорю вам, случай чудный –

И только. Вдруг мне подают

Записку. Развернул – зовут

Меня... Не знаю – видно, нужен

Я кардиналу стал... на ужин

К нему сегодня. Боже мой!

Всё закружилось в околотке, –

Кричат, разинулись все глотки:

«Смотрите! Экой ведь какой

Гоше счастливец-то на свете!»

Я одурел. Жена и дети
Засуетились и сейчас
Давай мне туалет мой ладить,
Скоблить и чистить, мыть и гладить;
Всё приготовили как раз.
Гляжу – ну просто чародейство!
Вы понимаете? У вас,
Быть может, также есть семейство,
Которое вас любит, ждет...

Незнакомец

Жена и дети есть.

Гоше

Ну вот,
Как нас судьба во всем сближает!
Так ваше сердце понимает,
Что чувствует теперь мое!
Да, быть кому господь назначил
Отцом... Позвольте – как я начал
Рассказ-то? – Да! Мой фрак, белье –
Всё приготовлено, и стекла
Очков протерты – ну, взглянуть,
Так любо! Снарядился в путь –
И вот – извольте! – всё промокло
Насквозь. Чай, бедная жена
И дочери теперь в тревоге.

Но я не стану на дороге –
Нет, я до цели доберусь,
Хоть мокрой курицей явлюсь
На приглашенье кардинала
С ним ужинать. Такая честь,
Вы согласитесь, ведь немало
И пользы может мне принести
Существенной: мои делишки
Поправятся, теперь нужда
И недостатки – а тогда,
Надеюсь, будут и излишки.
Тогда и ближним услужу,
Жену, детей принаряжу;
Гордиться, право, я не буду,
И вас, поверьте, не забуду
При случае.

(Подает Незнакомцу руку.)

Коль у двора
Упрочу я себе местечко –
В виду имейте человечка!
Однако мне пора, пора!
Прощайте! Продолжать беседу
Мне больше некогда. Я еду.

(Гоше надевает на себя верхнюю одежду, берет шляпу, встряхивается и оправляется, а между тем Незнакомец рассуждает сам с собою.)

Незнакомец

Мне жаль его. Какой добряк!
За что погибнет он? Конечно,
За вздор! И как бесчеловечно
Смеются! Ужинать бедняк
Готовится и ожидает
Великих милостей; семья
Его с восторгом провожает
В дорогу... Боже мой! И я
Быть должен гибельным орудьем
Подобных дел! И правосудьем
Зовут их! Нет, не потерплю!
Нет! Я его остановлю.
(Громко, к уходящему Гоше.)
Послушайте! эй, воротитесь!

Гоше (*остановясь в дверях*)

Но... я спешу.

Незнакомец

Не торопитесь!
Два слова выслушайте!

Гоше (*возвращаясь*)

Я

Вас слушаю.

Незнакомец

Душа моя
Полна невольным к вам участием.
Не думайте, что вас за счастьем
Зовут в Рюэль! На ужин там
Людскою кровью хлебы месят.
Туда опасно ехать вам.

Гоше

Что ж мне там будет?

Незнакомец

Вас – повесят.

Гоше

О, это слишком уж... За что?

Незнакомец

Да так. Быть может, и за то,
Что вы Монморанси жалели
Казненного.

Гоше

О, слова нет!
Жалел. Ведь мой отец и дед
При кухне герцогов имели
Места и должность, и всегда
Превозносили их. О, да!
Как не жалеть! Притом казненный
Такой был добрый, благосклонный
К нам – беднякам.

Незнакомец

Быть может, вслух
Вы сожалели, хоть невольно!

Гоше

Да, помнится, но лишь при двух
Иль трех приятелях.

Незнакомец

Довольно,
И даже слишком.

Гоше

Неужель
Из этого весь случай вышел?
Я говорил тайком.

Незнакомец

Он слышал.

Гоше

Издалека...

Незнакомец

Дошло в Рюэль.

Гоше

Помилуйте! Ведь каждый дышит,

Вздыхает...

Незнакомец

Кардинал всё слышит.

Гоше

Да разве страшен я ему?
Что мой ему ничтожный говор?
Я говорил лишь потому,
Что мой отец – любимый повар
Был герцога. Поплакал я,
Ручей из глаз невольно вытек.
А то мне что? Я не политик
И дел их хитрых не судья.
Что мне политика? Да рухни
Она совсем!

Незнакомец

А иногда
У кардинала не чужда
Она ни поваров, ни кухни.
Он зорко смотрит и туда,
И там всё чувствует, слышит, видит.
Вы плакали, – он ненавидит
И смех, и слезы. Ни того,
Ни этого, и ничего –
Не нужно.

Гоше

Знаете его,
Как видно, вы весьма подробно.

Незнакомец

Да. Мне рассматривать удобно
Его с изрядной высоты
При зрелищах его любимых.
Его трудов неутомимых.
Я вникнул в красные черты.

Гоше

Но кто ж вы? Мне понять вас трудно.
Всё это странно мне и чудно,
Я столько вижу тут задач
Мудреных. Боже мой! Откройтесь!
Скажите: кто вы?

Незнакомец

Я – палач.

Гоше в ужасе отступает.

Нет, это ничего, не бойтесь.
За откровенность вашу я
Вам заплачу теперь своею.
Действительно, судьба меня
Сближает с вами. Я имею,
Как вы, призвание в Рюэль.
В одну и ту же метя цель,

2 От общей бури мы укрылись
В одной гостинице, – и вот
Мы здесь сошлись, разговорились,
И сердце сердцу весть дает.
Скажу, откинув лицемерье, –
Мне кажется, я вам доверье
К себе внушил, и вы мне тож.
При первом взгляде узнаешь
Иного и готов до гроба
Ему служить. Семейны оба
Мы с вами, счастливы в семьях
И в небольших живем кругах –
В простонародье, но со знатью
Подчас знакомят нашу братью.
Вот вы на ужин собрались
Блестящий, где меж господами
Сидеть предполагали сами;
Но – вы мечтою увлеклись
И были б жертвой вероломства;
Мои ж со знатными знакомства
Известны всем. Кровавый путь
Назначен мне судьбой моею:
Пред ними все сгибают шею –
Я ж должен сам им шеи гнуть
Моими рабскими руками.
Мы оба с челядью в смеси:
Отец и дед ваш поварами
У герцогов Монморанси
Служили; сам я был в работе

При герцоге, на эшафоте
Ему служа в последний раз.
Теперь в Рюэль – вы всё сравните –
Вы быть повешенным спешите.
Туда ж я призван вешать вас.
Но – нет! Я лучше сам в удавку
Пойду! Уж я давно хотел
Проситься в чистую отставку
От множества нечистых дел.
Злодеев истинных немало, –
Пусть их бы. Обществу служить
Ведь надо ж чем-нибудь – и жить
С семейством; но у кардинала
Такие прихоти порой,
Что я не в силах... Он игрой
Считает это!.. Поезжайте
Скорей в Париж – в обратный путь,
А там и дальше как-нибудь,
И никому не открывайте,
Что здесь вы виделись со мной,
Ни даже искреннему другу, –
Иль я погибну за услугу,
Кадош-палач.

Гоше (*с чувством пожимая ему руку*)

Спаситель мой!

(Поспешно удаляется.)

Между 1842 и 1850

Два клада

Старый Ян имел два клада,
Не доступных никому,
И одна была отрада
В них на старости ему.

Первый клад, что рыцарь в латах,
Был – окованный сундук,
Где чистейшее в дукатах
Береглось от хищных рук.

Клад второй была молодая
Светлоликая жена,
Чистотою – ангел рая,
Обольщением – сатана.

Два голкондские алмаза –
Глазки, глазки – у! – беда!
Грудь – фарфоровая ваза,
Зубы – перлы в два ряда.

И ценя такие блага,
И не ведая утрат,
Посвятил им старый скряга
Хилых дней своих закат.

Заберется ль в кладовую –
Он целует все места,
Пыль глотает золотую.
Золотит свои уста.

Всё сочтет, – сундук заветный
Закрепит тройным замком,
Подрожит – и, неприметный,
Ускользает вон тайком.

После старческие ласки
Он жене своей дарит,
Подойдет, ей взглянет в глазки
И лукаво погрозит.

То, как ценный самородок,
Кудри взвесит на руке,
То возьмет за подбородок
Иль погладит по щеке.

Клад и этот цел – он видит,
И старик безмерно рад,
Подрожит и, скорчась, выйдет,
Но замкнет и этот клад.

Между тем проходят годы,
Он дряхлеет каждый миг,
И могильный зов природы
Слышит трепетный старик.

Жалко старому два клада
Бросить в мире – приуныл.
Первый клад он в угол сада
Ночью снес и там зарыл.

Не ходи в людскую руку!
Спи тут! Дело решено...
Но – куда другую штуку
Скроешь? – Вот что мудроно.

Как бы женку-то припрятать?
Как бы эту запереть,
И замкнуть, и запечатать,
А потом уж умереть?

Вот давай ее он кликать:
«Душка! Эй, поди сюда!
Жаль мне – будешь горе мыкать:
Я умру – тебе беда!

Попадешь в чужие люди, –
Ведь тебя не сберегут,
Пух твоей лебяжьей груди
Изомнут и изорвут.

Ты слыхала ль от соседок?
Ведь другие-то мужья
Жен своих и так и эдак...

Уж совсем не то, что я!

Ты была мне что невеста
От венца до этих пор,
Я тебе и честь, и место,
Да и двери на запор.

А умру – подобной чести
Не дождешься никогда.
Знаешь что? – Умрем-ка вместе!
Смерть ведь, право, не беда.

Согласись, мой розан алый!
Средство мной уж найдено», –
Та в ответ ему: «Пожалуй!
Хоть умрем – мне всё равно»,

«Ну, так – завтра. Ты покайся
Прежде мне, открой себя, –
Ведь сосед-то наш, признайся,
Подговаривал тебя?»»

«Что. таить, коль дело к смерти?
Я не отопрюсь никак».
– «Ишь соседи! Эки черти!
Я уж знал, что это так.

Он хотел тебя, как видно,
Увезти, скажи, мой свет!»»

– «Да; но мне казалось стыдно...
У него ж деньжонок нет;

Сам раздумает, бывало,
Да и скажет: «Подождем!
Ведь у скряги-то немало
Кой-чего – мы всё возьмем»».

«Ах, бездельник голоперый!
Ишь, так вот он до чего!
Человек-то стал я хворый,
А не то – уж я б его!»

«Успокойся же, папаша! –
Яну молвила жена. –
Вспомни: завтра участь наша
Будет смертью решена.

Ты и сам, быть может, грешен.
Как меня ты запирал
И замок тут был привешен –
Ты куда ходил?» – «В подвал».

«Может, душенька какая
Там была... признайся, хрыч!
Тяжкий грех такой скрывая,
Адской муки не накличь!

Ведь из аду уж не выдешь!

Что ж там было?» – «Ну... дитя...»
– «Незаконное! – вот видишь!
Говори-ка не шутя!

Грешник! Бог тебя накажет».
– «Что ты, дурочка? Мой сын
Мной не прижит был, а нажит –
Не от эдаких причин».

Призадумалась в кручине
Женка Яна, а супруг
Продолжал ей речь о сыне,
Разумея свой сундук:

«Мой сынок в пыли валялся,
Был в оковах, мерз зимой,
Часом звонко отзывался,
Желтоглазый был такой;

Не гульбу имел в предмете,
На подъем нелегко был, –
И уж нет его на свете:
Я его похоронил».

Тут порыв невольный взгляда
При улыбке старика
Обратился в угол сада
На могилу сундука.

«Что туда ты смотришь зорко? –
Подхватила вдруг жена. –
Там – в углу как будто горка, –
Не могилка ль там видна?»

Не сынок ли твой положен
Там, куда ты так взглянул?»
Ян замялся – и, встревожен,
Помолчав, рукой махнул:

«Всё земля возьмет. И сами
Мы с нее в нее пойдём.
После все пойдут за нами:
Те все порознь, мы – вдвоем.

Завтра кончим!» Но настало
Божье утро, Ян глядит:
Женки словно не бывало,
Угол сада весь разрыт.

Что-то хуже смерти хлада
Он почуял и дрожит.
Вдруг пропали оба клада.
На столе письмо лежит.

Ужас кровь ему морозит...
То рука жены его:
«Твой сосед меня увозит
С прахом сына твоего».

Между 1842 и 1850

Звездочет

На острове Гюэне, близ Копенгагена, находилась обсерватория Тихобраге, устроенная для него королем Фридрихом II. Здесь знаменитый астроном занимался наблюдениями в течение двадцати лет. По смерти Фридриха Тихобраге должен был искать другого пристанища. Через 50 лет и следов огромного здания обсерватории уже не было, но остался еще один старец, который показывал любопытным место, где-то здание находилось, и рассказывал об астрономе, которого помнил.

Супротив столицы датской
Есть неважный островок.
Жил там в хижине рыбацкой
Седовласый старичок –
Стар-престар. Приезжих двое,
Путешественники, что ль,
Кличут старого: «Позволь
Слово молвить!» – «Что такое?»
– «Ты ведь здешний старожил,
Объясни ж нам: здесь каменья –
След какого-то строенья.
Что тут было? Кто тут жил?»
– «Рассказать вам? Гм! Пожалуй!
Человек я здесь бывалый.
Был тут, видите, дворец!» –

Старец молвил наконец.
«Как? Дворец?» – «Ну да, чертоги
С башней. Было тут тревоги,
Было всякого труда
При постройке. Сам тогда
Здесь король быть удостоил;
Фридрих наш Второй и строил
Всё своей казною». – «Вот!
Кто же жил тут?» – «Звездочет.
Весь дворец с огромной башней
Был ему что кров домашний,
Я прислуживал ему;
Вырос я в простонародстве,
А уж тут и в звездочетстве
Приучился кой к чему.
Служба всё была среди ночи.
Часом спать хочу – нет мочи,
А нельзя, – звезда идет!
Иногда, бывало, гредишь,
А за ним туда же лезешь:
Уж на то и звездочет!
Только он ее завидит –
Дело кончено! Тогда
Просто наша та звезда
Уж, сердечная, не выдет
Из-под глазу – нет! Куда?
Хоть с другими вровень светит,
А уж он ее заметит
И включит в свой список – да!

Нам, бывало, с ним в привычку
От поры и до поры
Поименно перекличку
Звездам делать и смотрю.
Был я словно как придверник
Неба божьего, а сам
Что хозяин был он там –
Уж не то что как Коперник!
Тот, вишь, выложил на план,
Что Земля вокруг Солнца ходит.
Нет, шалит он, колобродит –
Как не так! Держи карман!
Вот! Ведь можно упереться
В Землю, – как же ей вертеться,
Если человек не пьян?
Ну, вы сами посудите!
Приступал я и к нему –
Звездочету своему:
«Вот, мол, батюшка, скажите!
Не попасться бы впросак!
Говорят и так и так;
Мой и темный разум сметил,
Что молва-то нас мутит.
Ведь – стоит?» И он ответил
Утвердительно: «Стоит».
У него ведь как в кармане
Было небо, лишь спросить;
Он и сам весь мир на плане
Расписал, чему как быть.

Я своими сам глазами
Видел план тот. Эх, дружки!
Всё круги, круги с кружками,
А в кружках опять кружки!
Я кой-что, признаться стыдно,
Хоть и понял, да не вплоть;
Ну, да где ж нам?.. Так уж, видно,
Умудрил его господь!
Нам спроста-то не в примету,
В небе, чай, кругов не счесть,
Смотришь так – кажись, и нету,
А ведь стало быть, что есть.
Да чего! Он знал на мили
Смерить весь до Солнца путь
И до Месяца; смекнуть
Всё умел. Мы вот как жили!
Да к тому же по звездам
Рассчитать судьбу всю нам
Мог он просто, как по пальцам,
Наверняк. Не для того ль
Здесь его и постояльцем
Во дворец пустил король?
Умер Фридрих – и прогнали
Звездочета, приказали
Изломать его дворец.
Я прощался с ним, – мудрец
0 Был спокоен. «Жаль, ей-богу, –
Снарядив его в дорогу,
Я сказал. – Вам до конца

Жить бы здесь! Теперь такого
Не добыть уж вам другого
Видозвездного дворца!
Просто – храм был!» Он рукою
Тут махнул мне и сказал:
«Этот храм всегда со мною!» –
И на небо указал.

1 Грустно было мне. Остался
Я как будто сиротой.
После ночью просыпался,
Смотришь – нет уж башни той,
Где и сон клонил, бывало;
Тут – не спится, дашь глазам
Чуть лишь волю, – те – к звездам!
Все знакомки ведь! Немало
Я их знал по именам,
Да забыл теперь; и входит
Дума в голову: наводит,
Чай, теперь свой зоркий глаз
Там он, звездочки, на вас!
На которую – не знаю...
Вот смотрю и выбираю, –
А узнать дай силу бог, –
Так бы вот и впился глазом,
Чтоб смотреть с ним вместе – разом;
Может, я б ему подмог
И отсюда!.. Глупой мысли
Не посмейтесь, господа!» –
И рассказчик смолк тогда,

Две слезы с ресниц нависли
И слились исподтишка
По морщинам старика.

Между 1842 и 1850

Стихотворения 1860-1870-х годов

И. А. Гончарову (Перед кругосветным его путешествием)

И оснащен, и замыслами полный,
Уже готов фрегат твой растолкнуть
Седых морей дымящиеся волны
И шар земной теченьем обогнуть,

Под бурями возмужествуй упрямо!
Пусть вал визжит у мощного руля!
Вот Азия – мир праотца Адама!
Вот юная Колумбова земля!

И ты свершишь плавучие заезды
В те древние и новые места,
Где в небесах другие блещут звезды,
Где свет лиет созвездие Креста.

Поклон ему! Взгляни как триумфатор
На сей трофей в хоругвях облаков,
Пересеки и тропик и экватор –

И отпируй сей праздник моряков!

И если бы тебе под небесами
Неведомых антиподов пришлось
Переверстаться с здешними друзьями
Ногами в ноги, головами врозь, –

То не роняй отрады помышленья,
Что и вдали сердечный слышен глас,
Что не одни лишь узы тяготенья
Всемирного соединяют нас.

Лети! – И, что внушит тебе природа
Тех чудных стран, – на пользу и добро
Пусть передаст, в честь русского народа,
Нам твой рассказ и славное перо!

Прости! – Вернись и живо и здорово
В суровые приневские края,
И радостно обнимут Гончарова
И Майковы, и все его друзья.

Сентябрь – начало октября 1852

Человек

Много жизненных вопросов
Тем решив, что всё пустяк,
Жил когда-то грек-философ –
Удивительный чудак.

Он ходил как жалкий нищий,
Полунаг и босиком,
И питался грубой пищей,
Сыт был брошенным куском;
В бочке жил; лучами солнца
Освещаем и согрет,

Он героя-македонца,
Покорившего весь свет,
И царя, и полубога,
Гордой просьбой удивил:
«Отодвинься, брат, немного, –
Ты мне солнце заслонил».

О, давно минувши лета!
Незапамятная старь!
Днем, при полной силе света,
Диоген зажег фонарь,
И в толпе народа шумной
Он идет, кругом глядит.

«Ищешь ты кого, безумный?»
– «Человека», – говорит.
Строгий циник видел грека

И в хитоне, и в плаще,
Но не видел человека
И искал его вотще.
Если б шел он в век из века
Вплоть до нынешних времен –
И донныне человека
Всё искал бы Диоген!

Ход веков мы видим ясно,
Нам истории скрижаль
Открывает беспристрастно
Дней давно протекших даль.
Что ж там? – Несколько сокровищ,
Много хламу жизни сей,
Много там людей-чудовищ,
Лжелюдей, полулюдей;
Всюду брани, козни, ковы,
Видны – римлянин суровый,
Грубый скиф и хитрый грек;
Много смертных полудиких,
Много малых, горсть великих...
Где же просто человек?
Был один. Он шел без грома,
Полон истины огнем.
Можно было «Ессе homo!»
Смело вымолвить о нем.
Он на всех смотрел с любовью,
Всех к бессмертью, как на пир,
Призывал, и чистой кровью

Он своей опрыснул мир.
Этот мир был им испуган;
Он был схвачен, был поруган,
Был оплеван, был казнен
От ватаги фарисейской
Смертью крестного, злодейской,
И в венке терновом он
Оцет пил средь смертной жажды...
«Человек, однако, мог
Нам явиться хоть однажды?»
– Нет, о люди, то был – бог!

Не позднее 25 апреля 1853

Звездочка

День докучен, днем мне горько.
Вот он гаснет... вот угас....
На закате меркнет зорька...
Вот и звездочка зажглась.

Здравствуй, ясная! Откуда?
И куда? – А я всё тут.
На земле всё так же худо,
Те же терния растут.

Над землей подьемлясь круто
К беспредельной вышине,
Что мелькаешь ты, как будто
Всё подмигиваешь мне?

Не с блаженством ли граничишь
Ты, приветная звезда?
И меня ты, мнится, кличешь,
Говоришь: «Поди сюда!

Круг разумных здесь созданий
Полон мира и любви,
Не заводит лютых браней,
Не купается в крови.

Здесь не будешь горе мыкать,
Здесь не то, что там у вас.
Полно хмуриться да хныкать!
Выезжай-ка в добрый час!

Тут нетряская дорога,
Легкий путь – ни грязь, ни пыль!
Воли много, места много».
– А далёко ль? Сколько миль?

Ох, далёко. Нам знакомы
Версты к Солнцу от Земли,
А с тобой и астрономы
Рассчитаться не могли.

Соблазнительным мерцаньем
Не мигай же с вышины, –
Благородным расстояньем
Мы с тобой разделены.

Сочетаньем кончить сделку
Трудно, – мы должны вести
Вечно взглядов перестрелку
Между «здравствуй» и «прости».

Знаю звездочку другую, –
Я хоть ту достать хочу –
Не небесную – земную, –
Мне и та не по плечу!

Так же, может быть, граничит
С райским счастьем та звезда,
Только та меня не кличет,
Не мигнет, – поди сюда!

Блещет мягче, ходит ниже –
Вровень, кажется, со мной,
Но существенно не ближе
Я и к звездочке земной.

И хоть так же б кончить сделку,
Как с тобой, – с ней век вести
Хоть бы взоров перестрелку
Между «здравствуй» и «прости»!

Не позднее 25 апреля 1853

Три власти Рима

Город вечный! Город славный!
Представитель всех властей!
Вождь когда-то своенравный,
Мощный царь самоуправный
Всех подлунных областей!
Рим – отчизна Сципионов,
Рим – метатель легионов,
Рим – величья образец,
В дивной кузнице законов
С страшным молотом кузнец!
Полон силы исполинской,
Ты рубил весь мир сплеча
И являл в руке воинской
Всемогущество меча.
Что же? С властью толикой
Как судьба тебя вела?
Не твоим ли, Рим великой.
Лошадь консулом была?
Не средь этого ль Сената –

В сем чертоге высших дел –
Круг распутниц, жриц разврата
Меж сенаторов сидел?
И не твой ли венценосный
Царь – певун звонкоголосный

Щеки красил и белил,
И, рядясь женообразно,
Средь всеобщего соблазна
Гордо замуж выходил,
Хохотал, и пел, и пил,
И при песнях, и при смехе
Жег тебя, и для потехи,
В Тибре твой смиряя пыл,
Недожженного топил,
И, стреляя в ускользнувших,
Добивал недотонувших,
Недостреленных травил?
Страшен был ты, Рим великой,
Но не спасся, сын времен,
Ты от силы полудикой
Грозных севера племен.
Из лесов в твои границы
Гость косматый забежал –
И воскормленник волчицы
Под мечом медвежьим пал.

Город вечный! Город славный!
Крепкий меч твой, меч державный
Не успел гиганта спасти, –
Меч рассыпался на части, –
Но взамен стальной сей власти
Ты явил другую власть.
Невещественная сила –
Сила Римского двора

Ключ от рая захватила
У апостола Петра.
Новый Рим стал с небом рядом,
Стал он пастырем земли,
Целый мир ему был стадом,
И паслись с поникшим взглядом
В этой пастве короли
И, клонясь челом к подножью
Властелина своего,
С праха туфли у него
Принимали милость божью
Иль тряслись морозной дрожью
Под анафемой его.
Гроб господен указуя,
И гремя, и торжествуя,
Он сказал Европе: «Встань!
Крест на плечи! меч во длань!»
И Европа шла на брань
В Азию, подобно стаду,
Гибнуть с верою немой
Под мечом и под чумой.
Мнится, папа, взяв громаду
Всей Европы вперегиб,
Эту ношу к небу вскинул,
И на Азию низринул,
И об гроб Христов расшиб;
Но расшибенное тело,
Исцеляясь, закипело
Новой жизнью, – а он

Сам собой был изнурен –
Этот Рим. – С грозой знакомый,
Мир узрел свой тщетный страх:
Неуместны божьи громы
В человеческих руках.
Пред очами света, явно,
Римских пап в тройном венце –
Пировал разврат державный
В грязном Борджиа лице.
Долго в пасть любостяжаний
Рим хватал земные дани
И тучнел от дольных благ,
За даянья отпирая
Для дающих двери рая.
Всё молчало, – встал монах,
Слабый ратник августинской,
Против силы исполинской,
И сильнее была, чем меч,
О Ополчившегося речь, –
И, ревнуя к божьей славе,
Рек он: «Божью благодать
Пастырь душ людских не вправе
Грешным людям продавать».
Полный гнева, полный страха,
Рим заслышал речь монаха,
И проклятьем громовым
Грозно грянул он над ним;
Но неправды обличитель
1 Вновь восстал, чтобы сказать:

«Нам божественный учитель
Не дал права проклинать».

Город вечный! – Чем же ныне,
Новой властью какой –
Ты мечом иль всесвятыей
Покоряешь мир людской?
Нет! пленять наш ум и чувства
Призван к мирной ты судьбе,
Воссияла мощь искусства,
Власть изящного в тебе.
В Капитолий свой всечтимый
На руках ты Тасса мчал
И бессмертья диадимой
Полумертвого венчал.
Твой гигант Микель-Анжело
Купол неба вдвинул смело
В купол храма – в твой венец.
Брал он творческий резец –
И, приемля все изгибы
И величия печать, –
Беломраморные глыбы
Начинали вдруг дышать;
Кисть хватал – и в дивном блеске
Глас: «Да будет!» – эта кисть
Превращала через фрески
В изумительное: «Бысть».
Здесь твой вечный труд хранится,
Перуджино ученик,

Что писал не кистью, мнится,
Но молитвой божий лик;
Мнится, ангел, вея лаской,
С растворенной, небом краской
С высоты к нему спорхнул –
И художник зачерпнул
Смесь из радуг и тумана
И на стены Ватикана,
Посвященный в чудеса,
Взял и бросил небеса.

Рим! ты много крови пролил
И проклятий расточил,
Но творец тебе дозволил,
Чтоб, бессмертный, ты почил
На изящном, на прекрасном,
В сфере творческих чудес.
Отдыхай под этим ясным,
Чудным куполом небес!
И показывай вселенной,
Как непрочны все мечи,
Как опасен дух надменный, –
И учи ее, учи!
Покажи ей с умилением
Santo padre своего,
Как святым благословеньем
Поднята рука его!
Прах развалин Колизея
Чужеземцу укажи:

«Вот он – прах теперь! – скажи. –
Слава богу!» – Мирно тлея,
Бойня дикая молчит.
Как прекрасен этот вид,
Потому, что он печален
И безжизнен, – потому,
Что безмолвный вид развалин
Так приличен здесь всему,
В чем, не в честь бывшего века,
Видно зверство человека.
Пылью древности своей,
Рим, о прошлом проповедуй,
И о смерти тех людей
Наставительной беседой
Жить нас в мире научи,
Покажи свои три власти,
И, смилив нам злые страсти,
Наше сердце умягчи!
Чтоб открыть нам благость божью,
Дать нам видеть божество, –
Покажи над бурной ложью
Кротких истин торжество!

1852 или 1853

Его не стало (написано на смерть В. А. Каратыгина)

Его не стало... Нет светила русской сцены –
Первослужителя скорбящей Мельпомены.
Плачь, муза сирая, – его уж в мире нет.
Фингал, Донской, Ермак, Людовик, Лир, Гамлет,
Цари, что из гробов им к жизни вызывались,
Вторичной смертию все ныне в нем скончались. –
Здесь ревностный денщик великого Петра,
Там бешеный игрок, ревнивый мавр вчера,
Сегодня он – король, вождь ратный иль посланник,
А завтра – нищий, раб, безумец иль изгнанник,
Там в пышной мантии, а тут в лохмотьях весь,
Но истинный артист везде – и там, и здесь,
С челом, отмеченным печатаю таланта;
Везде в нем видел мир глашатая-гиганта,
В игре, исполненной и чувства и ума,
Везде он был наш Кин, наш Гаррик, наш Тальма,

Мне видится театр. Все полны ожидания.
Вдруг – поднят занавес – и взрыв рукоплесканья
Раздался, – это ты, ты вышел, исполин!
Обдуман каждый шаг, ряды живых картин –
Его движения и каждый взмах десницы;
В бровях – густая мгла, гроза – из-под ресницы.

Он страшен. На лице великость адских мук.
В его гортани мрет глухих рыданий звук,
Волнуемая грудь всем слышимо клокочет,
И в хохоте его отчаянье хохочет.
Он бледен, он дрожит – и пена на устах,
И, судорожно сжав в трепещущих перстах
Сосуд с отравой, он пьет... в оцепененье
Следите вы его предсмертное томленье –
Изнемогает... пал... Так ломит кедр гроза.
Он пал, с его чела вам смотрит смерть в глаза,
Спускают занавес. Как бурные порывы:
«Его! Его! Пусть нам он явится! Сюда!»
Нет, люди, занавес опущен навсегда,
Кулисы вечности задвинулись. Не выйдет!
На этой сцене мир его уж не увидит.
Нет! – Смерть, которую так верно он не раз
Во всем могуществе изображал для вас,
Соделала его в единый миг случайный
Адептом выпреним своей последней тайны.

Прости, собрат-артист! Прости, со-человек!
С благословением наш просвещенный век
На твой взирает прах несусеверным оком
И мыслит: ты служил на поприще высоком,
Трудился, изучал язык живых страстей,
Чтоб нам изображать природу и людей
И возбуждать в сердцах возвышенные чувства;
Ты жег свой фимиам на алтаре искусства
И путь свой проходил, при кликах торжества,

Земли родимой в честь и в славу божества.

Середина марта 1853

Ф. Н. Глинке

Здравствуй, деятель и зритель
Многих чудных жизни сцен,
Музы доблестной служитель,
Наш поэт и представитель
Славных дедовских времен!

Знал ты время, ведал лета,
Как людьми еще был дан
В мире угол для поэта
И певец пред оком света
Чтил в себе свой честный сан.

В лоне мира – песнью мирной
Он страдальцев утешал,
На пиры – нес клик свой пирный,
В бранях – благовестью лирной
Доблесть храбрых возвышал.

Нес в величье он спокойном
Тяжесть дольного креста, –
Пел ли радость гимном стройным –
Он глумленьем непристойным
Не кривил свои уста;

И не мнил он обеспечить

Беззаконный произвол –
В русском слове чужеречить,
Рвать язык родной, увечить
Богом данный нам глагол.

И над этой речью кровной,
Внятной призванным душам,
Не был вверен суд верховный
Дерзкой стае суесловной –

Дел словесных торгашам.

Грустных новостей в пучине
Мы, поэт, погружены,
Но от прежних лет доньше
Честно верен ты святыне
Благородной старины.

И за то своим покровом
Сохранил в тебе господь
Эту силу – звучным словом,
Вечно юным, вечно новым,
Оживлять нам дух и плоть.

Помню: я еще мальчишкой
Рылся в книжках, и меж них
За подкраденною книжкой
Поэтической вспышкой
Зажигал меня твой стих;

Слух и сердце он лелеял, –
И от слова твоего,
От семян тех, что ты сеял,
Аромат библейский веял –
Отзыв неба самого.

Ты Карелии природу
В метких ямбах очертил,
Ты Двенадцатому году
В радость русскому народу
Незабвенным эхом был.

И теперь, на нас лишь канул
Бранный дождь, твоя пора
Не ушла: ты вмиг воспрянул
И по-русски первый грянул
Православное «ура».

Средь болезненного века
Жив и здрав ты, – честь! хвала!
Песнь живого человека
И до серба, и до грека
Христианская дошла.

Крест – нам сила, крест – наш разум.
К нам, друзья! – Из-за креста
Мы весь мир окинем глазом
И «на трех ударим разом

Со Христом и за Христа!»

12 мая 1854

Выпущенная птичка

Еще зеленеющей ветки
Не видно, – а птичка летит.
«Откуда ты, птичка?» – «Из клетки», –
Порхая, она говорит.

«Пустили, как видно, на волю.
Ты рада? – с вопросом я к ней. –
Чай, скучную, грустную долю
Терпела ты в клетке своей!»

«Нимало, – щебечет мне птичка, –
Там было отрадно, тепло;
Меня спеленала привычка,
И весело время текло.

Летучих подруг было много
В той клетке, мы вместе росли.
Хоть нас и держали там строго,
Да строго зато берегли.

Учились мы петь там согласно
И крылышком ловко махать,
И можем теперь безопасно
По целому свету порхать».

«Ох, птичка, боюсь – с непогодой
Тебе нелегко совладать,
Иль снова простишься с свободой, –
Ловец тебя может поймать».

«От бурь под приветною кровлей
Спасусь я, – летунья в ответ, –
А буду застигнута ловлей,
Так в этом беды еще нет.

Ловец меня, верно, не стубит,
Поймав меня в сети свои, –
Ведь ловит, так, стало, он любит,
А я создана для любви».

Август 1854

Любовь музыканта

Посвящено А. Г. Рубинштейну

Царь я, – все звуки – мне слуги покорные,
Войско державы моей.
Будь мне царицей! Глаза твои черные
Царских алмазов светлей.
Полный мечтами и думами гордыми,
В бурном порыве любви
Я всколыхну громовыми аккордами
Жаркие перси твои.
Весь я проникнут восторгом и муками, –
Созданный весь из огня,
Я упою тебя чудными звуками, –
В них ты прочувствуй меня!
В страстном огне, перерывы дыхания
Выразит струн моих звон,
Шепот «люблю», и печатью лобзания
Знойно подавленный стон.
Я облекусь в торжество триумфальное, –
И, как волну к берегам,
Разом всё царство мое музыкальное
Брошу к твоим я ногам.

Между 1848 и 1854

Рашель

(Написано после появлений ее в ролях Федры и Гермионы)

От берегов тревожных Сены,
Предвозвещенная молвой,
Верховной жрицей Мельпомены
Она явилась над Невой.
Старик Расин взрывает недра
Своей могилы и глядит, –
Его истерзанная Федра
В венце бессмертия стоит,
Гнетом грузом украшений,
Преступной страстью сожжена,
И средь неистовых движений
Античной прелести полна.
То, мнится, мрамор в изваянье
Пигмалионовски живой
Томится в страстном истязанье
Пред изумленной толпой.
Из жарких уст волной певучей
Течет речей волшебный склад,
То, металлически гремучий,
Он, раздробленный в прах летучий,
Кипит и бьет, как водопад,

То, просекаясь знойным криком,
Клокочет он в избытке сил,
То замирает в гуле диком
И веет таинством могил.

Вот дивный образ Гермионы!
Как отголоски бурь в глуши,
Широкозвучны эти стоны
Пронзенной ревностью души,
Один лишь раз, и то ошибкой,
Надежда вспыхнула на миг,
И гордой греческой улыбкой
Прекрасный озарился лик, –
И вновь ударом тяжелой вести
Елены дочь поражена –
Вся пламенеет жаждой мести, –
Троянка ей предпочтена.
Как вид подрытого утеса.
Что в бездну моря смотрит косо,
Чело громадное склоня,
Спокойно страшен звук вопроса:
«Орест! Ты любишь ли меня?»
Под скорбным сердцем сжаты слезы:
«Отмсти! Восстань за свой кумир!
Лети! Рази! Разрушь весь мир!»
Взор блещет молнией угрозы –
Дрожи, дрожи, несчастный Пирр!
В глухих раскатах голос гнева
Мрет, адской гибелью гудя;

Ужасна царственная дева,
Как Эвменида... Уходя,
Она, в последнем вихре муки,
Исполняясь мощи роковой,
Змеисто взброшенные руки
Взвила над гневной головой –
И мчится – с полотна текущей
Картиной – статуей бегущей –
Богиней кары громовой.

И при захваченных дыханьях
Театра, полного огнем,
При громовых рукоплесканьях
Всего, что жизнью дышит в нем,
Зашевелился мир могильный,
Отверзлась гробовая сень...
Рашель! Твоей игрой всеильной
Мне зрится вызванная тень:
Наш трагик, раннею кончиной
От нас оторванный, восстал
И, устремив свой взор орлиный
На твой триумф, вострепетал.
Он близ тебя заметил место,
Где б ты могла узреть его
В лице Тезея, иль Ореста,
Иль Ипполита твоего.

1853 или 1854

Благодарю вас за цветы

Посвящено М. Ф. Штакенинейдер

Устранив высокопарность
Поэтической мечты,
Проще самой простоты
Приношу вам благодарность
За роскошные цветы,
В виде ноши ароматной,
Усладительной вполне,
С вашей дачи благодатной
Прилетевшие ко мне.

Здесь, среди красок дивной смеси,
Ярко блещет горлицвет,
Под названьем «барской спеси»
Нам известный с давних лет.
Вот вербена – цвет волшебный, –
Он у древних славен был,
Чудодейственно целебный,
На пирах он их живил,
Кипятил их дух весельем,
Дряхлых старцев молодил,
И подчас любовным зельем
В кровь он римскую входил.
Чудный цвет! В нем дышит древность,

Жгуч как пламя, ал как кровь,
Пламенеет он, как ревность,
И сверкает, как любовь.
Полны прелести и ласки
Не анютины ли глазки
Здесь я вижу? – Хороши.
Сколько неги и души!
Вот голубенькая крошка –
Незабудка! Как я рад!
Незабвенье – сердца клад.
Вот душистого горошка
Веет райский аромат!
Между флоксов, роз и лилий
Здесь и ты, полей цветок, –
Здравствуй, добрый мой Василий,
Милый Вася – василек!
Сколько венчиков махровых!
Сколько звездочек цветных!
И созвездие меж них
Георгин пышноголовых,
Переброшенных давно
В европейское окно
Между множеством гигантских
Взятых за морем чудес,
Из-под светлых мексиканских
Негой дышащих небес.
Я люблюсь, упиваюсь
И признательным стихом
За цветы вам поклоняюсь –

И хотел бы, чтоб цветком
Хоть единым распустился
Этот стих и вам явился
Хоть радушным васильком;
Но – перерван робким вздохом –

Он боится, чуть живой,
Вам предстать чертополохом
Иль негодною травой.

23 июня 1854

Мелочи жизни

Есть муки непрерывные: не видно,
Не слышно их, о них не говорят.
Скрывать их трудно, открывать их стыдно,
Их люди терпят, жмутся и молчат.

Зарыты в мрак душевного ненастья,
Они не входят в песнь твою, певец.
Их благородным именем несчастья
Назвать нельзя, – несчастье – венец,

Венец святой, надетый под грозою,
По приговору божьего суда.
Несчастье – терн, обрызнутый слезою
Иль кровию, но грязью – никогда.

Оно идет как буря – в тучах грозных,
С величьем, – тут его и тени нет.
Тут – пошлость зол и бед мелкозанозных,
Вседневных зол и ежечасных бед.

Житейский сор! – Едва лишь пережиты, –
Одни ушли, те сыплют пылью вновь, –
А на душе осадок ядовитый
От них растет и проникает в кровь;

Они язвят, подобно насекомым,
И с ними тщетна всякая борьба, –
Лишь вихрем бурным, молнией и громом
Разносит их могучая судьба.

1855

Малое слово о великом

На Руси, немножко дикой,
И не то чтоб очень встарь,
Был на царстве Царь Великой:
Ух, какой громадный царь!

Так же духом он являлся,
Как и телом, – исполин,
Чудо – царь! – Петром он звался,
Алексеев был он сын.

Мнится, бог изрек, державу
Дав гиганту: «Петр еси –
И на камени сем славу
Я созижду на Руси».

Много дел, зело успешных,
Тем царем совершено.
Им заложено в «потешных»
Войска дивного зерно.

Взял топор – и первый ботик
Он устроил, сколотил,
И родил тот ботик – флотик,
Этот флотик – флот родил.

Он за истину прямую
Дерзость дерзкому прощал,
А за ложь, неправду злую
Живота весьма лишал, –

А иному напоминки
Кой о чем, начистоту,
Делал с помощью дубинки
Дома, в дружеском быту.

Пред законом исполина
Все стояли на ряду;
Сын преступен – он и сына
Предал смертному суду.

А под совести порукой
Правдой тычь не в бровь, а в глаз,
И, как Яков Долгорукой,
Смело рви царев указ!

Царь вспылит, но вмиг почует
Силу истины живой, –
И тебя он расцелует
За порыв правдивый твой.

И близ жаркой царской груди
Были люди хороши,
Люди правды, чести люди,
Люди сердца и души:

Друг – Лефорт, чей гроб заветный
Спрыснут царской был слезой,
Шереметев – муж советный,
Князь Голицын – боевой, –

Князь Голицын – друг победам,
Личный недруг Репнину,
Пред царем за дело с шведом
Тяжко впавшему в вину.

Левенгаупта без пощады
Бьет Голицын, весь – война.
«Князь! Проси себе награды!»
– «Царь, помилуй Репнина!»

Царь с Данилычем вел дружбу,
А по службе – всё в строку,
Спуску нет, – сам начал службу
Барабанщиком в полку.

Под протекциею женской
Не проскочишь в верхний сан!
Царь и сам Преображенской
Стал недаром капитан.

Нет! – Он бился под Азовом,
Рыскал в поле с казаком
И с тяжелым и суровым

Бытом война знаком.

Поли воинственной стихии,
Он велел о той поре
Только думать о России
И не думать о Петре.

И лишь только отвоюет –
Свежим лавром осенен,
Чинно князю рапортует
Ромодановскому он.

И, вступая постепенно
В чин за чином, говорил:
«Князь-де милостив отменно,
Право, я не заслужил».

В это время Русь родная,
Средь неведения тьмы,
Чернокнижье проклиная,
Книг боялась, как чумы,

Не давалась просвещенью,
Проживала как пришлось
И с славянской доброй ленью
Всё спускала на авось, –

И смотрела из пеленок,
Отметаема людьми,

Как подкинутый ребенок
У Европы за дверьми.

«Как бы к ней толкнуться в двери
И сказать ей не шутя,
Что и мы, дескать, не звери, –
Русь – законное дитя!

Как бы в мудрость иноземнее
Нам проникнуть? – думал он. –
Дай поучимся у немцев!
Только первый шаг мудрен».

Сердце бойко застучало –
Встал он, время не губя:
«На Руси всему начало –
Царь, – начну же я с себя!»

И с ремесленной науки
Начал он, и, в деле скор,
Крепко в царственные руки
Взял он плотничий топор.

С бодрым духом в бодром тела
Славно плотничает царь;
Там успел в столярном деле,
Там – глядишь – уж и токарь.

К мужику придет: «Бог помочь!»

Тот трудится, лоб в поту.
«Что ты делаешь, Пахомыч?»
– «Лапти, батюшка, плету,

Только дело плоховато, –
Ковыряю как могу,
Через пятое в десято».
– «Дай-ка, я те помогу!»

Сел. Продернет, стянет дырку, –
Знает, где и как продеть,
И плетет в частоковырку,
Так, что любо поглядеть.

В поле к праздному владельцу
Выйдет он, найдет досуг,
И исправит земледельцу.
Борону его и плуг.

А на труд свой с недоверьем
Сам всё смотрит. «Нет, пора
Перестать быть подмастерьем!
Время выйти в мастера».

И, покинув царедворский
Штат, и чин, и скипетр свой,
Он поехал в край заморский.
«Человек-де я простой –

Петр Михайлов, плотник, слесарь,
Подмастерье», – говорит.

А на царстве там князь-кесарь
Ромодановский сидит,

Федор Юрьич. – Он ведь спросит
От Петра и то и се, –
И рапортом он доносит
Князю-кесарю про всё.

«Вот, – он пишет, – дело наше
Подвигается, тружусь,
И о здоровье Вашем, Ваше
Я Величество, молюсь».

И припишет вдруг: «Однако
Всё я знаю, не дури!
Не грызи людей, собака!
Худо будет, князь, смотри!»

Навострившись у голландцев,
Заглянув и в Альбион,
У цесарцев, итальянцев
Почулся также он.

Стал он мастер корабельный,
И на всё горазд притом:
Он и врач довольно дельный,
И хирург, и анатом,

Физик, химик понемногу,
И механик неплохой, –
И в обратную дорогу
Снарядился он домой.

Для уроков же изустных,
Что он Руси дать желал,
Он учителей искусных
Ей из-за моря прислал.

Полно втуне волочиться!
Дворянин! Сади сынка
Букве, цифири учиться,
Землемерию слегка!

Только все успехи плохи
И ученье ни к чему.
Русский смотрит: скоморохи
В немцах видятся ему, –

И учителям не хочет
Верить, что ни говори,
Немец, думает, морочит:
Все фигляры! штукари!

Всё в них странно, не по-русски.
Некрещеный всё народ!
Нос табачный, платья узки,

Да и ходят без бород.

Как им верить? Кто порука?

И – не к ночи говоря –

Козни беса – их наука!

Изурочили царя.

И державный наш работник

Посмотрел, похмурил взор,

Снова вспомнил, что он плотник,

Да и взялся за топор.

Надо меру взять иную!

Русь пригнул он... быть беде!

И хватил ее, родную,

Топором по бороде:

Отскочила! – Брякнул, звякнул

Тот удар... легко ль снести?

Русский крякнул, русский всплакнул:

Эх, бородушка, прости!

Кое-где и закричали:

«Как? Да видано ль вовек?»

Тсс... молчать! – И замолчали –

Что тут делать? – Царь отсек.

И давай рубить он с корня:

Роскошь прочь! Кафтан с плеча!

Прочь хоромы, пышность, дворня!
Прочь и бархат и парча!

Раззолоченные тряпки,
Блестки – прочь! Всё в печь вались!
Скидывай собольи шапки!
Просто – немцем нарядись!

Царь велел. Слова коротки.
Простоты ж пример в глазах;
Сам, подкинув он подметки,
Ходит в старых сапогах.

Из заветных, тайных горниц,
Из неведомых светлиц
Вывести велено затворниц –
И девиц, и молодicc.

В ассамблею! – Душегрейки
С плеч долой! Таков приказ.
Страх подумать: белы шейки,
Белы плечи напоказ!

Да чего? – Полгруды видно,
Так и в танец выходи!
Идут, жмурятся... так стыдно!
Ручки к глазкам – не гляди!

А приказу всё послушно.

Женки слезы трут платком,
Царь же потчует радушно
Муженьков их табаком.

Табакерки! Трубки! – В глотку
Хоть не лезет, а тяни!
Порошку возьми щепотку –
В нос пихни, нюхни, чихни!

Тянут, нюхают. Ну, зелье!
Просто одурь от него.
Эко знатное веселье! –
А привыкнешь – ничего –

Сам попросишь. – В пляс голландский,
Хоть не хочется, иди!
Эй ты там, сынок дворянский!
Выходи-ка, выходи!

«Lieber Augustin» – по звуку
На немецкий лад кружи!
Откружил – ступай в науку!
А научишься – служи!

Мало дома школьных храмин –
За границу поезжай!
А воротисься – экзамен
Царь задаст, не оплошай!

Сам допросит, выложь знанья –
Цифирь, линии, круги!
А не сдержишь испытанья –
И жениться не моги!

Не позволит! – Оглянулся:
Он уж там – и снова весь
Мысль и дело, – покачнулся,
Задремал ты – он уж здесь.

Там нашел он ключ целебный,
Там – серебряный рудник,
Там устроил дом учебный,
Там богатств открыл родник,

Там взрывает камней груды,
Там дворян зовет на смотр, –
А меж тем наука всюду,
И в науке всюду Петр –

Рыщет взглядом, сводит брови...
Там – под Нарвой храбрый швед
Учит нас ценою крови
Трудной алгебре побед.

Научились. Под Полтавой
Вот он грозен и могуч!
Голос – гром, глаза – кровавый
Выблеск молнии из туч.

Враг разбит. Победа наша!
И сподвижник близ него –
Князь Данилыч Алексаша,
Славный Меншиков его.

От добра пришлось и к худу:
Смелый царь вступил на Прут,
И – беда случись: отсюда
Злые турки так и прут.

Окружили. Дело круто.
Торжествует сопостат, –
И Великий пишет с Прута
В свой встревоженный Сенат:

«Не робеть! – Дела плохие.
Жизнь Петру недорого.
Что тут Петр? Важна Россия.
Петр ей так, как вы, слуга.

Только б чести не нарушить!
Против чести что коль сам
Скажет Петр – Петра не слушать!
То не царь уж скажет вам.

Плен грозит. За выкуп много
Коль потребуют враги –
Не давать! Держаться строго!

Деньгу крепко береги!»

Но спасает властелина
И супруга своего
Черна бровь – Екатерина,
Катя чудная его.

Хитрый путь она находит,
Клонит к миру визиря
И из злой беды выводит
Изумленного царя.

Гнев ли царский на раската,
Царь Данилычем взбешен, –
Казнь ему! Данилыч к Кате,
Та к царю – и князь прощен.

Раз, заметив захоlustье,
Лес, болотный уголок,
Глушь кругом, – при невском устье
Заложил он городок.

Шаток грунт, да сбоку море,
Расхлестнем к Европе путь!
Эта дверь не на затворе.
Дело сладим как-нибудь.

Нынче сказана граница,
Завтра – срублены леса,

Через десяток лет – столица,
Через сотню – чудеса!

Смерть смежила царски очи,
Но бессмертные дела,
Но следы гигантской мочи
Русь в наследье приняла.

И в тот век лишь взор попятишь –
Всё оттоль глядит добром,
И доселе что ни схватишь –
Откликается Петром, –

И петровскую стихию
Носим в русской мы крови
Так, что матушку Россию
Хоть «Петровией» зови!

А по имени любовно
Да по батюшке назвать,
Так и выйдет: «Русь Петровна», –
Так извольте величать!

Всюду дум его рассадник, –
И прекрасен над рекой
Этот славный «Медный всадник»
С указующей рукой.

Так державно, так престольно

Он глядит на бег Невы,
Что подходишь – и невольно
Рвется шапка с головы.

Под стопами исполина
Золотые письма
Зри: «Петру – Екатерина» –
И пойми: Ему – Она!

И, на лик его взирая,
С сладким трепетом в груди,
Кончи: «Первому – Вторая» –
И без шапки проходи!

1855

Христианские мысли перед битвами (в дни св. Пасхи 1855 г.)

Готовясь в бой с врагом и ополчась на битву,
Произнесем, друзья, смиренную молитву
К отцу и богу сил! Не станем возглашать,
Что мы идем дела святые совершать!
Не будем называть святыней пир кровавый,
И славу божию с земною нашей славой
Безумно смешивать! – Под сению креста
Во имя кроткое спасителя-Христа
Не могут резаться и грызться люди-братья,
Не обновляя язв честнейшего распятия, –
И, может быть, тому, кто со креста поник
Главою мирною, наш предпобедный клик –
Клик с именем его, воинственно-разгульный,
Под небом слышится насмешкой богохульной.
Зачем же оскорблять учителя любви,
Взывая к кроткому: Се нож! Благослови,
Да в честь твою его поднимем на убийство!
Уйдем таких молитв кощунственных витийство!
И, на врагов восстав, к владыке воззовем:
Прости, о господи, мы много их побьем!
О, просвети своим небесным правосудьем,
Всевышний, их и нас! Мы служим лишь орудьем
А явлению твоих таинственных судеб.

Ты правду зришь один, а бедный смертный слеп.
Дай мир нам! Изжени дух злобы и коварства,
Волнующий враждой земные наши царства!
В них братство водвори! Да с именем Христа
Не меч подымлется на злые состязанья,
Но умиранные смыкаются уста
Божественным ключом пасхального лобзанья!

Конец апреля – начало мая 1855

К России

Не унывай! Все жребии земные
Изменчивы, о дивная в землях!
Твоих врагов успехи временные
Пройдут, как дым, – исчезнут, яко прах.
Всё выноси, как древле выносила,
И сознавай, что в божьей правде сила,
А не в слепом движении страстей,
Не в золоте, не в праздничных гремушках,
Не в штуцерах, не в дальнометных пушках
И не в стенах могучих крепостей.

Да, тяжело... Но тяжелей бывало,
А вышла ты, как божий день, из тьмы;
Терпела ты и в старину немало
Различных бурь и всякой кутерьмы.
От юных дней знакомая с бедами,
И встарь ты шла колючими путями,
Грядущего зародыши тая,
И долгого терпения уроки
Внесла в свои таинственные строки
Суровая История твоя.

Ты зачат был от удали норманнской
(Коль к твоему началу обращусь),
И мощною утробой славянской

Ты был носим, младенец чудный – Рус,
И, вызванный на свет к существованию,
Европе чужд, под Рюриковой дланью
Сперва лежал ты пасынком земли,
Приемышем страны гиперборейской,
Безвестен, дик, за дверью европейской,
Где дни твои невидимо текли.

И рано стал знаком ты с духом брани,
И прыток был ребяческий разбег;
Под Игорем с древлян собирал ты дани,
Под Цареград сводил тебя Олег,
И, как ведром водицу из колодца,
Зачерпывал ты шапкой новгородца
Днепровский вал, – и, ловок в чудесах,
Преград не зря ни в камнях, ни в утесах,
Свои ладьи ты ставил на колесах
И посуху летел на парусах.

Ты подрастал. Уж сброшена пеленка,
Оставлена дитятей колыбель;
Ты на ногах, пора крестить ребенка!
И вот – Днепра заветная купель
На греческих крестинах расступилась,
И Русь в нее с молитвой погрузилась.
Кумиры – в прах! Отрекся и от жен
Креститель наш – Владимир, солнце наше,
Хоть и вздохнул: «Зело бо жен любяще», –
И браком стал с единой сопряжен.

И свергнут был в горнило испытаний
Ты – отрок – Рус. В начале бытия
На двести лет в огонь домашних браней
Тебя ввели удельные князья:
Олегович, Всеславич, Ярославич,
Мстиславич, Ростиславич, Изяславич, –
Мозг ныл в костях, трещала голова, –
А там налег двухвековой твой барин.
Тебе на грудь – неистовый татарин,
А там, как змей, впилась в тебя Литва.

Там Рим хитрил, но, верный православию,
Ты не менял восточного креста.
От смут склонил тебя к однодержавью
Твой Иоанн, рекомый «Калита».
Отбился ты и от змеи литовской,
И крепнуть стал Великий князь Московской,
И, осенен всевышнего рукой,
Полки князей в едину рать устроив,
От злых татар герой твой – вождь героев –
Святую Русь отстаивал Донской.

И, первыми успехами венчанна,
Русь, освежась, протерла лишь глаза,
Как ей дались два мощных Иоанна:
Тот – разум весь, сей – разум и гроза, –
И, под грозой выдерживая опыт,
Крепясь, молясь и не вдаваясь в ропот,

На плаху Рус чело свое клонил,
А страшный царь, кроваво-богомольный,
Терзая люд и смиренный и крамольный,
Тиранствовал, молился и казнил.

Лишь только дух переводил – и снова
Пытаем был ты, детствующий Рус, –
Под умною опекой Годунова
Лишь выправил ты бороду и ус
И сел было с указкою за книжку,
Как должен был за Дмитрия взять Гришку,
А вслед за тем с ватагою своей
Вор Тушинский казацкою тропинкой
На царство шел с бесстыдною Маринкой –
Сей польскою пристяжкой лжецарей.

И то прошло. И, наконец, указан
России путь божественным перстом:
Се Михаил! На царство в нем помазан
Романовых благословенный дом.
И се – восстал гигант-образователь
Родной земли, ее полусоздатель
Великий Петр. Он внутрь и вне взглянул
И обнял Русь: «Здорово, мол, родная!» –
И всю ее от края и до края
Встряхнул, качнул и всю перевернул, –

Обрил ее, переодел и в школу
Ее послал, всему поиаучил;

«Да будет!» – рек, – и по его глаголу
Творилось всё, и русский получил
Жизнь новую. Хоть Руси было тяжко,
Поморщилась, покорчилась, бедняжка,
Зато потом как новая земля
Явилась вдруг, оделась юной славой,
Со шведами схватилась под Полтавой
И бойкого зашибла короля.

И побойчей был кое-кто, и, глядя
На божий мир, весь мир он с бою брал, –
То был большой, всезнаменитый дядя,
Великий вождь, хоть маленький капрал;
Но, с малых лет в гимнастике страданий
Окрепший, росс не убоился брани
С бичом всех царств, властителем властей,
С гигантом тем померялся он в силах,
Зажег Москву и в снеговых могилах
Угомонил непризванных гостей.

И между тем как на скалах Елены
Утихло то, что грозно было встарь,
Торжественно в стенах всеборной Вены
Европе суд чинил наш белый царь,
И где ему внимали так послушно –
Наш судия судил великодушно.
Забыто всё. Где благодарность нам?
«Вы – варвары!» – кричат сынам России
Со всех сторон свирепые витии,

И враг летит по всем морским волнам.

Везде ты шла особою дорогой,
Святая Русь, – давно ль средь кутерьмы
На Западе, охваченном тревогой,
Качалось всё? – Спокойны были мы,
И наш монарх, чьей воли непреклонность
Дивила мир, чтоб поддержать законность,
По-рыцарски извлек свой честный меч.
За то ль, что с ним мы были бескорыстны,
Для Запада мы стали ненавистны?
За то ль хотят на гибель нас обречь?

В пылу войны готовность наша к миру
Всем видима, – и видимо, как есть,
Что схватим мы последнюю секиру,
Чтоб отстоять земли родимой честь.
Не хочет ли союзничество злое
Нас покарать за рыцарство былое,
Нам доказать, что нет священных прав,
Что правота – игрушка в деле наций,
Что честь знамен – добавок декораций
В комедиях, в трагедиях держав?

Или хотят нас просветить уроком,
Нам показать, что правый, честный путь
В политике является пороком
И что людей и совесть обмануть –
Верх мудрости? – Нет! Мы им не поверим.

Придет конец невзгодам и потерям, –
Мы выдержим – и правда верх возьмет.
Меж дел людских зла сколько б ни кипело –
Отец всех благ свое проводит дело,
И он один уроки нам дает.

Пусть нас зовут врагами просвещенья!
Со всех трибун пускай кричат, что мы –
Противники всемирного движенья,
Поклонники невежественной тьмы!
Неправда! Ложь! – К врагам готовы руку
Мы протянуть, – давайте нам науку!
Уймите свой несправедливый шум!
Учите нас, – мы вам «спасибо» скажем;
Отстали мы? Догоним – и докажем,
Что хоть ленив, но сметлив русский ум.

Вы хитростью заморскою богаты,
А мы спроста в открытую идем,
Вы на словах возвышенны и святы,
А мы себя в святых не сознаем.
Порой у нас (где ж люди к злу не падки?)
Случаются и английские взятки,
И ловкости французской образцы
В грабительстве учтивом или краже;
А разглядишь – так вы и в этом даже
Великие пред нами мудрецы.

Вы навезли широкожерлых пушек,

Громадных бомб и выставили рать,
Чтоб силою убийственных хлопушек
Величие России расстрелять;
Но – вы дадите промах. Провиденье
Через вас свое дает нам наставленье,
А через нас самих вас поразит;
Через вас себя во многом мы исправим,
Пойдем вперед и против вас поставим
Величия усиленного щит.

И выстрелы с той и другой стихии
Из ваших жерл, коли на то пошло,
Сразят не мощь державную России,
А ваше же к ней привитое зло;
И, крепкие в любви благоговейной,
Мы пред царем сомкнёмся в круг семейной,
И всяк сознай, и всяк из нас почуй
Свой честный долг! – Царя сыны и слуги –»
Ему свои откроем мы недуги
И скажем: «Вот! Родимый наш! Врачуй!»

И кто из нас или нечестный воин,
Иль гражданин, но не закона страж,
Мы скажем: «Царь! Он Руси не достоин,
Изринь его из круга, – он не наш».
Твоя казна да будет нам святыня!
Се наша грудь – Отечества твердыня,
Затем что в ней живут и бог и царь,
Любовь к добру и пламенная вера!

И долг, и честь да будут – наша сфера!
Монарх – отец, Отечество – алтарь!

Не звезд одних сияньем лучезарен,
Но рвением к добру страны родной,
Сановник наш будь истинный боярин,
Как он стоит в стихах Ростопчиной!
Руководись и правдой и наукой,
И будь второй князь Яков Долгорукой!
Защитник будь вдовства и сиротства!
Гнушайся всем, что криво, низко, грязно!
Будь в деле чужд Аспазий, Фрин соблазна,
Друзей, связей, родства и кумовства!

И закипят гигантские работы,
И вырастет богатство из земли,
И явятся невиданные флоты,
Неслыханных размеров корабли,
И миллионы всяческих орудий,
И явятся – на диво миру – люди, –
И скажет царь: «Откройся свет во мгле
И мысли будь широкая дорога,
Затем что мысль есть проявление бога
И лучшая часть неба на земле!»

Мы на тебя глядим, о царь, – и тягость
С унылых душ снимает этот взгляд.
Над Русью ты – увенчанная благость,
И за тебя погибнуть каждый рад.

Не унывай, земля моя родная,
И, прошлое с любовью вспоминая,
Смотри вперед на предлежащий век!
И верь, – твой враг вражду свою оплачет
И замолчит, уразумеет, что значит
И русский бог, и русский человек.

Октябрь 1855

В альбом Е. Карлгоф

Веселый нрав – Ваш дар природный,
В Вас жизнь кипит – хвала творцу!
И пуще шляпки самой модной
Живая радость Вам к лицу;
Так дай же бог шутя, с улыбкой
Весь так пройти Вам жизни путь,
Чтоб не случилось и ошибкой
Вам ни заплакать, ни вздохнуть!

Между 1847 и 1856

Извинение

Винюсь пред ангелом ребенком:
Случайно назвал я, шутя,
Очаровательным бесенком
Игриво-бойкое дитя.
Она (здесь милая природа
Грамматике сказала: вон! –
И потому «она» – не «он»,
Ребенок женского был рода) –
Она, ушко свое склоня,
Когда молва до ней домчалась
Про эту дерзость, зачуралась,
Воскликнув трижды: «Чур меня!» –
И тем же ангелом осталась.
О, если б прежние года
И прежний пыл!.. Избави боже!
Случись, что был бы я моложе
И с нею встретился б, тогда
От этих прелестей – беда! –
Страдать бы крепко мне досталось
И сердце, полное огня,
Стократ кричало б: «Чур меня!» –
И всё бы адски бесновалось;
А ныне я, спокойно-горд,
Дерзнул, любуясь тем ребенком,
Назвать и ангела бесенком

Затем, что сам я старый черт.

Между 1850 и 1856

Распутие

Мне памятно: как был ребенком я –
Любил я сказки; вечерком поране
И прыг в постель, совсем не для спанья,
А рассказать чтобы успела няня
Мне сказку. Та, бывало, и начнет
Мне про Иван-царевича. «Ну вот, –
Старушка говорит, – путем-дорогой
И едет наш Иван-царевич; конь
Золотогривый и сереброногой –
Дым из ушей, а из ноздрей огонь –
Стремглав летит. Да вдруг и раздвоилась
Дорожка-то: одна тропа пустилась
Направо, вдаль, через гористый край;
Другая же тропинка своротилась
Налево – в лес дремучий, – выбирай!
А тут и столб поставлен, и написан
На нем наказ проезжему: пустьись он
Налево – лошадь сгинет, жив ездок
Останется; направо – уцелеет
Лихой золотогрив, сереброног,
А ездоку смерть лютая приспеет.
Иван-царевич крепко приуныл:
Смерть жаль ему коня-то; уж такого
Ведь не добыть, он думает, другого,
А всё ж себя жаль пуще, своротил

Налево», – и так далее; тут бреду
Конец не близко, много тут вранья,
Но иногда мне кажется, что я
Вдоль жизни, как Иван-царевич, еду –
И, вдумавшись, в той сказке нахожу
Изрядный толк. Вот я вам расскажу,
Друзья мои, не сказку и не повесть,
А с притчей быль. Извольте: я – ездок,
А конь золотогрив, сереброног –
То правда божья, истина да совесть.
И там и здесь пути раздвоены –
Налево и направо. Вот и станешь, –
Которой же держаться стороны?
На ту посмотришь да на эту взглянешь.
Путь честный – вправо: вправо и свернешь,
Коль правоту нелицемерно любишь,
Да тут-беда! Тут сам себя погубишь
И лишь коня бесценного спасешь.
Так мне гласит и надпись у распутия.
Живи ж, мой конь! Готов уж повернуть я
Направо – в гору, в гору – до небес...
Да думаешь: что ж за дурак я? Эво!
Себя губить! – Нет! – Повернул налево,
Да и давай валять в дремучий лес!

Между 1850 и 1856

Прежде и теперь

Я не люблю воспоминаний – нет!
О, если б всё, всё сердце позабыло!
Пересмотрев ряды минувших лет,
Я думаю: зачем всё это было?

Прошедшее за мною, как змея,
Шипя, ползет. Его я проклинаяю.
Всё, что узнал, ношу как бремя я
И говорю: «Зачем я это знаю?»

Под разума критической лозой
Вся жизнь моя мне кажется ошибкой.
На что смотрел я прежде со слезой,
Теперь смотрю с насмешливой улыбкой.

Пред чем горел я пламенем грудным,
Пред тем стою с бесчувственностью трупя;
О том, что мне казалось неземным,
Готов сказать: «Как это было глупо!»

А для чего желал бы я забыть
Минувшее? – Чтоб сердцем стать моложе
И в будущем возобновить всё то же,
Все глупости былые повторить, –

Растратить вновь святыя упования,
И, опытов хватая барыши,
За них продать и девственность незнания,
И светлое ребячество души.

Как весело, пока живешь и любишь,
И губишь всё, что думал век любить!..
Нехорошо всё это погубить,
А хорошо, пока всё это губишь.

Между 1850 и 1856

Н. Б. Вележеву (При посылке собрания стихотворений)

Блюститель первого условия
Всех наслаждений жизни сей,
Вы – доктор наш, вы – страж здоровья,
И свят ваш подвиг среди людей.
Я – стихотворец, и на лире
Дано играть мне в этом мире –
В сей скудной сфере бытия,
Где мы живем, томимся, тужим;
Но не гармонии ль мы служим,
Почтенный доктор, вы и я?
Вникает в тайны механизма
Телесных сил ваш зоркий взгляд,
Чтоб наши струны организма
Порой настраивать на лад,
Чтоб вновь они, в их полном ходе,
Пристроясь к жизни торжеству,
Звучали песнию природе
И громким гимном божеству;
По строгим правилам науки
Соразмеряете вы их, –
А я ввожу в размеры звуки

И их слагаю в мерный стих –
И счастлив, ежели хоть слово,
Хоть звук, обдуманый в тиши,
Встает и живо, и здорово
Со дна болезненной души.
И так – мы сходными тропами
Идем, и – ваш слуга по гроб –
Кладу пред вашими стопами
Мое собранье рифм и стоп,
Да служат вам порой, хоть редко,
В забаву легкую оне,
Как все рецепты ваши метко
Всегда служили в пользу мне.

Между 1850 и 1856

Вьющееся растение

Собственную слабостью в дольний прах повержено,
Зелье пресмыкается,
Но могучим деревом на пути поддержано –
На него взбирается.
Глядь! Растенье гибкое ветвью переплетного
Крепкий ствол опутало,
Прицепилось к мощному, листьев тканью плотною
Всю кору закутало;
Жметя зелье хилое к дереву суровому,
Хилому здоровится, –
Выше с утра к вечеру, с ночи к утру новому
Гуще всё становится, –
И потом, от мощного будто б не зависело,
С прихотью раскинулось,
Высь чела древесного, взвившись, перевысило,
Да потом как ринулось
Вниз каскадом лиственным: в воздухе разбросанных
Стеблей кисть богатая,
Как волос всклокоченных, гребнем не причесанных,
Густота косматая,
Свесилась, качается; дерево ж, навьючено
Этой тяжкой ношею,
Наклонилось, сгорбилось; кажется, измучено
Долей нехорошею.
Больно, грустно дереву, к небу вместе с братьями

Некогда подъятому,
А теперь согбенному, душными объятьями
Беспокойно сжатому.
А ведь с лаской, кажется, с дружбою, с любовью
То растение стелется
По стволу древесному, словно плотью-кровию
С ним радушно делится.
Отчего ж здесь видима участь невеселая,
С горем неразлучная?
Ах, есть ласки горькие, есть любовь тяжелая
И приязнь докучная.

Между 1850 и 1856

Что-то будет?

Я предрассудков враг, но я не чужд гаданья
Над тайной участью цветущего создання,
Вступающего в свет с чувствительной душой
И сердцем трепетным. Что будет? Боже мой!
Что деву юную ждет в этом мире строгом,
Богатом в горестях, а в радостях убогом?
Какой ей в жизни путь судьбой определен?
Кто будет спутник ей? Кто будет этот он?
И мне хотелось бы не пошлые приветы
Ей дать в приданое, но добрые советы,
И на далекий путь снабдить ее притом
Дорожной грамотой, хранительным листом.
«О рок земной! Смягчись, – рукою всемогущей
Созданию нежному дай светлый день грядущий! –
Так с теплой просьбою взываю я к судьбе. –
Не изомни цветка, врученного тебе!
Злой бурей не обидь едва расцветшей розы!»
А там, от тихих просьб переходя в угрозы,
Я повелительно судьбе в глаза смотрю
И, пальцем ей грозя: «Так помни ж» – говорю,
Как будто бы она должна быть мне послушна,
А та на всё глядит спокойно, равнодушно.

Чувство

Подумаешь: к чему все эти бури –
Гроза страстей? Мне так легко с тех пор,
Как на тебя упал мой бедный взор
И плавать стал очей твоих в лазури.
Мне кажется – я так тебя люблю,
Так хорошо мне было бы с тобою,
Так по себе, что я с моей судьбою
Поладил бы, и на душу мою
Сошла бы та спокойная отрада,
То тихое довольство добрых душ,
Которого не трогай, не нарушь –
И ничего уж более не надо!

Между 1850 и 1856

Я знаю

Я знаю, – томлюсь я напрасно,
Я знаю, – люблю я бесплодно,
Ее равнодушие мне ясно,
Ей сердце мое – негодно.

Я нежные песни слагаю,
А ей и внимать недосужно,
Ей, всеми любимой, я знаю,
Мое поклоненье не нужно.

Решенье судьбы неизменно.
Не так же ль средь жизненной битвы
Мы молимся небу смиренно, –
А нужны ли небу молитвы?

Над нашею брэнностью гибкой,
Клонящейся долу послушно,
Стоит оно с вечной улыбкой
И смотрит на нас равнодушно, –

И, видя, как смертный склоняет
Главу свою, трепетный, бледный,
Оно неподвижно сияет,
И смотрит, и думает: «Бедный!»

И мыслью я, пронят глубоко
Сознанием, что небо бесстрастно:
Не тем ли оно и высоко?
Не тем ли оно и прекрасно?

Между 1850 и 1856

Смейтесь!

Еще недавно мы знакомы,
Но я уж должен вам сказать,
Что вы усвоили приемы,
Чем можно сердце потерзать;
Вы вникли в милое искусство
Пощекотать болезное чувство,
Чтоб после, под его огнем,
Свои фантазии на нем
С прегармоническим расчетом
Так ловко, верно, как по нотам,
Слегка разыгрывать, смеясь, –
Везде вам музыка далась!
Вы проходили эту гамму, –
И, с страшной злостью вас любя,
В угоду вам, я сам себя
Готов поднять на эпиграмму.
Сквозь грани радужные призм
Смотреть уж поздно мне, конечно,
Да, сознаюсь чистосердечно:
Мои мечты – анахронизм.
О, смейтесь, смейтесь смехом явным!
Не правда ль – чувство так смешно?
Ему всегда иль быть забавным,
Иль жалким в мире суждено.
Простите! Я вернусь к рассудку...

Когда ж мы встретимся опять, —
Мы обратим всё это в шутку
И будем вместе хохотать.

Между 1850 и 1856

Сновидение (написано после посещения гостиниц)

Мне виделся сон – упоительный сон.
Мне снилось: из пыли враждебной
Через море и сушу я был унесен
И замок предстал мне волшебный.
Красиво смотрел он с своей высоты
На прелесть природы окрестной;
Лаская, его обнимали цветы
При блеске лазури небесной.
В фонтанах, в каскадах, под солнца лучом
Вода говорливо резвилась,
То била из грота студеным ключом,
То озером светлым ложилась, –
И птичка, взлетая, веселую трель
В пространстве небес выводила,
А в водном потоке играла форель
И стерлядь степенно ходила.
Роскошные виды со всех там сторон
Являлись несытому зрению,
Приветно кивали и ясень и клен
Ветвями с отрадною тенью.
Разумный владелец всё сам насадил,
Сам доброй рукою посеял,
И каждый иссохший сучок отделил,

И свежую ветку взлелеял, –
И с нежной заботой ходил он окрест,
Призыву хозяйства послушно,
И чудные виды пленительных мест
Указывал гостю радушно.
Всё было прекрасно! Но лучше всего,
Что там озаряла денница,
И лучше всех видов и замка того
Была того замка царица.
Живой, христианской, святой теплоты
Являлось в очах ее много,
И кроткого лика сияли черты
Глубокою верою в бога,
И ясно ее выражало чело
Дел добрых прекрасную повесть,
И сердцу при ней становилось тепло,
Целилась молитвою совесть.
Исчезнул мелькнувший мне сладостный сон,
Но сердце его сохранило, –
И думаю: «Более! как ясен был он!
Да, полно, во сне ль это было?»

Между 1850 и 1856

Прометей

Стянут цепию железной,
Кто с бессмертьем на челе
Над разинутою бездной
Пригвожден к крутой скале?
То Юпитером казимый
С похитительного дня –
Прометей неукротимый,
Тать небесного огня!
Цепь из кузницы Вулкана
В члены мощного титана
Вгрызлась, резкое кольцо
Сводит выгнутые руки,
С выраженьем гордой муки
Опрокинуто лицо;
Тело сдавленное ноет
Под железной полосой,
Горный ветер дерзко роет
Кудри, взмытые росой;
И страдальца вид ужасен,
Он в томленье изнемог,
Но и в муке он прекрасен,
И в оковах – всё он бог!
Всё он твердо к небу взводит
Силу взора своего,
И стенанья не исходит

Из поблеклых уст его.

Вдруг – откуда так приветно
Что-то веет? – Чуть заметно
Крыл движенье, легкий шум,
Уст незримых легкий шепот
Прерывает тайный ропот
Прометея мрачных дум.
Это – группа нимф воздушных,
Сердца голосу послушных
Дев лазурной стороны,
Из пределов жизни сладкой
В область дольних мук украдкой
– Низлетела с вышины, –
И страдалец легче дышит,
Взор отрадою горит.
«Успокойся! – вдруг он слышит,
Точно воздух говорит. –
Успокойся – и смиреньем
Гнев Юпитера смири!
Бедный узник! Говори,
Поделись твоим мученьем
С нами, вольными, – за что
Ты наказан, как никто
Из бессмертных не наказан?
Ты узлом железным связан
И прикован на земле
К этой сумрачной скале».

«Вам доступно состраданье, –
Начал он, – внимайте ж мне
И мое повествованье
Скройте сердца в глубине!
Меж богами, в их совете,
Раз Юпитер объявил,
Что весь род людской на свете
Истребить он рассудил.
«Род, подобный насекомым!
Люди! – рек он. – Жалкий род!
Я вас молнией и громом
Разражу с моих высот.
Недостойные творенья!
Не заметно в вас стремленья
К светлой области небес,
Нет в вас выпренного чувства,
Вас не двигают искусства,
Весь ваш мир – дремучий лес».
Молча сонм богов безгласных,
Громоносному подвластных,
Сим словам его внимал,
Все склонились – я восстал.
О, как гневно, как сурово
Он взглянул на мой порыв!
Он умолк, я начал слово:
«Грозный! ты несправедлив.
Страшный замысл твой – обида
Правосудью твоему? –
Ты ли будешь враг ему?

Грозный! Мать моя – Фемида
Мне вложила в плоть и кровь
К правосудию любовь.
Где же жить оно посмеет,
Где же место для него,
Если правда онемееет
У престола твоего?
Насекомому подобен
Смертный в свой короткий век,
Но и к творчеству способен
Этот бранный человек.
Вспомни мира малолетство!
Силы спят еще в зерне.
Погоди! Найдется средство –
И воздействуют оне».

Я сказал. Он стал ворочать
Стрелы рдяные в руках!
Гнев висел в его бровях,
0 «Я готов мой гром отсрочить!» –
Возгласил он – и восстал.

Гром отсрочен. Льется время.
Как спасти людское племя?
Непрерывно я искал.
Чем в суровой их отчизне
Двигнуть смертных к высшей жизни?
И загадка для меня
Разрешилась: дать огня!

Дать огня им – крошку света –
1 Искру в пепле и золе –
И воспрянет, разогрета,
Жизнь иная на земле.
В дольном прахе, в дольном хламе
Искра та гореть пойдет,
И торжественное пламя
Небо заревом зальет.
Я размыслил – и насытил
Горней пищей дольный мир, –
Искру с неба я похитил,
И промчал через эфир,
Скрыв ее в коре древесной,
И на землю опустил,
И, раздув огонь небесный,
Смертных небом угостил.
Я достиг желанной цели:
Искра миром принята –
И искусства закипели,
Застучали молота;
Застонал металл упорный
И, оставив мрак затворный,
Где от века он лежал,
Чуя огонь, из жилы горной
Рдяной кровью побежал.
Как на тайну чародея,
Смертный кинулся смотреть,
Как железо гнется, рдея,
И волнами хлещет медь.

Взвыли горны кузниц мира,
Плуг поля просек браздой,
В дикий лес пошла секира,
Взвизгнул камень под пилой;
Камень в храмы сгромоздился,
Мрамор с бронзой обручился,
И, паря над темным дном,
В море вдался волнорезом
Лес, прохваченный железом,
Окрыленный полотном.
Лир серебряные струны
Гимн воспели небесам,
И в восторге стали юны
Старцы, вняв их голосам.
Вот за что я на терзанье
Пригвожден к скале земной!
Эти цепи – наказание
За высокий подвиг мой.
Мне предведенье внушало,
Что меня постигнет казнь,
Но меня не удержала
Мук предвиденных боязнь,
И с Юпитерова свода
Жребий мой меня послал,
Чтоб для блага смертных рода
Я, бессмертный, пострадал».

Полный муки непрерывной,
Так вещал страдалец дивный,

И, внимая речи той,
Нимфы легкие на воле
Об его злосчастной доле
Нежной плакали душой
И, на язвы Прометея,
Как прохладным ветерком,
Свежих уст дыханьем вея,
Целовали их тайком.

Между 1850 и 1856

Дионисий и Филоксен

Вступает – на диво и смех Сиракузам –
Тиран Дионисий в служители музам:
Он лиру хватает, он пишет стихи;
Но музы не любят тиранов холодных, –
Творит он лишь груды рапсодий негодных,
Исполненных вялой, сухой чепухи.

Читает. В собрание все внемлют с боязнью.
Зевать запретил он под смертную казнью,
Лишь плакать дозволил, а те наконец
Зевоту с таким напряженьем глотают,
Что крупные слезы из глаз выступают,
И, видя те слезы, доволен певец.

Вот, думает, тронул! – Окончилось чтение.
Кругом восклицанья, хвалы, одобренье:
«Прекрасно!» – И новый служитель камен,
Чтоб выслушать суд знатока просвещенный,
Зовет – и приходит к нему вдохновенный
Творец дифирамбов, поэт – Филоксен.

«Я снова взлетел на парнасские выси
И создал поэму, – сказал Дионисий. –
Прослушай – и мненья не скрой своего!»
И вот – он читает. Тот выслушал строго:

«Что? много ль красот и достоинств?» –

«Не много».

– «А! Ты недоволен. В темницу его!»

Сказал. Отвели Филоксена в темницу,

От взоров поэта сокрыли денницу,

И долго томился несчастный. Но вот

Свободу ему возвращают и снова

Зовут к Дионисию. «Слушай! Готова

Другая поэма, – тут бездна красот».

И новой поэмы, достоинством бедной,

Он слушает чтение, измученный, бледный,

Мутятся глаза его, хочется спать.

Тот кончил. «Ну что? Хорошо ли» – Ни слова

Ему Филоксен, – отвернулся сурово

И крикнул: «Эй! Стража! В темницу опять!»

Между 1850 и 1856

Отзыв на вызов (тем же девицам)

Вдоль жизни проходя среди терний, я привык
Спокойно попирать колючую дорогу,
Но чувствую в душе невольную тревогу,
Когда вокруг меня колышется цветник,
И девы юные – земные херувимы –
В своих движениях легки, неуловимы,
Живым подобием роскошного венка
Свиваются вокруг поэта-старика,
И зыблющийся круг существ полуэфирных
Ждет песен от меня и свежих звуков лирных,
А я, растерянный, смотрю, боясьдохнуть
Тлетворным холодом на их цветистый путь,
Боюсь на их восторг – невинных душ одежду –
Набросить невзначай угрюмой мысли тень,
Мечту их подломить или измять надежду
И сумраком задеть их восходящий день...
Нет! Нет, не требуйте, цветущие созданья,
От ослабелых струн могучего бряцанья!
Всё поле жизни вам я скоро уступлю,
А сам, как ветеран, уж утомленный битвой,
Безмолвно, с тайною сердечною молитвой,
Вас, дети, трепетной рукой благословлю.

Письмо Авдель-Кадера

В плену у французов – светило Алжира –
Эмир знаменитый. Содержат эмира
Они в Амбуазе, где замка стена
Крепка и надежна, – и пленник, доньне
Летавший на бурном коне по пустыне,
Уныло глядит в амбразуру окна.

И вдруг под окном, как другая денница,
Блестящая юной красою девица
Несется на белом арабском коне,
И взор – коя-нур – этот пламенный мира –
Девицею брошен в окно на эмира, –
И вспыхнула дева, и рдеет в огне.

И завтра опять проезжает, и снова
Взглянула, краснеет. Не надобно слова, –
Тут сердце открыто – смотри и читай!
Упрямится конь, но с отвагою ловкой
Наездница с поднятой гордо головкой
Его укрощает: эмир, замечай!

И смотрит он, смотрит, с улыбкой любясь,
Как милая скачет, картинно рисуясь;
Блеснул в его взоре невольный привет,
Замеченный ею... Как быстро и круто

Она повернула! – Такая минута
И в сумраке плена для пленника – свет,

Сн сам уже ждет ее завтра, и взгляды
Кидает в окно, в ожиданье отрады,
И светлым явленьем утешен опять;
Но ревностью зоркой подмечена скоро
Цель выездов девы, – и строгость надзора
Спешила немые свиданья прервать.

Эмир с этих пор в заключение два года
Не мог ее видеть. Когда же свобода
Ему возвратилась, узнал он потом,
Кто та, кем бывал он так радуем, пленный,
И в память ей перстень прислал драгоценный
С исполненным кроткого чувства письмом.

«Хвала тебе, – пишет он, – ангел прелестный!
Аллах да хранит в тебе дар свой небесный –
Святую невинность! – О ангел любви!
Прими без смущенья привет иноверца!
В очах твоих – небо, ночь – в области сердца.
О, будь осторожна, в молитве живи!

О белая горлица! Бел, как лилея,
Твой конь аравийский, но лик твой белее.
Врага берегись: он и вкрадчив и тих,
Но хищен и лют, хоть прикрашен любовью:
Неопытной девы ползя к изголовью,

Он девственных прелестей жаждет твоих.

Змий хочет подкрасться и перси молодые
Твои опозорить: отталкивай змия,
Доколе аллах не пошлет, как жену,
Тебя с благодатью к супружеской сени!
Прими этот перстень на память мгновений,
Блеснувших мне радостью чистой в плену.

Пред хитрым соблазном, пред низким обманом –
Сей перстень да будет тебе талисманом!
Сама ль поколеблешься ты – и тогда
Скажи себе: «Нет! Быть хочу непреклонной.
Нет, сердце, ты лжешь; пыл любви незаконной –
Напиток позора и праздник стыда».

И буди – светило домашнего круга,
Хранящая верность супругу супругу!
Будь добрая мать и чадам упрочь
И радость, и счастье! Когда не забудешь
Священного долга – жить в вечности будешь,
Младая аллаха прекрасная дочь!»

Между 1850 и 1856

Ребенку

Дитя! Твой милый, детский лепет
И сладость взгляда твоего
Меня кидают в жар и трепет –
Я сам не знаю – отчего.
Зачем, порывом нежной ласки
К земному ангелу влеком,
Твои заплаканные глазки
Целую жадно я тайком?
Не знаю... Так ли? – Нет, я знаю:
Сквозь ласку грешную мою
Порой, мне кажется, ласкаю
В тебе я маменьку твою;
Я, наклонясь к малютке дочке,
Хочу схватить меж слезных струй
На этой пухлой детской щечке
Другой тут бывший поцелуй,
Еще, быть может, неостылый...
То поцелуй святой любви
Той жизнедательницы милой,
Чья кровь, чья жизнь – в твоей крови;
И вот, как божия росинка
На листьях бледных и сухих,
Твоя невинная слезинка
Осталась на губах моих.
Дитя! Прости мне святотатство!

Прости мне это воровство!
Чужое краду я богатство,
Чужое граблю торжество.

Между 1850 и 1856

Благодарю

Благодарю. Когда ты так отрадно
О чем-нибудь заводишь речь свою,
В твои слова я вслушиваюсь жадно
И те слова бездонным сердцем пью.
Слова, что ты так мило произносишь,
Я, в стих вложив, полмира покорю,
А ты мне их порою даром бросишь.
Благодарю! Благодарю!

Поешь ли ты – при этих звуках млея,
Забудусь я в раздумье на часок;
Мне соловья заморского милее
Малиновки домашней голосок, –
И каждый звук ценю я, как находку,
За каждый тон молитву я творю,
За каждую серебряную нотку
Благодарю – благодарю.

Под тишиной очей твоих лазурных
Порой хочу я сердцем отдохнуть,
Забуть о днях мучительных и бурных...
Но как бы мне себя не обмануть?
Моя душа к тебе безумно рвется, –
И если я себя не усмирю,
То тут уж мне едва ль сказать придется

«Благодарю, благодарю».

Но если б я твоим увлекся взором
И поздний жар еще во мне возник,
Ты на меня взгляни тогда с укором –
И я уймусь, опомнюсь в тот же миг,
И преклонюсь я к твоему подножью,
Как старый грех, подползший к алтарю,
И на меня сведешь ты милость божью.
Благодарю! Благодарю!

Между 1850 и 1856

Просьба

Ах, видит бог, как я тебя люблю,
Ты ж каждый раз меня помучить рада,
Пожалуйста – не мучь меня, молю,
Пожалуйста – не мучь меня, – не надо!

Прими подчас и пошлый мой привет,
Избитое, изношенное слово!
Не хорошо? – Что ж делать? – Лучше нет.
Старо? – Увы! Что ж в этом мире ново?

И сам я стар, и полон стариной,
А всё теснюсь в сердечные страдалцы...
Пожалуйста – не смейся надо мной!
На глупости смотри мои сквозь пальцы!

Молчу ли я? – Махни рукою: пусть!
Дай мне молчать и от меня не требуй
Моих стихов читанья наизусть, –
Забыл – клянусь Юпитером и Гебой!

Всё, всё забыл в присутствии твоём.
Лишь на тебя я жадный взгляд мой брошу –
Всё вмиг забыл, – и как я рад притом,
Что с памяти свалил я эту ношу,

Весь этот груз! Мне стало так легко.
Я в тот же миг юнею, обновляюсь...
А всё еще осталось далеко
До юности... Зато я и смиряюсь.

Мои мечты... Я так умерен в них!
Мне подари вниманья лишь немножко,
Да пусть ко мне от щедрых ласк твоих
Перепадет крупица, капля, крошка!

Я и не жду взаимности огня,
Я в замыслах не так высокопарен!
Терпи меня, переноси меня, –
Бог знает как и то я благодарен!

Между 1850 и 1856

Раздумье

Когда читаю я с улыбкой старика
Написанное мной в то время золотое,
Когда я молод был, – и строгая рука
Готова изменить и вычеркнуть иное, –
Себя остановив, вдруг спрашиваю я:
Черты те исправлять имею ли я право?
Порой мне кажется, что это не моя
Теперь уж собственность, и, «мудрствуя лукаво»,
Не должен истреблять я юного греха
В размахе удалом залетного стиха,
И над его огнем и рифмой сладострастной
Не должен допускать управы самовластной.
Порой с сомнением глядишь со всех сторон
И ищешь автора, – да это, полно, я ли?
Нет! Это он писал. Пусть и ответит он
Из прошлых тех времен, из той туманной дали!
Чужого ли коснусь я дерзкою рукой?
Нет! Даже думаю в невольном содроганье:
Зачем под давнюю, забытую строкой
Подписываю я свое именованье?

Между 1850 и 1856

Чесменские трофеи

Был то век Екатерины,
В море наши исполины
Дали вновь урок чалме,
Налетев на сопостата,
Нашей матушки ребята
Отличились при Чесме.

Наш орел изринул пламя –
И поникло турков знамя,
Затрещала их луна,
Флот их взорван – и во влагу
Брошен в снедь архипелагу,
Возмущенному до дна.

Пронеслась лишь весть победы

Взликовали наши деды,
В гуд пошли колокола,
Пушки гаркнули в столице:
Слава матушке царице!
Храбрым детушкам хвала!

Се добыча их отваги, –
Кораблей турецких флаги
В крепость вносятся – ура! –

И, усвоенные кровно,
Посвящаются любовно
Вечной памяти Петра.

Там – Невы в широкой раме
Есть гробница в божьем храме
Под короной золотой.
Над заветной той гробницей
С римской цифрой – I (единицей)
Русский выведен – П (покой),

Там – кузнец своей державы,
Дивный плотник русской славы,
Что, учась весь век, учил,
С топором, с дубинкой, с ломом,
С молотком, с огнем и громом,
Сном глубоким опочил.

По царицыну велению
Те трофеи стали сенью
Над гробницею того,
Чья вся жизнь была работа,
Кто отцом, творцом был флота.
Возбудителем всего.

И гробница под навесом –
Под густым знаменным лесом –

Говорила за него...

Всюду честь воздать хотела
Продолжительница дела
Начинателю его.

Не умрут дела благие!
Там соборне литургия
Совершается над ним,
Там – сановные все лица
И сама императрица
С золотым двором своим.

И средь общего вниманья
Для духовного вещанья
Вышел пастырь на амвон, –
То был он – медоречивый
Славный пахарь божьей нивы,
Словосеятель – Платон, –

Тот, что посох брал, и, стоя
Перед паствой, без наоя,
Слух и сердце увлекал,
И при страшносудных спросах,
Поднимая грозно посох,
Им об землю ударял.

Вот он вышел бросить слово
При ниспосланных нам снова
Знаках божьих благостынь
И изрек сначала строго

Имя троичное бога
С утвердительным «аминь».

И безмолвье воцарилось...
Ждали все – молчанье длилось.
Мнилось – пастырь онемел.
Шепот в слушателях бродит:
«Знать, он слова не находит,
Дар глагола отлетел».

Ждут... и вдруг, к турецким стягам
Обратясь, широким шагом
Он с амвонного ковра
Устремился на гробницу
И простер свою десницу
Над останками Петра.

Все невольно содрогнулись,
И тайком переглянулись,
И поникшие стоят...
Сквозь разлитый в сфере храма
Дым дрожащий фимиама.
Стены, виделось, дрожат.

И, простертою десницей
Двигнут, вскользь над той гробницей,
Строй знамен, как ряд теней,
Что вокруг шатром сомкнулся,
Зашатался, всколыхнулся

И развеялся над ней.

И над чествуемым прахом
Ризы пасторской размахом
Всколебалось пламя свеч;
Сень, казалось, гробовая
Потряслась, и громовая
Излилась Платона речь.

И прогрянул глас витии:
«Петр! Восстань! И виждь России
Силу, доблесть, славу, честь!
Се трофеи новой брани!
Морелюбец наш! Восстани
И услышь благую весть!»

И меж тем как слов гремящих
Мощь разила предстоящих,
Произнес из них один
Робким шепотом, с запинкой:
«Что он кличет? – Ведь с дубинкой
Встанет грозный исполин!»

Между 1850 и 1856

Послание о визитах

К М. Ф. Штакениншидер

Вы правы. Рад я был сердечно
От вас услышанным словам:
Визиты – варварство, конечно!
Итак – не еду нынче к вам
И, кстати, одержу победу
Над предрассудком: ни к кому
В сей светлый праздник не поеду
И сам визитов не приму;
Святого дня не поковеркав,
Схожу я утром только в церковь,
Смиренно богу помолюсь,
Потом, с почтеньем к генеральству,
Как должно, съезжу по начальству
И крепко дома затворюсь.

Обычай истинно безумный!
Китайских нравов образец!
День целый по столице шумной
Таскайся из конца в конец!
Составив список презатейный
Своим визитам, всюду будь –
На Острове и на Литейной,
Изволь в Коломну заглянуть.

И на Песках – и там быть надо,
Будь у Таврического сада,
На Петербургской стороне,
Будь моря Финского на дне,
В пределах рая, в безднах ада,
На всех планетах, на луне!

Блажен, коль слышишь: «Нету дома»
«Не принимают». – Как огня,
Как страшной молнии и грома
Боишься длинного приема:
Изочтены минуты дня –
Нельзя терять их; полтораста
Еще осталось разных мест,
Где надо быть, тогда как часто
Несносно длинен переезд.
Рад просто никого не видеть
И всех проклясть до одного,

Лишь только б в праздник никого
Своим забвеньем не обидеть, –
Лишь только б кинуть в каждый дом
Билетец с загнутым углом,
Не видеть лиц – сих адских пугал...
Что лица? – Дело тут не в том,
А вот в чем: карточка и угол!
Лишь только б карточку швырнуть,
Ее где следует удвоить,
И тут загнуть, и там загнуть,

И совесть, совесть успокоить!
Ярлык свой бросил, хлоп дверьми:
Вот – на! – и черт тебя возьми!

Порою ветер, дождь и слякоть,
А тут визиты предстоят;
Бедняк и празднику не рад –
Чего? Приходится хоть плакать.
Вот он выходит на крыльцо,
Зовет возниц, в карманах шарит...
Лицом хоть в грязь он не ударит,
Да грязь-то бьет ему в лицо.
Дорога – ад, чернее ваксы;
Извозчик за угол скорей
На кляче тощенькой своей
Свернул – от столь же тощей таксы,
Прочтенной им в чертах лица,
К нему ревущего с крыльца.

Забрызган с первого же шага,
Пешком пускается бедняга,
И очень рад уже потом,
Когда с товарищем он в паре
Хоть как-нибудь, тычком, бочком,
На тряской держится «гитаре»:
Так называют инструмент
Хоть звучный, но не музыкальный,
Который в жизни сей печальной
Старинный получил патент

На громкий чин и титул «дрожек»,
И поглядишь – дрожит как лист,
Воссев на этот острый ножик,
Поэт убогий иль артист.
Я сам... Но, сколь нам ни привычно,
Всё ж трогать личность – неприлично
Свою тем более... Имен
Не нужно здесь; итак – NN,
Визитных карточек навьючен
Колодой целою, плывет
И, тяжким странствием измучен,
К дверям по лестнице ползет,
Стучится с робостью плебейской
Или торжественно звонит.
Дверь отперлась; привет лакейской
Как раз в ушах его гремит:
«Имеем честь, дескать, поздравить
Вас, сударь, с праздником»; молчит
Пришлец иль глухо «м-м» мычит,
Да карточку спешит оставить
Иль расписаться, а рука
Лакея, вслед за тем приветом,
И как-то тянется слегка,
О И, шевелясь исподтишка,
Престранно действует при этом,
Как будто ловит что-нибудь
Перстами в области воздушной,
А гость тупой и равнодушный
Рад поскорее ускользнуть,

Чтоб продолжить свой трудный путь;
Он защитит, покуда в силах,
От наступательных невзгод
Кармана узкого проход,
1 Как Леонид при Фермопилах.
О, мой герой! Вперед! Вперед!
Вкруг света, вдаль по океану
Плыви сквозь бурю, хлад и тьму,
Подобно Куку, Магеллану
Или Колумбу самому,
И в этой сфере безграничной
Для географии столичной
Трудись! – Ты можешь под шумок
Открыть среди таких прогулок
Иль неизвестный закоулок,
Иль безымянный островок;
Полузнакомого припомня,
Что там у Покрова живет,
Узнать, что самая Коломня
Есть остров среди канавных вод, –
Открыть полярных стран границы,
Забраться в Индию столицы,
Сто раз проехать вверх и вниз
Через Надежды Доброй мыс.
Тут филолог для корнесловья
Отыщет новые условия,
Найдет, что русский корень есть
И слову чуждому «визиты»,
Успев стократно произнести

Извозчику: «Да ну ж! вези ты!»
Язык наш – ключ заморских слов:
Встань, возрадуйся, Шишков!
Не так твои потомки глупы;
В них руссизм твоей души,
Твои родные «мокроступы»
И для визитов хороши.
Зачем же всё в чужой кумирне
Молиться нам? – Шишков! Ты прав,
Хотя – увы! – в твоей «ходырне»
Звук русский несколько дырав.
Тебя ль не чтить нам сердца вздохом,
В проезд визитный бросив взгляд
И зря, как, грозно бородат,
Маркер трактирный с «шаропёхом»
Стоит, склонясь на «шарокат»?
Но – я отвлекся от предмета,
И кончить, кажется, пора.
А чем же кончится всё это?
Да тем, что нынче со двора
Не еду я, останусь дома.
Пускай весь мир меня винит!
Пусть всё, что родственно, знакомо
И близко мне, меня бранит!
Я остаюсь. Прямым безумцем
Довольно рыскал прежде я,
Пускай считают вольнодумцем
Меня почтенные друзья,
А я под старость начинаю

С благословенного «аминь»;
Да только вот беда: я знаю –
Чуть день настанет – динь, динь, динь
Мой колокольчик, – и покою
Мне не дадут; один, другой,
И тот, и тот, и нет отбою –
Держись, Иван – служитель мой!
Ну, он не впустит, предположим;
И всё же буду я тревожим
Несносным звоном целый день,
Заняться делом как-то лень –
И всё помеха! – С уголками
Иван обеими руками
Начнет мне карточки сдавать,
А там еще, а там опять.
Как нескончаемая повесть,
Всё это скучно; изорвешь
Все эти листики, а всё ж
Ворчит визитная-то совесть,
Ее не вдруг угомонишь:
«Вот, вот тебе, а ты сидишь!»
Неловко как-то, беспокойно.
Уж разве так мне поступить,
Как некто – муж весьма достойный
Он в праздник наглухо забить
Придумал дверь, и, в полной мере
Чтоб обеспечить свой покой,
Своею ж собственной рукой
Он начертал и надпись к двери:

«Такой-то-де, склонив чело,
Визитщикам поклон приносит
И не звонить покорно просит –
Уехал в Царское Село».
И дома дал он пищу лени,
Остался целый день в тиши, –
И что ж? Потом вдруг слышит пени:
«Вы обманули – хороши!
Чрез вас мы время потеряли –
Час битый ехали, да час
В Селе мы Царском вас искали,
Тогда как не было там вас».
Я тоже б надписал, да кстати ль?
Прочтя ту надпись, как назло,
Пожалуй, ведь иной приятель
Махнет и в Царское Село!

Апрель 1856

«Увы! мечты высокопарной...»

Увы! мечты высокопарной
Прошел блаженный период.
Наш век есть век утилитарный, –
За пользой гонится народ.
Почти с младенчества изведав
Все тайны мудрости земной,
Смеемся мы над простотой
Своих отцов и добрых дедов;
Кряхтим, нахмутив строгий взгляд,
Над бездной жизненных вопросов,
И каждый отрок наш – философ,
И каждый юноша – Сократ.
У нас всему дан путь научный,
Ходи учебным шагом кровь!
Нам чувство будь лошадкой выучной,
Коровкой дойною – любовь!
Не песен мы хотим любовных, –
Нам дело подавай, поэт!
Добудь из следствий уголовных
Нам занимательный предмет!
Войди украдкой в мрак темницы,
В вертеп разбоя, в смрад больницы
И язвы мира нам открой!
Пусть будет висельник, колодник,
Плетьми казненный огородник,

Ямщик или дворник – твой герой!
Не терпим мы блестящей фразы,
Нам любо слово «обругал»
И пуще губительной заразы
Противен каждый мадригал;
И на родных, и на знакомых
Готовя сотни эпиграмм,
О взятках пишем мы в альбомах
Цветущих дев и милых дам,
Но каюсь: я отстал от века, –
И мне ль догнать летучий век?
Я просто нравственный калека,
Несовременный человек;
До поздних лет мне чувство свято,
Я прост, я глуп, и – признаюсь! –
Порой, не видя результата,
Я бредням сердца предаюсь,
Мечтой бесплодную взлелеян,
Влачу страдальческую грусть,
Иными, может быть, осмеян –
Я говорю: бог с ними! Пусть!
Но в мире, где я всем измучен,
Мне мысль одна еще сладка,
Что если Вам я и докучен,
То Вы простите чудака,
Который за предсмертной чашей,
Как юбилейный инвалид,
На прелесть молодости Вашей
С любовью старческой глядит

И, утомленный жизни битвой,
В могильный скоро ляжет прах
С миролюбивою молитвой
И словом мира на устах.

24 декабря 1856

Война и мир

Смотришь порою на царства земли – и сдается:
Ангел покоя по небу над миром несется,
Всё безмятежно, безбранно, трудится наука,
Знание деда спокойно доходит до внука;
В битве с невежеством только, хватая трофеи,
Борется ум человека и копит идеи,
И ополчавшийся некогда дерзко на веру
Разум смиряется, кротко сознав себе меру,
И, повергаясь во прах пред могуществом божьим,
Он, становясь в умилении веры подножьем,
Злые свои подавляет насмешки над сердцем,
С нищими духом – глядишь – стал мудрец одноверцем.
Мысли крыло распускается шире и шире.
Смотришь – и думаешь: «Есть человечество в мире.
Господи! Воля твоя над созданием буди!
Слава, всевышний, тебе, – образумились люди,
Выросли дети, шагая от века до века,
Время и мужа увидеть в лице человека!
Мало ль он тяжких, кровавых свершил переходов?..
Надо ж осмыслиться жизни в семействе народов!»
Только что эдак подумаешь с тайной отрадой –
Страшное зло восстает необъятной громадой;
Кажется, демон могучим крылом замахнулся
И пролетел над землей, – целый мир покачнулся;
Мнится, не зримая смертными злая комета,

Тайным влияньем нарушив спокойствие света,
Вдруг возмутила людей, омрачила их разум;
Зверствуют люди, и кровию налитым глазом
Смотрят один на другого, и пышут убийством,
Божий дар слова дымится кровавым витийством.
Мысли божественный дар углублен в изысканья
Гибельных средств к умножению смертных терзанья,
Брошены в прах все идеи, в почете – гремушки;
Проповедь мудрых молчит, проповедают – пушки,
И, опьянелые в оргии дикой, народы
Цепи куют себе сами во имя свободы;
Чествуя в злобе своей сатану-душегубца,
Распри заводят во имя Христа-миролюбца;
Злобствует даже поэт – сын слезы и молитвы.
Музу свою окурив испареньями битвы,
Опиум ей он подносит – не нектар; святыню
Хлещет бичом, стервенит своих песен богиню;
Судорог полные, бьют по струнам его руки, –
Лира его издает барабанные звуки.
«Бейтесь!» – кричат сорванцы, притаясь под забором,
И поражают любителей мира укором;
Сами ж, достойные правой, прямой укоризны,
Ищут поживы в утробе смятенной отчизны.
Если ж иной меж людьми проповедник восстанет
И поучительным словом евангельским грянет,
Скажет: «Покайтесь! Исполнитесь духом смиренья!» –
Все на глашатая грозно поднимают каменья,
И из отчизны грабителей каждый вострубит:
«Это – домашний наш враг; он отчизны не любит».

Разве лишь недр ее самый смиренный снадатель
Скажет: «Оставьте! Он жалкий безумец-мечтатель.
Что его слушать? В безумье своем закоснелом
Песни поет он тогда, как мы заняты делом».

«Боже мой! Боже мой! – думаешь. – Грусть и досада!
Жаль мне тебя, человечество – бедное стадо!
Жаль...» Но окончена брань, – по домам, ратоборцы!
Слава, всевышний, тебе, – есть цари-миротворцы.

1857

Верю

Верю я и верить буду,
Что от сих до оных мест
Божество разлито всюду –
От былинки вплоть до звезд.

Не оно ль горит звездами,
И у солнца из очей
С неба падает снопами
Ослепительных лучей?

В бездне тихой, черной ночи,
В беспредельной глубине
Не оно ли перед очи
Ставит прямо вечность мне?

Не его ль необычайный
Духу, сердцу внятный зов
Обаятельною тайной
Веет в сумраке лесов?

Не оно ль в стихийном споре
Блещет пламенем грозы,
Отражая лик свой в море
И в жемчужине слезы?

Сквозь миры, сквозь неба крышу
Углубляюсь в естество,
И сдаётся – вижу, слышу,
Чую сердцем божество.

Не оно ль и в мысли ясной,
И в песчинке, и в цветах,
И возлюбленно-прекрасной
В гармонических чертах?

Посреди вселенной храма,
Мнится мне, оно стоит
И порой в глаза мне прямо
Из очей ее глядит.

1857

Бездарный

Эх, горе мое, – не дала мне судьба
Ни черствого сердца, ни медного лба.
Тоска меня душит, мне грудь надрывая,
А с черствым бы сердцем я жил припевая;
При виде страданий, несомых людьми,
Махнул бы рукою, – да прах их возьми!
Ничто б за живое меня не задело:
Те плачут, те хнычут, а мне что за дело?

А медный-то лоб – удивительный дар, –
С ним всё нипочем, и удар не в удар;
Щелчки и толчки он спокойно выносит,
Бесстыдно вторгаясь, бессовестно просит,
К стене стенобитным орудьем пойдет
И мрамор с гранитом насквозь прошибет;
Другие во мраке, а он – лучезарен.
Ах, я бесталантен, увы, я бездарен, –
Из милых даров не дала мне судьба
Ни черствого сердца, ни медного лба,

Когда бы

Когда бы прихотью свободной
Вооружила ты свой взор,
И, в свет являясь дамой модной,
Любила слушать пошлый вздор,
И я, по наущению беса,
С тобою б дерзостно болтал,
И, как бессовестный повеса,
Над всем священным хохотал,
И, сплетни света разработав,
Пускал в стократный оборот
Запас нескромных анекдотов
Иль соблазнительных острот, —
Меня бы общество щадило,
И кое-кто в наш вольный век
Еще б сказал: «Как это мило!
Какой приятный человек!»

А ныне свет своим суждением
Меня язвит, как погляжу,
За то, что я с благоговеньем
К тебе сердечным подхожу, —
За то, что, позволяя видеть
Своим глазам твои черты,
Боюсь и мыслию обидеть
В тебе святыню красоты,

—

За то, что с старческим сознанием,
Не смея юность оскорбить,
Я, полный чистым обожаньем,
За грех бы счел тебя любить.
Увы! Наш мир мечтам не верит,
И, чужд их облачных вершин,
Все мысли он и чувства мерит
На свой предательский аршин.
Средь общей свалки грязной прозы
Смешны и неуместны в нем
Души божественные слезы
И сердца трепетного грезы
С их поэтическим огнем.

1857

Я помню

Я помню: была ты ребенком;
Бывало – ни в вихре затей,
Ни в играх, ни в хохоте звонком
Не слышно тебя меж детей.

Как звездочка в белом тумане –
Являлась ты в детстве, мила,
И тихо, как Пушкина Таня,
Без кукол его провела.

Бывало – в коротеньком платье,
В домашнем своем уголке,
Всегда ты в смиренном занятии –
С иголкой иль книжкой в руке, –

В гостях же – с опущенным взглядом,
Стыдливо склоняясь головой,
Сидишь себе с маменькой рядом
Да щиплешь передничек свой.

Когда ты лишь жить начинала –
Уж молодость я доконал,
Еще ничего ты не знала,
Когда я уж многое знал.

Лет тридцать я взял уже с бою,
И, вольно, небрежно, шутя,
Бывало – люблюсь тобою
И думаю: «Прелесть дитя!

Да жаль, что мы пущены розно
В дорогу, – малютка, прости!
Зачем ты родилась так поздно?
Тебе ль до меня дорасти?»

И гордо, спокойно, бесстрастно
Я мимо тебя проходил,
Я знал, что ты будешь прекрасна
Тогда, как я буду уж хил.

Но мог ли я думать в то время,
Что после, как в виде цветка
Распустится чудное семя, –
С ума ты сведешь старика?

Во многом дожив до изъяна,
Теперь не могу не тужить,
Зачем я родился так рано,
Зачем торопился я жить.

Посмотришь на юность – завидно!
Судьбой всё не так решено, –
И всё бы я плакал, да стыдно,
И всё бы рыдал, да смешно.

Старому приятелю

Стыдись! Ведь от роду тебе уже полвека:
Тебе ли тешиться влюбленною мечтой
И пожилого человека
Достоинство ронять пред гордой красотой?
Ты жалок, ты смешон, отчаянный вздыхатель, –
И – знаешь, что еще? – уж не сердись, приятель:
Ты вор; у юности ты крадешь сердца жар.
Ты – старый арлекин, проказник седовласый,
В лоскутьях нежности дряхлеющий фигляр,
Ты дразнишь молодость предсмертную гримасой.

Тогда как в стороне родной
Хлопочут все об истребленье взяток
И всё отрадную блеснуло новизной –
Ты хочешь представлять минувшего остаток,
И там, где общество суровых просит дум
И дел, направленных к гражданскому порядку,
Ты ловишь призраки; сорвавши с сердца взятку,
Молчит подкупленный твой ум.
Когда и юноши, при всем разгаре крови,
В расчеты углубясь, так важно хмурят брови,
Тебе ль свой тусклый взор на милых обращать,
И, селадонствуя среди сердечных вспышек,
С позором поступать в разряд седых мальчишек,
И мадригалами красавиц угощать,

И, в жизни возводя ошибку на ошибку,
Весь век бродить, блуждать, и при его конце
То пресную слезу, то кислую улыбку
Уродливо носить на съезженном лице?

Опомнись наконец и силою открытой
Восстань на бред своей любви!
Сам опрокинь его насмешкой ядовитой
И твердою пятой рассудка раздави!
Взглянув прозревшими глазами,
Смой грех с своей души кровавыми слезами
И пред избранницей своей
Предстань не с сладеньким любовных песен томом,
Но всеоружный стань, грянь молнией и громом
И оправдайся перед ней!
«Я осудил себя, – скажи ей, – пред зеркалом
Суровой истины себя я осудил.
Тебя я чувством запоздалым,
Нелепым чувством оскорбил.
Прости меня! Я сам собой наказан,
Я сам себе пощады не давал!
Узлом, которым я был связан,
Себе я грудь избичевал –
И сердце рву теперь, как ветхий лист бумаги
С кривою жалобой подьячего-сутяги».

Оставь!

«Оставь ее: она чужая, –
Мне говорят, – у ней есть он.
Святыню храма уважая,
Изыди, оглашенный, вон!»»

О, не гоните, не гоните!
Я не присвою не свою;
Я не во храме, посмотрите,
Ведь я на паперти стою...
Иль нет – я дальше, за оградой,
Где, как дозволенный приют,
Сажень земли с ее прохладой
Порой и мертвому дают.

Я – не кадило, я – не пламень,
Не свечок храма восковой,
Нет: я – согретый чувством камень,
Фундамент урны гробовой;
Я – тень; я – надпись роковая
На перекладине креста;
Я – надмогильная, живая,
Любовью полная плита.

Мной не нарушится святыня,
Не оскорбится мной она, –

И бог простит, что мне богиня –
Другого смертного жена.

1857

Посещение

Как? и ночью нет покою!
Нет, уж это вон из рук!
Кто-то дерзкою рукою
Всё мне в двери стук да стук,

«Кто там?» – брызнув ярым взглядом,
Крикнул я, – и у дверей,
Вялый, заспанный, с докладом
Появился мой лакей.

«Кто там?» – «Женщина-с». – «Какая?»
– «Так – бабенка – ничего».
– «Что ей нужно? Молодая?»
– «Нет, уж так себе – того».

«Ну,пусти!» – Вошла, и села,
И беседу повела,
И неробко так глядела,
Словно званая была;

Словно старая знакомка,
Не сочтась со мной в чинах,
Начала пускаться громко
В рассужденья о делах.

Речь вела она разумно
Про движенье и застой,
Только слишком вольнодумно...
«Э, голубушка, постой!

Понимаю». После стала
Порицать весь белый свет;
На судьбу свою роптала,
Что нигде ей ходу нет;

Говорила, что приюта
Нет ей в мире, нет житья,
Что везде гонима люто...
«А! – так вот что!» – думал я.

Вот сейчас же, верно, взбросит
Взор молящий к небесам
Да на бедность и попросит:
Откажу. Я беден сам.

Только – нет! Потом так твердо
На меня направляя взор,
Посетительница гордо
Продолжала разговор.

Кто б такая?.. Не из граций,
И – конечно – не из муз!
Никаких рекомендаций!
Очень странно, признаюсь.

Хоть одета не по моде,
Но – пристойно, скважин нет,
Всё заветное в природе
Платьем взято под секрет.

Кто б такая? – Напоследок
(Кто ей дал на то права?)
Начала мне так и эдак
Сыпать резкие слова,

Хлещет бранью преобидной,
Словно градом с высоты:
Ты – такой, сякой, бесстыдный! –
И давай со мной на ты.

«Ну, беда мне: нажил гостью!»
Я уж смолк, глаза склоня, –
Ни гугу! – А та со злостью
Так и лезет на меня.

«Нет сомнения нисколько, –
Я размыслил, – как тут быть?
Сумасшедшая – и только!
Как мне бабу с рук-то сбуть?»

Как спровадить? – Тут извольте
Дипломатику подвесьте!»
Вот и начал я: «Позвольте...

То есть... с кем имею честь?..

Кто вы? Есть у вас родные?»

А она: «Мне бог – родня.

Правда – имя мне; иные

Кличут истиной меня».

«Вы себя принарядили, –

Не узнал вас оттого;

Прежде, кажется, ходили

Просто так – безо всего».

«Да, бывало мне привычно

Появляться в наготе,

Да сказали – неприлично!

Времена пошли не те.

Приделась. Спорить с веком

Не хочу, а всё же – нет –

Не сошлась я с человеком,

Всё меня не любит свет.

Прежде многих гнула круто

При Великом я Петре,

И порою в виде шута

Появлялась при дворе.

Царь мою прощал мне дикость

И доволен был вполне.

Чем сильнее в ком великость,
Тем сильней любовь ко мне.

Говорю, бывало, грубо
И со злостью натошак, –
Многим было и не любо,
А терпели кое-как.

Ведь и нынче без уклонок
Правдолюбья полон царь,
Да уж свет стал больно тонок
И хитер – не то что встарь.

Уж к иным теперь и с лаской
Подойдешь – кричат: «Назад!»
Что тут делать? – Раз под маской
Забралась я в маскарад, –

И, под важностью пустою
Видя темные дела,
К господину со звездой
Там я с книксом подошла.

Он зевал, а тут от скуки
Обратился вмиг ко мне,
И дрожит, и жмет мне руки;
«Ah! Beau masque! Je te connais».

«Ты узнал меня, – я рада.

С откровенностью прямой
В пестрой свалке маскарада
Потолкуем, милый мой!

Правда – я. Со мной ты знался,
Обо мне ты хлопотал,
Как туда-сюда метался
Да бессилен был и мал.

А теперь, как вздул ты перья,
Что раскормленный петух,
Стал ты чужд ко мне доверья
И к моим намекам глух.

Обо мне где слово к речи,
Там ты мастер – ух какой –
Пожимать картинно плечи
Да помахивать рукой.

Здравствуй! Вот мы где столкнулись!
Тут я шепотом, тайком
Начала лишь... Отвернулись –
И пошли бочком, бочком.

Я к другому. То был тучный,
Ловкий, бойкий на язык
И весьма благополучный
Полновесный откупщик,

С виду добрый, круглолицый...
Хвать я под руку его
Да насчет винца с водицей...
Он смеется... «Ничего, –

Говорит, – такого рода
Это дельце... не могу...
Я-де нравственность народа
Этой штучкой берегу.

Я люблю мою отчизну, –
Говорит, – люблю я Русь;
Видя сплошь дороговизну,
Всё о бедных я пекусь.

Там сиротку, там вдовицу
Утешаю. Вот – вдвоем
Хочешь ехать за границу?
Едем! – Славно проживем».

«Бог с тобою! – говорю я. –
У меня в уме не то.
За границу не хочу я,
И тебе туда на что?»

Ведь и здесь тебе знакома
Роскошь всех земных столиц.
За границу! – Ведь и дома
Ты выходишь из границ.

У тебя за чудом чудо,
Дом твой золотом горит».
– «Ну так что ж? А ты откуда
Здесь явилась?» – говорит,

«Да сейчас из кабака я,
Где ты много плутней ввел».
– «Тьфу! Несносная какая!
Убирайся ж» – И пошел.

К звездоносцу-то лихому
Подошел и стал с ним в ряд.
Я потом к тому, к другому –
Нет, – и слушать не хотят:

Мы-де знаем эти сказки!
Подошла бы к одному,
Да кругом толпятся маски,
Нет и доступа к нему;

Те лишь прочь, уж те подскочут,
Те и те его хотят,
Рвут его, визжат, хохочут.
«Милый! Милый!» – говорят,

Это – нежный, легкокрылый
Друг веселья, скуки бич,
Был сын Курочкина милый,

Вечно милый Петр Ильич,

Между тем гроза висела
В черной туче надо мной, –
Те, кому я надоела,
Объяснились меж собой:

Так и так. Пошла огласка!
«Здесь, с другими зауряд,
Неприличная есть маска –
Надо вывести, – говорят. –

Как змея с опасным жалом,
Здесь та маска с языком.
Надо вывести со скандалом,
Сиречь – с полным торжеством,

Ишь, себя средь маскарада
Правдой дерзкая зовет!
Разыскать, разведать надо,
Где и как она живет».

Но по счастью, кров и пища
Мне менялись в день из дня,
Постоянного ж жилища
Не имелось у меня –

Не нашли. И рады были,
Что исчез мой в мире след,

И в газетах объявили:
«Успокойтесь! Правды нет;

Где-то без вести пропала,
Страхом быв поражена,
Так как прежде проживала
Всё без паспорта она

И при наглom самозванстве
Замечалась кое в чем,
Как-то: в пьянстве, и буянстве,
И шатании ночном.

Ныне – всё благополучно»,
Я ж тихонько здесь и там
Укрывалась где сподручно –
По каморкам, по углам.

Вижу – бал. Под ночи дымкой
Люди пляшут до зари.
Что ж мне так быть – нелюдимкой?
Повернулась – раз-два-три –

И на бал влетела мухой –
И, чтоб скуки избежать,
Над танцующей старухой
Завертись, давай жужжать:

«Стыдно! Стыдно! Из танцорок

Вышла, вышла, – ей жужжу. –
С лишком сорок! С лишком сорок!
Стыдно! Стыдно! Всем скажу».

Мучу бедную старуху:
Чуть немного отлечу,
Да опять, опять ей к уху,
И опять застрекочу.

Та смутилась, побледнела.
Кавалер ей: «Ах! Ваш вид...
Что вдруг с вами?» – «Зашумело
Что-то в ухе, – говорит, –

Что-то скверное такое...
Ах, несносно! Дурно мне!»
Я ж, прервав жужжанье злое,
Поскорее – к стороне.

Подлетела к молодежи:
Дай послушаю, что тут!
И прислушалась: о боже!
О творец мой! Страшно лгут!

Лгут мужчины без границы, –
Ну, уж те на то пошли!
Как же дамы, как девицы –
Эти ангелы земли?..

Одного со мною пола!
В подражанье, верно, мне
Кое-что у них и голо, –
И как бойко лгут оне!

Лгут – и нет средь бальной речи
Откровенности следа:
Только груди, только плечи
Откровенны хоть куда!

Всюду сплетни, ковы, путы,
Лепет женской клеветы;
Платья ж пышно, пышно вздуты
Полнотою пустоты.

Ложь – в глазах, в рукопожатьях, –
Ложь – и шепотом, и вслух!
Там – ломбардный запах в платьях,
В бриллиантах тот же дух.

В том углу долгами пахнет,
В этом – взятками несет,
Там карман, тут совесть чахнет;
Всех змей роскоши сосет.

Вот сошлись в сторонке двое.
Разговор их: «Что вы? как?»
– «Ничего». – «Нет – что такое?»
Вы невеселы». – «Да так –

Скучно! Денег нет, признаться».
– «На себя должны пенять, –
Вам бы чем-нибудь заняться!»
– «Нет, мне лучше бы занять».

Там – девицы. Шепот: «Нина!
Как ты ласкова к тому!..
Разве любишь? – Старичина!
Можно ль чувствовать к нему?..»

«Quelle idee, ma chere! Он сходен
С чертом! Гадок! Вижу я –
Для любви уж он не годен,
А годился бы в мужья!»

Тошно стало мне на бале, –
Всё обман, как погляжу, –
И давай летать по зале
Я с жужжаньем – жу-жу-жу, –

Зашумела что есть духу...
Тут поднялся ропот злой –
Закричали: «Выгнать муху!»
И вошел лакей с метлой.

Я ж, все тайны обнаружив, –
Между лент и марабу,
Между блонд, цветов и кружев

Поскорей – в камин, в трубу –

И на воздух! – И помчалась,
Проклиная эту ложь,
И потом где ни металась –
В разных видах всюду то ж.

Там в театр я залетела
И на сцену забралась,
Да Шекспиром так взгремела,
Что вся зала потряслась.

Что же пользы? – Огневая
Без следов прошла гроза, –
Тот при выходе, зевая,
Протирал себе глаза,

Тот чихнул: стихом гигантским
Как Шекспир в него метал,
Он ему лишь, как шампанским,
Только нос пощекотал.

И любви моей и дружбы,
Словно тяжкого креста,
Все бегут. Искала службы, –
Не даются мне места.

Обращалась и к вельможам,
Говорят: «На этот раз

Вас принять к себе не можем;
Мы совсем не знаем вас.

Эдак бродят и беглянки!
Вы во что б пошли скорей?»
Говорю: «Хоть в гувернантки –
К воспитанию детей».

«А! Вы разве иностранка?»
– «Нет, мой край – и здесь, и там».
– «Что же вы за гувернантка?
Как детей доверить вам?»

Вы б учили жить их в свете
По каким же образцам?»
– «Я б старалась-де, чтоб дети
Не подобились отцам».

«А! Так вот вы как хотите!
Люди! Эй!» – Пошел трезвон.
Раскричались: «Прогоните
Эту бешеную вон!»

Убралась. Потом попала
Я за дерзость в съезжий дом
И везде перебивалась –
И в суде, и под судом.

Там – продажность, там – интриги, –

Всех язвят слова мои;
Я совалась уж и в книги,
И в журнальные статьи.

Прежде «Стой, – кричали, – дура!»
А теперь коё-куда
Благородная цензура
Пропускает иногда.

Место есть мне и в законе,
И в евангельских чертах,
Место – с кесарем на троне,
Место – в мыслях и словах.

Эта сфера мне готова,
Дальше ж, как ни стерегу –
Ни из мысли, ни из слова
В жизнь ворваться не могу;

Не могу вломиться в дело:
Не пускают. Тьма преград!
Всех нечестье одолело,
В деле правды не хотят.

Против этой лжи проклятой,
Чтоб пройти между теснин, –
Нужен мощный мне ходатай,
Нужен крепкий гражданин».

«От меня чего ж ты хочешь? –
Наконец я спросил. –
Ждешь чего? О чем хлопочешь?
У меня не много сил.

Если бедный стихотворец
И пойдет, в твой рог трубя,
Воевать – он ратоборец
Ненадежный за тебя.

Он дороги не прорубит
Сквозь дремучий лес тебе,
А себя лишь только сгубит,
Наживет врагов себе.

Закричат: «Да он – несносный!
Он мутит наш мирный век,
На беду – звонкоголосный,
Беспокойный человек!»

Ты всё рвешься в безграничность,
Если ж нет тебе границ –
Ты как раз заденешь личность,
А коснись-ка только лиц!

И меня с тобой прогонят,
И меня с тобой убьют,
И с тобою похоронят,
Память вечную споют.

Мир на нас восстанет целый:
Он ведь лжи могучий сын.
На Руси твой голос смелый
Царь лишь выдержит один –

Оттого что, в высшей доле,
Рыцарь божьей правоты –
Он на царственном престоле
И высок и прям, как ты.

Не зови ж меня к тревогам!
Поздно! Дай мне отдохнуть!
Спать хочу я. С богом! С богом!
Отправляйся! Добрый путь!

Если ж хочешь – в извещенье,
Как с тобой я речь держу,
О твоём я посещенье
Добрым людям расскажу».

1857

Скажите

Скажите, я вам докучаю?
Скажите, я с ума схожу?
У вас, – скажите – умоляю, –
Не слишком часто ль я бываю?
Не слишком долго ли сижу?
Я надоел вам, я уверен,
При вас из рук я вон, хоть брось,
При вас я жалок и растерян,
При вас я туп и глуп насквозь.
Когда, обвороченный вами,
Впиваюсь жадно я глазами
В ваш ясный лик, а сам молчу –
Не страшно ль вам? Вы не дрожите?
Уж вам не кажется ль, скажите,
Что проглотить я вас хочу?
Порою зависть – эту муку –
Внушает мне исподтишка
Ваш столик – дерево – доска,
Когда покоит вашу руку
И прикасается к перстам,
Которые с таким томленьем,
С таким глубоким упоеньем
Прижал бы я к своим устам.
Тех уст иль дерева касаться
Рукой, отброшенной слегка, –

Вам всё равно бы, может статься,
Равно холодною остаться
Могла б лилейная рука.
Увы! Скажите, для чего же
И там мне счастья не дано,
Где всё равно вам было б тоже,
А мне – уж как не всё равно?

1857

На гулянье

Веет негой ночь лукавая,
В небесах луна горит
И, меж тучек тихо плавая,
Их волшебю серебрит.

Сад тенистый с изворотами
Темных липовых аллей,
Сад с беседками и гротами –
Полон множеством людей, –

И с июльским сладострастием
На гулянье дачном здесь
Дышит загородным счастьем
Лиц пестреющая смесь.

Огневными бриллиантами
Блещут сотни фонарей.
Вот – эстрада с музыкантами!
Капельмейстер-чародей

Рад смычок свой к небу взбрасывать,
Скрипку вдребезги разбить,
Приседать рад и приплясывать,
Чтоб оркестр одушевить.

Чу! Гремят рукоплескания;
Упоен народный слух, –
Я один среди собрания
Неподвижен, нем и глух.

Знать, одна лишь благодатная
Для больной души моей
Есть мне музыка понятная, –
Это – музыка речей!

Это, чуждые всесветного
Крика, шума, торжества,
Звуки горлышка заветного,
Уст пленительных слова,

Звуки ясные, родимые –
В царстве звучности цари,
Речи так произносимые,
Что прослушай – и умри!

Да меж горем и заботами
В промежуточный часок
Мне контральтовыми нотами
Сладок женский голосок.

Да еще есть мне отрадная
Музыкальность без конца:
Это – музыка наглядная,
Очерк милого лица.

Это – сладкая симфония,
Перелитая в черты, –
Это – высшая гармония
В виде женской красоты!

1857

Поэту

Когда тебе твой путь твоим указан богом –
Упорно шествуй вдаль и неуклонен будь!
Пусть критик твой твердит в суде своем убогом,
Что это – ложный путь!

Пускай враги твои и нагло и упрямо
За то тебя бранят всем скопищем своим,
Что гордый твой талант, в бореньях стоя прямо,
Не кланяется им;

За то, что не подвел ты ни ума, ни чувства
Под мерку их суда и, обойдя судей,
Молился в стороне пред алтарем искусства
Святылищу идей!

Доволен своего сознания правосудьем,
Не трогай, не казни их мелкого греха
И не карай детей бичующим орудьем
Железного стиха!

Твое железо – клад. Храни его спокойно!
Пускай они шумят! Молчи, терпи, люби!
И, мелочь обходя, с приличием, достойно
Свой клад употреби!

Металл свой проводи сквозь вечное горнило:
Сквозь пламень истины, добра и красоты –
И сделай из него в честь господе кадило,
Где б жег свой ладан ты.

И с молотом стиха над наковальней звездной
Не преставай ковать, общественный кузнец,
И скуй для доблести венец – хотя железный,
Но всех венцов венец!

Иль пусть то будет – плуг в браздах гражданской нивы,
Иль пусть то будет – ключ, ключ мысли и замок,
Иль пусть то будет – меч, да вздрогнет нечестивый
Ликующий порок!

Дороже золота и всех сокровищ Креза
Суровый сей металл, на дело данный нам.
Не трать же, о поэт, священного железа
На гвозди эпиграмм!

Есть в жизни крупные обидные явления, –
Противу них восстань, – а детский визг замрет
Под свежей розгою общественного мненья,
Которое растет.

1857

При иллюминации

Праздник большой! Изукрашены здания,
Ночь лучезарнее дня.
Плошки и шкалики – бездна сияния!
Целое море огня!
Но для чего мне все эти фонарики?
Я уступил бы другим
Эти блестящие звездочки, шарики, –
Всё предоставил бы им.
Нужны мне две лишь лампы прекрасные
С чистым елеем любви,
Нужны мне звездочки мирные, ясные –
Синие очи твои.

1857

По прочтении одного из творений Шекспира

Когда в творении великом
Творца великость вижу я —
Пред гениальным этим ликом
Простерта ниц душа моя;
Благоговейным полон страхом,
Дрожу, поникнув головой,
Я под торжественным размахом
Шекспира мысли вековой.
Несется гений огнекрылый
В лучах, в пространстве голубом, —
И я, подавлен этой силой,
Вмиг становлюсь ее рабом.
Но это рабство не обидно, —
Свободы вечной в нем залог;
Мое подвластье не постыдно
Затем, что мой властитель — бог.
Он поражает — я покорен,
Он бьет — и я, приняв удар,
Ударом тем не опозорен,
Зане удар тот — божий дар.
Могучий в громы обращает
Величье сродное ему
И, поражая, приобщает

Меня к величью своему.
Когда пред вещим на колени
Я становлюсь, чело склоня,
Он, став на горние ступени
И молнией обвив меня,
Просторожденца благородит,
Раба подъемлет и сплеча
Плебея в рыцари возводит
Ударом божьего меча.

1857

«По синим волнам океана»

Из гроба твой стих нам гремит,
Поэт, опочивший так рано.
Воздушный корабль твой летит
«По синим волнам океана».

Всегда твоя песня жива,
И сладки, как звуки органа,
Твои золотые слова:
«По синим волнам океана».

И музыку кто-то творит
Для песни певца-великана,
И музыка та говорит:
«По синим волнам океана».

И, вызвав обдуманных нот
Аккорды из струн фортепьяно,
Садится она и поет:
«По синим волнам океана»,

И глаз ее светлых эмаль,
Мне кажется, дымку тумана
Пронзая, кидается вдаль –
«По синим волнам океана»,

И, думами, думами полн,
Дрожу я, как в миг урагана
Бросаемый бурею челн
«По синим волнам океана».

И вместе с певицей тогда
Я рад бы без цели и плана
Умчаться бог знает куда
«По синим волнам океана»

1857

Над рекой

Долго, по целым часам над широкой рекою
В думах сижу я и взоры на влаге покою,
Взгляд на реку представляет мне жизни теченье...
(Вы уж меня извините на старом сравненье:
Пусть и не ново оно, да лишь было б не дурно!)
Вот на реке – примечайте – то тихо, то бурно,
Чаще ж – ни то, ни другое, а так себе, хлябью
Ходит поверхность воды или морщится рябью.
Вот челноки, челноки, много лодочек разных,
Много гребцов, и пловцов, и рабочих, и праздных;
Ялики, боты плывут, и красивые и крепки,
Утлые идут ладьи, и скорлупки, и щепки.
Эти плавучие зданья нарядны, то принцы!
Прочие ж – мелочь, так – грязный народ, разночинцы.
Те по теченью плывут, обгоняя друг друга,
Этот же – против течения, – ну, этому туго!
Крепче гребите! – Вот сам бог ему силы прибавил, –
Ветер попутный подул, так он парус поставил,
Ладно! Режь воду да парус держи осторожно, –
Чуть что не так – и как раз опрокинуться можно, –
Лодке убогой под ветром погибнуть нетрудно. –
Вот выплывает большое, тяжелое судно,
Парус огромный, пузатый, с широкой каймою,
Шумно вода и сопит и храпит под кормою,
Под носом – пена, движение важное, – барин!

Даже и ветру не хочет сказать «благодарен».
Лодочка сзади привязана; панская ласка
Тащит вперед ее, плыть и легко... да привязка!
Я не желал бы такую быть лодкой – спасибо!
Лучше уж буду я биться, как на суше рыба,
Лучше в боренье с волной протащу свою долю
Сам по себе, полагаясь на божию волю! –
Вот, развалясь, величаясь своими правами,
Едет широкая барыня-барка с дровами,
С топливом славным; как север зимою повеет –
Многих она удовольствует, многих согреет,
Щедрая барыня! – Есть и в салонах такие, –
Как поглядишь да послушаешь сплетни людские. –
Это же что? – Тут уж в быль перешла небылица:
Глядь! По волнам водяная летит колесница;
Словно пылит она, так от ней брызги крутятся,
Тряско стучит и гремит, и колеса вертятся.
Экой корабль! С середины глядит самоваром:
Искры летят из трубы между дымом и паром;
Пышет огнем, попирая послушную воду;
Пена вокруг, а на палубе – эго народу!
Мыслю, любуясь таким огневым организмом:
Этот вельможа устроен с большим механизмом,
Против течения идет, как там ветер ни дует;
В тишь он далёко вокруг себя зыбь разволнует,
Так что кругом закачаются лодки и челны, –
И не хотел бы попасть я в подобные волны, –
Слабый челнок мой другие пусть волны встречает,
Только волны от вельможи боюсь – укачает. –

Мысленно я между тем над рекою гадаю:
Меж челноками один я за свой принимаю;
Вот – мой челнок, потихоньку, на веслах, на мале,
К берегу держит, от злых пароходов подале;
Вслед за иным не дойдет до величья он в мире,
Ну да он сам по себе, а иной – на буксире;
Песни поет мой гребец – не на славу, не звонко,
Было бы только лишь в меру его голосенка;
Жребий безвестный и бедность его не печалит,
Вот он еще поплывёт, поплывет – и причалит
К берегу – стой! Вот лесок, огородец, полянка!
Вот и дымок, огонек и на отдых – землянка!

1857

Маша

Кто там в поле ходит, звездочкой мелькая?
Лишь одна на свете девушка такая!
Машу крепко любит целое селенье,
Маша – сердцу радость, Маша – загляденье.
Да и как на Машу не смотреть с любовью?
Огненные глазки с соболиной бровью,
Длинный, длинный в косу заплетенный волос;
Спеть ли надо песню? – Чудо что за голос!
В лес пойдет голубка брать грибов иль ягод –
Лес угрюмый станет веселее на год,
Ветерок шалит с ней, всё ей в складки дует,
Рвет платочек с шеи, в плечико целует,
И лесные пташки ближе к ней садятся,
Для других – пугливы, Маши не боятся;
Тучка в божьем небе плакать соберется,
А на Машу взглянет, да и улыбнется.
Вот идет уж с поля Маша, да с обновой:
Мил-хорош веночек нежный, васильковый
На ее головке; хороша обновка,
Хороша и Маша – чудная головка!
Как веночек умела свить она искусно!
Только, видно, милой отчего-то грустно, –
Так ходить уныло Маша не привыкла, –
Глазки прослезились, голова поникла.

Молодец удалый, чье кольцо на ручке –
У красы-девицы, с месяц уж в отлучке,
Ждет Василья Маша, ждет здесь дорогая,
А уж там явилась у него другая;
Под вечер однажды, тая в неге вешней,
В садике зеленом сидя под черешней
И целуя Насте выпуклые плечи,
Говорил изменник клятвенные речи,
И ее он к сердцу прижимал украдкой,
Нежно называя лапушкой, касаткой, –
И никто бы тайны этой не нарушил,
Только речь Василья ветерок подслушал,
Те слова и вздохи на лету хватая
И чрез сад зеленый к лесу пролетая.
Ветерок, ту тайну взяв себе на крылья,
Заиграл, запрыгал и, собрав усилья,
Превратился в вихорь, засвистал, помчался,
В темный лес ударил – темный закачался.
Зашумел, нагнулся, словно в тяжелой думе, –
Весточка измены разносилась в шуме.
На одной из веток птичка отдыхала
В том лесу дремучем, – птичка всё узнала;
С ветки потрясенной, опасаясь бури,
Птичка полетела быстро по лазури
И взвилась тревожно неба к выси дивной
С грустным щебетаньем, с трелью заунывной.
Слышалось: «Вот люди! вот их постоянство!»
Ну да кто там слышал? – Воздух да пространство!
Нет, не угаится ветренное дело, –

В небе в это время облако летело –
Облако узнало... Ну да тайна ляжет
Всё же тут в могилу, облако не скажет,
Облако ведь немо; тут конец угрозы.
Да, тут нету речи, да найдутся слезы, –
Грудь земли иссохшей слезы те увлажят
И о темном деле внятно ей расскажут.
Облако надулось гневом благородным,
Стало черной тучей и дождем холодным
Землю напоило, – и уж тайна бродит
В черноземе поля, и потом выходит
Из земли наружу свежими цветками,
И, во ржи синяя, смотрит васильками, –
И веночек Маши нежный, васильковый
Голову сдавил ей думою свинцовой;
Маша убралась лишь этими цветами –
Залилась бедняжка горькими слезами.

1857

Ваня и няня

(Детская побасенка)

«Говорят: война! война! –
Резвый мальчик Ваня
Лепетал. – Да где ж она?
Расскажи-ка, няня!»

«Там – далёко. Подрастешь –
После растолкуют».
– «Нет, теперь скажи, – за что ж?
Как же там воюют?»

«Ну сойдутся, станут в ряд
Посредине луга,
Да из пушки и палят,
Да и бьют друг друга.

Дым-то так валит тогда,
Что ни зги не видно».
– «Так они дерутся?» – «Да».
– «Да ведь драться стыдно?»

Мне сказал папаша сам:
Заниматься этим
Только пьяным мужикам,

А не умным детям!

Помнишь – как-то с Мишей я
За игрушку спорил,
Он давай толкать меня,
Да и раззадорил.

Я прибил его. Вот на!
Победили наши!
«Это что у вас? Война? –
Слышим крик папаши. –

Розгу!» – С Мишей тут у нас
Было слез довольно,
Нас папаша в этот раз
Высек очень больно.

Стыдно драться, говорит,
Ссорятся лишь злые.
Ишь! И маленьким-то стыд!
А ведь там – большие.

Сам я видел сколько раз, –
Мимо шли солдаты.
У! Большущие! Я глаз
Не спускал, – все хвататы!

Шапки медные с хвостом!
Ружей много, много!

Барабаны – тром-том-том!
Вся гремит дорога.

Тром-том-том! – И весь горит
От восторга Ваня,
Но, подумав, говорит: –
А ведь верно, няня,

На войну шло столько их,
Где палят из пушки, –
Верно, вышла и у них
Ссора за игрушки!»

1857

В лесу

Тебя приветствую я снова,
Маститый старец – темный лес,
Стоящий мрачно и сурово
Под синим куполом небес.

Меж тем как дни текли за днями,
Ты в грудь земли, на коей стал,
Глубоко врезался корнями
И их широко разметал.

Твои стволы как исполины,
Поправ пятой постелю мхов,
Стоят, послав свои вершины
На поиск бурных облаков.

Деревья сблизились как братья
И простирают всё сильнее
Друг к другу мощные объятья
Своих раскинутых ветвей.

Я вижу дубы, сосны, ели,
Там – зев дупла, там – мох седой,
Коры растрескавшейся щели,
И пни, и кочки под ногой.

При ветре здесь витийством шума
Я упоен, а в тишине
Как величаво смотрит дума
С деревьев этих в душу мне!

И в час, как солнце близ заката
И меркнет день, душа моя
Здесь дивным таинством объята
И новым чувством бытия, –

И, с миром бренным, миром пыльным
Как бы навек разделена,
В союзе с миром замогильным
Здесь богу молится она, –

И лес является мне храмом,
Шум листьев – гимном торжества,
Смолистый запах – фимиамом,
А сумрак – тайной божества.

Спускает ночь свою завесу –
И мне мерещится тот век,
Как был родным родному лесу
Перворожденный человек.

Мне грезится тот возраст мира,
Как смертный мирно почивал,
Не заходила в лес секира,
Над ним огонь не пировал.

И где тот мир и та беспечность?
Вот мир с секирой и огнем,
Заботы, труд, могила, вечность...
Откуда мы? Куда идем?.

Лесная тень из отдаленья
Идет, ко мне наклонена,
Как будто слово разуменья
Мне хочет высказать она, –

И пробираюсь я украдкой,
Как будто встретиться боюсь
С великой жизненной разгадкой,
К которой мыслями стремлюсь;

Древесных листьев сонный лепет
Робею выслушать вполне,
Боюсь понять... невольный трепет
Вдруг проникает в сердце мне.

Бурлит игра воображенья,
И, как в магическом кругу,
Здесь духа тьмы и все виденья,
Сдается, вызвать я могу, –

И страшно мне, как сыну праха,
Ужасно мне под этой тьмой,
Но как-то рад я чувству страха

И мне приятен ужас мой.

1857

Он

*Посвящено тем, которые его помнят и чтят его
память*

Я помню: был старик – высокий, худощавый,
Лик бледный, свод чела разумно-величавый,
Весь лысый, на висках седых волос клочки,
Глаза под зонтиком и темные очки.
Правительственный сан! Огромные заботы!
Согбен под колесом полезной всем работы,
Угодничества чужд, он был во весь свой век
Советный муж везде и всюду – человек,
Всегда доступен всем для нужд, и просьб, и жалоб,
Выслушивает всех, очки поднимет на лоб,
И видится, как мысль бьет в виде двух лучей
Из синих, наискось приподнятых очей;
Иного ободрит улыбкою привета,
Другому, ждущему на свой вопрос ответа,
На иностранный лад слова произнося,
Спокойно говорит: «Нет, патушка, нелься».
Народным голосом и милостью престольной
Увенчанный старик, под шляпой треугольной,
В шинели серенькой, надетой в рукава,
В прогулке утренней протащится сперва –
И возвращается в свой кабинет рабочий,
Где труд его кипит с утра до поздней ночи.

Угодно ль заглянуть вам в этот кабинет?
Здесь нету роскоши, удобств излишних нет,
Всё дышит простотой студентской кельи скромной:
Здесь к спинке кресел сам хозяин экономный,
Чтоб слабых глаз его свет лишний не терзал,
Большой картонный лист бечевкой привязал;
Тут – груды книг, бумаг, а тут запас дешевых
Неслиндовских сигар и трубок тростниковых,
Линейки, циркули; а дальше – на полу –
Различных свертков ряд, уставленный в углу:
Там планы, чертежи, таблицы, счета, сметы;
Здесь – письменный прибор. Вот все почти предметы!
И посреди всего – он сам, едва живой,
Он – пара тощих ног с могучей головой!
Крест-накрест две руки, двух метких глаз оглядка
Да тонко сжатых губ изогнутая складка –
Вот всё! – Но он тут – вождь, он тут душа всего,
А там орудия и армия его:
Вокруг него кишат и движутся, как тени,
Директоры, главы различных отделений,
Вице-начальники, светила разных мест,
Навийные кресты и сотни лент и звезд;
Те в деле уж под ним, а те на изготовке,
Те перьями скрипят и пишут по диктовке,
А он, по комнате печатая свой шаг,
Проходит, не смотря на бранный склад бумаг,
С сигарою в зубах, в исканье целей важных,
Дум нечернильных полн и мыслей небумажных.
Вдруг: «Болен, – говорят, – подагрой поражен», –

И подчиненный мир в унынье погружен,
Собрались поутру в приемной, – словно ропот
Смятенных волн морских – вопросы, говор, шепот:
«Что? – Как? – Не лучше ли? – Недосланных ночей
Последствие! – Упрям! Не слушает врачей.
Он всем необходим; сам царь его так ценит!
Что, если он... того... ну кто его заменит?»

Между 1845 и 1857

На новый 1857-й

Полночь бьет. – Готово!
Старый год – домой!
Что-то скажет новый
Пятьдесят седьмой?

Не судите строго, –
Старый год – наш друг
Сделал хоть немного,
Да нельзя же вдруг.

Мы и то уважим,
Что он был не дик,
И спасибо скажем, –
Добрый был старик.

Не был он взволнован
Лютою войной.
В нем был коронован
Царь земли родной.

С многих лиц унылость
Давняя сошла,
Царственная милость
Падших подняла.

Кое-что сказалось
С разных уголков,
Много завязалось
Новых узелков.

В ход пошли вопросы,
А ответы им,
Кривы или косы, –
Мы их распрямим.

Добрых действий семя
Сеет добрый царь;
Кипятится время,
Что дремало встарь.

Год как пронесется –
В год-то втиснут век.
Так вперед и рвется,
Лезет человек.

Кто, измят дорогой,
На минутку стал,
Да вздремнул немного –
Глядь! – уж и отстал.

Ну – и будь в последних,
Коль догнать не хват, –
Только уж передних
Не тяни назад!

Не вводи в свет знания
С темной стороны
Духа отрицанья,
Духа сатаны.

Человек хлопочет,
Чтоб разлился свет, –
Недоимки хочет
Сгладить прошлых лет.

Ну – и слава богу!
Нам не надо тьмы,
Тщетно бьют тревогу
Задние умы.

«Как всё стало гласно! –
Говорят они. –
Это ведь опасно –
Боже сохрани!

Тех, что мысль колышут,
Надо бы связать.
Пишут, пишут, пишут...
А зачем писать?

Стало всё научно,
К свету рвется тварь,
Мы ж благополучно

Шли на ощупь встарь.

Тьма и впредь спасла бы
Нас от разных бед.
Мы же зреньем слабы, –
Нам и вреден свет». –

Но друзья ль тут Руси
С гласностью в борьбе?
Нет – ведь это гуси
На уме себе!

В маске патриотов
Мраколюбцы тут
Из своих расчетов
Голос подают.

Недруг просвещенья
Вопреки добру
Жаждет воспрещенья
Слову и перу;

В умственном движенье,
В правде честных слов –
«Тайное брожение»
Видеть он готов.

Где нечисто дело,
Там противен свет,

Страшно всё, что смело
Говорит поэт.

Там, где руки емки
В гуще барыша,
Норовит в потемки
Темная душа,

Жметя, лицемерит,
Вопиет к богам...
Только Русь не верит
Этим господам.

Время полюбило
Правду наголо.
Правде ж дай, чтоб было –
Всё вокруг светло!

Действуй, правду множа!
Будь хоть чином мал,
Да умом вельможа,
Сердцем генерал!

Бедствий чрезвычайных
Не сули нам, гусь!
Нет здесь ковов тайных, –
Не страшай же Русь!

Русь идет не трусая

К свету через мглу.
Видно, голос гуся –
Не указ орлу.

Русь и в ус не дует,
Полная надежд,
Что восторжествует
Над судом невежд, –

Что венок лавровый
В стычке с этой тьмой
Принесет ей новый
Пятьдесят седьмой, –

И не одолеют
Чуждых стран мечи
Царства, где светлеют
Истины лучи, –

И разумной славы
Проблеснет заря
Нам из-под державы
Светлого царя.

Декабрь 1856 или январь 1857

Н. Ф. Щербине

Была пора – сияли храмы,
Под небо шли ряды колонн,
Благоухали фимиамы,
Венчался славой Парфенон, –
И всё, что в мире мысль проникла,
Что ум питало, сердце жгло,
В златом отечестве Перикла
На почве греческой цвело;
И быт богов, и быт народа
Встречались там один в другом,
И человечилась природа,
Обожествленная кругом.
Прошли века – умолк оракул,
Богов низринул человек –
И над могилой их оплакал
Свою свободу новый грек.

Ничто судеб не сдержит хода,
Но не погибла жизнь народа,
Который столько рьяных сил
В стремленьях духа проявил;
Под охранительною сенью
Сплетенных славою венков
Та жизнь широкою ступенью
Осталась в лестнице веков,

Осталась в мраморе, в обломках,
В скрижалях, в буквах вековых
И отразилась на потомках
В изящных образах своих...

И там, где льются наши слезы
О падших греческих богах,
Цветут аттические розы
Порой на северных снегах, –
И жизнью той, поэт-художник,
В тебе усилен сердца бой,
И вещей Пифии треножник
Огнем обхвачен под тобой.

27 января 1857

Вход воспрещается

Посвящено И. К. Гебгардту

*«Вход воспрещается» – как часто надпись эту
Встречаешь на вратах, где хочешь ты войти,
Где входят многие, тебе ж, посмотришь, нету
Свободного пути!*

*Там – кабинет чудес, там – редкостей палата!
Хотел бы посмотреть! Туда навезено
Диковин множество и мрамора, и злата, –
Пойдешь – воспрещено!*

*Там, смотришь, голова! Прекрасной мысли,
знанья
Ты пробуешь ввести в нее отрадный свет –
Напрасно! Тут на лбу, как на фронтоне зданья,
Отметка: «Впуска нет».*

*А там – храм счастья, кругом толпы народа,
Иные входят внутрь, ты хочешь проскользнуть,
Но стража грозная, стоящая у входа,
Твой заграждает путь.*

*Ты просишь, кланяясь учтиво и покорно,
Ногою шаркая, подошвою скользя:
«Позвольте!» – А тебе настойчиво, упорно
Отвечают: «Нельзя».*

*Нельзя! – И мне был дан ответ того же рода.
Нельзя! – И, сближены нам общию судьбой,
О Гебгардт, помнишь ли, тогда в волнах народа
Мы встретились с тобой?*

*«Да почему ж нельзя? Проходят же другие!» –
Спросили мы тогда, а нам гремел ответ:
«Проходят, может быть, да это – не такие, –
Для вас тут места нет.*

*Вы – без протекции. Вы что? Народ небесный!
Ни знатных, ни больших рука вам не далась.
Вот если было бы хоть барыни известной
Ходатайство об вас!*

*Просили бы о вас пригожие сестрицы,
Колдунья-бабушка иль полновесный брат!
А то вы налегке летите, словно птицы, –
Назад, дружки, назад!»*

*«Что делать? Отойдем! Нам не добиться
счастья, –
Мы грустно молвили, – златой его венец
Нам, верно, не к лицу. Поищем же участия
У ангельских сердец!»*

*Идем. Вот женичина: открытая улыбка,
Открытое лицо, открытый, милый взгляд!
Знать, сердце таково ж... Приблизились –
ошибка!
И тут ступай назад!*

*«Вход воспрещается», задернута завеса,
Дверь сердца заперта, несчастный не войдет,
А между тем туда ж какой-нибудь повеса
Торжественно идет.*

*Полвека ты дрожал и ползал перед милой,
Колени перетер, чтоб заслужить венец,
Молчал, дышать не смел, и вот – с последней*

силой
Собрался наконец.

«Позвольте, – говоришь, – воздайте мне
за службу!

Мой близок юбилей». – «Не требуй! Не проси! –
Ответят. – Нет любви, а вот – примите
дружбу!»

– «Как? Дружбу? – Нет, merci!

Не надо, – скажешь ты, – на этот счет безбедно
И так я жить могу в прохладной тишине,
Холодных блюд не ем, боюсь простуды, – вредно
Мороженое мне».

Дивисься иногда, как в самый миг рожденья
Нам был дозволен вход на этот белый свет
И как не прогремел нам голос отверженья,
Что нам тут места нет.

Один еще открыт нам путь – и нас уважат,
Я знаю, как придет святая череда.
«Не воспрещается, – нам у кладбища скажут, –

Пожалуйте сюда!»

На дорогах нас везут, широкую дорогу
Мы видим наконец и едем без труда.
Вот тут и ляжем мы, близ церкви, слава богу!..
Но нет – и тут беда!

И мертвым нам кричат: «Куда вы? Тут ограда;
Здесь место мертвецам большим отведено,
Вам дальше есть места четвертого разряда,
А тут – воспрещено!»

Февраль 1857

Зачем

Посвящено Антонине Христиановне Лавровой

*Мне ваш совет невыразимо дорог, –
И хоть тяжел он сердцу моему,
Но должен я, скрепясь, без отговорок
Его принять и следовать ему,*

*Согласен я: чтоб тщетно не терзаться,
Спокойно жить, бесплодно не страдать –
Не надобно прекрасным увлекаться,
Когда нельзя прекрасным обладать.*

*Зачем смотреть с восторженной любовью
На лилию чуждого цветника,
Где от нее не суждено судьбою
Мне оторвать ни одного цветка?*

*И для чего пленяться мне картиной,
Когда она – чуждая, не моя,
Иль трепетать от песни соловьиной,
Где я поймать не в силах соловья?*

*Зачем зарей я любоваться стану,
Когда она сияет надо мной, –
И знаю я, что снизу не достану
Ее лучей завистливой рукой?*

*Зачем мечтам напрасным предаваться?
Не лучше ли рассудку место дать?
О, да! к чему прекрасным увлекаться,
Когда – увы! – нельзя им обладать?*

1857 (?)

Мысль

Лампадным огнем своим жизнь возбуждая,
Сгоняя с земли всеобъемлющий мрак,
Пошла было по свету мысль молодая –

Глядь! – сверху нависнул уж старый кулак.
Кулак, соблюдая свой грозный обычай,
«Куда ты, – кричит, – не со мной ли в борьбу?
Ты знаешь, я этой страны городничий?
Негодная, прочь! А не то – пришибу,
Я сильный крушитель, всех дел я вершитель,
Зачем ты с огнем? Отвечай! Сокрушу!
Идешь поджигать?.. Но – всемирный тушитель –
Я с этим огнем и тебя потушу».

– «Помилуй! – отвечает мысль молодая. –
К чему мне поджогами смертных мутить?
Где правишь ты делом, в потемках блуждая, –
Я только хотела тебе посветить.
Подумай – могу ль я бороться с тобою?
Ты плотно так свернут, а я, между тем
Как ты сотворен к зуболомному бою,
Воздушна, эфирна, бесплотна совсем.
С живым огоньком обтекаю я землю,
И мною нередко утешен бедняк.
Порой – виновата – я падших поднимаю,
Которых не ты ль опрокинул, кулак?

Порою сама я теряю дорогу
И в дичь углубляюсь на тысячи верст,
Но мне к отысканью пути на подмогу
Не выправлен твой указательный перст.
Одетая в слово, в приличные звуки,
Я – мирное чадо искусства, науки,
Я – признак единственный лучших людей,
Я – божьего храма святая молитва.
Одна мне на свете дозволена битва
Со встречными мыслями в царстве идей.
И что же? – Где в стычке кулак с кулаками,
Там кровь человечья струится реками,
Где ж мысль за священную к правде любовь
Разумно с противницей-мыслию бьется, –
Из ран наносимых там истина льется –
Один из чистейших небесных даров.

Запретный плод

Люди – дети, право, дети.
Что ни делайте, всегда
Им всего милей на свете
Вкус запретного плода.
Человек – всегда ребенок,
Говоришь ему: «Не тронь!» –
Из хранительных пеленок
Всё он тянется в огонь.
Иногда с ним просто мука:
«Дай мне! Дай!» – «Нельзя. Тут бука».
– «Цацу дай!» – «Нельзя никак».
Рвется, плачет он. Досада!
«На, бесенок! На!» – «Не надо».
– «Да ведь ты просил?» – «Я – так...»

Что ж делать?

Что ж делать? – Судьба приказала
Им вечно друг друга терзать.
Их брачная доля связала,
Узла их нельзя развязать.

Сожительство тяжело обоим,
Где ж брака высокая цель?
А мучить друг друга легко им:
Всё общее – дом и постель.

И всюду они неразлучны,
Друг на друга злобно глядят,
Взаимно несносно-докучны,
Ревниво друг друга следят.

Им страшно, чтоб, рано или поздно
От «вместе» успев ускользнуть,
Минуты блаженного «розно»
Из них не вкусил кто-нибудь.

Стараясь во всем поперечить
Друг другу и въявь и тайком,
Стремятся свой ад обеспечить,
Несчастье сберечь целиком.

И, скрежетом брани, проклятья
Наполнив и ночи и дни,
Печально смыкают объятия
И верны друг другу они.

Приходит уж старость и древность,
Уж искры угасли в крови,
А всё еще глупая ревность
Грызет их в насмешку любви.

Посмертного злого недуга
В томленье, средь мук без числа,
Две жизни изводят друг друга...
А брака законность цела.

1858

Наоборот

Набросать мне недавно случилось
Повесть, что ли, в десяток страниц,
Где немало на сцену явилось
Мною вольно придуманных лиц.
Много качеств нелестных я роздал
Этим лицам и тем наконец
Был доволен, что сам я их создал
И что, как я ни плох, но – творец, –
Что я в очерках вывел фигуры,
Отразив в них подобье людей,
Наугад, наизусть, без натуры,
Артистической силой моей.
Что же вышло? – Сказали иные,
Что обиды я им наношу,
Что пишу с них портреты живые,
С лиц их копии только пишу.
Нет, голубчики! В деле нечистом
Вы ж обиду наносите мне,
Называя меня копиистом,
Где я был сочинитель вполне.
Сами будучи гадки и низки
В непригожих натурах своих,
Вы собой мне подсунули списки
С самородных фантазий моих.
Наобум где рисунок творится –

Виновата ль художника блажь,
Что природа сама тут ложится
Под летучий его карандаш?

1858

Над гробом О. И. Сенковского

И он угас. Он блеском парадокса
Нас поражал, страдая и шутя, –
И кто порой невольно не увлекся
Его статьей, как лакомством дитя?

Не дети ль мы!.. Оправив прибауткой
Живую речь, с игрушкой и с лозой,
Он действовал порой научной шуткой,
Порою – в смех завернутой слезой,

И средь трудов болезненных и шуток,
В которых жизнь писателя текла,
Смерть, уловив удобный промежуток,
Свой парадокс над ним произнесла.

К числу потерь еще одну причисли,
Убогий свет! Ликуй, земная тьма!
Еще ушел один служитель мысли,
Друг знания, с светильником ума.

Ушел, умолк – навек, без оговорок.
Прочтем слова последних тех «Листков».
Что он писал!.. Ведь для живущих дорог
И свят завет передмогильных слов.

Он там сказал: «Всё приводите в ясность!
Не бойтесь! Все иди на общий суд!
Нас оградит общественная гласность
От тайных язв и ядовитых смут».

Он осуждал тот взгляд тупой и узкой,
Что видит зло в лучах правдивых дум;
Невежеству и мудрости французской
Он воспрещал давить наш русский ум.

Он уяснял голов тех закоснелость,
Которым сплошь – под навыв старых лет –
Родной наш ум является как смелость,
Как дерзкий крик, идущий под запрет.

Он говорил: «Друзья! Не заглушайте
Благих семян! Не тьмите нам зарю,
И нам читать и мыслить не мешайте
На пользу всем, в служение царю!»

Живущий брат! Пошли же на прощанье
Отшедшему, что между нами смолк,
Привет любви, и помни: завещанье
Умершего есть для живущих долг.

Не преграждай благих стремлений века
И светлых искр мышленья не туши!
Дай нам понять значенье человека!
Дай видеть нам бессмертие души!

Mapm 1858

Из. Л. Гринберг

С какой-то невольною грустью, в тиши,
Возводится взор мой уныло
На всё, что исполнено сердца, души
И так привлекательно, мило,
На всё, что, вращаясь в сем мире пустом
Под ясной небес благодатью,
Отмечено в обществе божьим перстом –
Живого таланта печатью,
На всё, что рождает у нас на глазах
Чистейшие слезы участия,
На всё, что под солнцем достойно всех благ,
Всех радостей, всякого счастья...
Я знаю, как редко дается в удел
Достоинству в мире награда;
Не так всё творится средь жизненных дел,
Как было бы, кажется, надо.
Два сердца созвучные порознь идут;
В разрыве – две дружные доли,
А в вечном союзе друг друга клянут
Две жертвы условной неволи.
Красивый свой венчик любовно склоня,
Как часто цветок золотистый
Готов перевестись вкруг дикого пня,
Корою одетого мшистой!
Порою он спрячется в чаще лесной

Да в сумраке там и заглохнет;
На камни вдруг выпадет дождь проливной,
А травка от жажды иссохнет.
Над грязью играет там солнечный луч,
Над зыбью болотной он блещет,
А нива зернистая градовых туч
Под грозною мглою трепещет.
Напрасна мольба и бесплодна борьба:
Бесчувственно вплоть до предела
Ведет с непонятым упрямством судьба
Свое непонятное дело.
И, трепетно вами любясь подчас,
Все жребии высмотрев строго,
С сердечной боязнью смотрю я на вас –
И думаю, думаю много.

9 мая 1858

Горная дорога

Что за дым клубящийся тут бродит
Ощупью по каменным твердыням?
Где тот горн, откуда он исходит, –
В дольней мгле иль в небе темно-синем?

Чем покрыты страшных стен раскаты
Там – вдали? Какими пеленами?
Словно пух лебяжий, неизмятый
Пышно лег над этими стенами.

Объясните, что всё это значит?
По уступам, с бешеною прытью,
Серебро расплавленное скачет,
Тянется тесьмою или нитью,
Прыщет, рвется, прячется – и снова,
Раздвоясь и растрясь, готово
Прядать, падать, зарываться в глыбах
И сверкать в изломах и в изгибах.

Что за лента между масс гранита
Снизу вверх и сверху вниз извита
И, вращаясь винтовым извивом,
Стелется отлого по обрывам?

Нет! Не грозных цитаделей крепи

Предо мною, это – Альпов цепи.
То не стен, не башен ряд зубчатых,
Это – скалы в их венцах косматых.

То не рвы, а дикие ущелья,
Рытвины, овраги, подземелья,
Где нет входа для лучей денницы.
То пещеры, гроты – не бойницы.

То не дым мне видится летучий, –
То клубятся дымчатые тучи –
Облака, что идут через горы,
И как будто ищут в них опоры,
И, прижавшись к вековым утесам,
Лепятся по скатам и откосам.

То не пух – постелей наших нега, –
Это – слой нетоптаного снега,
Целую там вечность он не тает;
Вскользь по нем луч солнца пролетает,
Лишь себя прохладой освежая
И теплом тот снег не обижая.
Не серебро здесь бьет через громады,
Рассыпаясь, – это – водопады.

То не лента вьется так отлого
По стремнинам грозным, а дорога.

После

То на горе, то в долине,
Часом на палубе в море –
Весело мне на чужбине,
Любо гулять на просторе.
После ж веселья чужбины,
Радостей суши и моря –
Дайте родной мне кручины!
Дайте родимого горя!

Лето 1858 (?)

Ничего

Братцы! Беда! Вот сближается с нашим фрегатом,
Высясь горою над ним, роковая волна,
Круто свернулась и страшным, тяжелым накатом,
Мутно-зеленая, с ревом подходит она;
Кажется, так и накроет, сомнет и проглотит,
Мир наш плавучий, как щепку, вверх дном поворотит...
Грянула... Хвать через борт!.. Миг удара приспел...
В скрепах, в основах своих весь фрегат заскрипел,
Вздроснул, шатнулся, хлестнула по палубной крыше
Пена, а брызги кругом так и душат его...
Замер... Кончается... Люди! Безмолвствуйте! Тише!
Тс! Он подьмется грудью всё выше, всё выше –
И на хребет той волны наступил... Ничего!

Лето 1858 (?)

И. А. Гончарову

Недавно, странник кругосветный,
Ты много, много мне чудес
Представил в грамотке приветной
Из-под тропических небес.
Всё отразилось под размахом
Разумно-ловкого пера:
Со всею прелестью и страхом
Блестящих волн морских игра,
Все переломы, перегибы,
И краска пышных облаков,
И птичий взлет летучей рыбы,
И быт пролетный моряков,
Востока пурпур и заката
И звезд брильянтовая пыль,
Живое веянье пассата
И всемертвящий знойный штиль.
За эти очерки в оплату
Хотел бы я, свой кончив путь
И возвратясь теперь, собрату
Представить также что-нибудь.
Оставив невскую столицу,
Я тоже съездил за границу,
Но, тронув море лишь слегка,
Я, как медведь гиперборейской,
Чужой средь сферы европейской,

На всё смотрел издалека.
Я видел старые громады
Альпийских гор во весь их рост,
В странах заоблачных каскады,
И Сен-Готард, и Чертов мост.
Кому же новость – эти горы?
Я видел их картинный строй,
Уступы, выступы, упоры;
Через целый горизонт порой,
Игрой всех красок теша взоры,
Тянулись в блеске их узоры –
Казалось, в небе пир горой...
Но что сказать о них? Спокойны
Подъяты в ужас высоты;
В венце снегов, они достойны
Благоговейной немоты.
К сравненьям мысли простираю...
Но что мне взять в подобье им
Пред тем, кто, бурями носим,
Ходил в морях от края к краю?
Я соблазняюсь и дерзаю
Прибегнуть к образам морским:
Гора с горой в размерах спора
И снежной пенясь белизной,
Вдали являлась предо мной
В твердыню сжавшегося моря
Окаменелою волной,
Как будто, ярой мощи полны,
Всплеснулись к небу эти волны,

И, поглощая прах и пыль,
Сквозь тучи хлынув в высь лазури,
Оцепенели чада бури,
И вдруг сковал их вечный штиль,
И, не успев упасть, нависли
В пространстве, – над скалой скала
И над горой гора, как мысли,
Как тени божьего чела.

30 сентября 1858

Привет старому 1858-му году

А! Новый! – Ну, милости просим.
Пожалуйте. – Только уж – нет –
Не вам, извините, приносим,
А старому году привет.

Характер ваш нам неизвестен,
Вы молоды слишком пока, –
А старый и добр был, и честен,
И можно почтить старика.

К чему же хитрить, лицемерить,
Заране сплетая вам лесть?
Нам трудно грядущему верить,
Мы верим тому, что уж есть.

А есть уже доброго много,
От доброго семени плод
Не худ будет с помощью бога.
Не худ был и старенький год.

По солнцу он шел, как учитель,
С блестящей кометой на лбу,
И многих был зол обличитель, –
С невежеством вел он борьбу.

И мир был во многом утешен
И в прозе, и в звуке стиха,
А если в ином был он грешен,
Так где же и кто ж без греха?

Да! В медные головы, в груди
Стучит девятнадцатый век.
Внизу начинаются люди,
И есть наверху Человек.

Его от души поздравляем...
Не нужно его называть.
Один он – и только, мы знаем,
Один он – душа, благодать.

Один... за него все молитвы.
Им внешняя брань перешла
В святые, крестовые битвы
С домашнею гидрою зла.

Декабрь 1858

Автору «Капли» (ответ на привет)

Нет, не страшусь я гонителей гневных,
Стану пред ними я твердой скалой,
Вновь ободрен, укреплен похвалой,
Слышимой мною из уст псалмопевных,
Льющейся целым потоком огня
С арфы Давидовой вдруг на меня.

Буду ли ранен с противными в споре?
Язв к исцелению мне подал елей
Тот, кто в таинственной «капле» своей,
Капле единой, глубокой, как море,
С дивным наитьем божественных сил
Вечные тайны небес отразил.

И, открывая нам неба картины,
Брызнул нам в душу любви кипятком,
Матери-девы чистейшим млеком,
Кровью Христовой, слезой Магдалины,
Словом, которым, подвигнув уста,
Спасся разбойник на древе креста.

Что наша слава? Во мраке забвенья
Сгибнет, истлеет наш бранный венец,

Ты ж провещал нам, библейский певец,
Слово бессмертья, глагол откровенья,
Слово, под коим негорько страдать!
«Тот не умрет, в ком жива благодать!»

1858

Бедняк

О господи! Милостив буди!
Лишенья меня изъедают.
Ведь есть же блаженные люди –
В тюрьму за долги попадают.
Те люди, избавясь пристойно
От горькой, несносной свободы,
Под кровом тюремным спокойно
Сидят себе целые годы.
Даются ж им милости неба!
Их кормят готовою пищей,
А я-то, несчастный, без хлеба
Скитаюсь – отъявленный нищий!
О всем, что там тленно и ложно,
Вдали от людских приключений
Им там философствовать можно
Без всяких земных развлечений.
Пошел бы большими шагами
Под сень я железных затворов,
Да как заpastись мне долгами?
И где мне добыть кредиторов?
Не верят! Как сердцу ни больно,
В займы не возьмешь ниоткуда,
И чист остаешься невольно...
А чистым быть бедному худо.

О господи! Милостив буди!
Во всех городках и столицах
Ведь есть же счастливые люди:
Лежат безмятежно в больницах.
Конечно, не то что уж в барстве,
А всё же не алчут, не жаждут;
Иные на легком лекарстве
Живут, да не очень и страждут.
Есть пища, кровать с одеялом,
Халат и колпак есть бумажный,
Броди себе зря, с перевалом,
Да туфлями хлопай преважно!
Не знай ни труда, ни тревоги!
Ничем тебя там не заботят,
А ляжешь да вытянешь ноги –
И гроб тебе даром сколотят.
Из нищих великого круга
В больницу пошел бы я смело,
Так нет никакого недуга –
Здоровье меня одолело!
Не примут! – И вот, поневоле,
По улицам бродишь покуда...
И видишь, что в нищенской доле
Здоровым быть бедному худо.

О господи! Милостив буди!
Посмотришь – иные воруют,
Иные способные люди
Живут грабежом да пируют,

Иные в пещере, в берлоге
Гнезятся, в лес выйдут и свищут,
И в ночь на проезжей дороге
Поживы от ближнего ищут.
Найдут – и в чаду окаянства
Пошла удалая потеха,
С разгулом кровавого пьянства
И с грохотом адского смеха.
Чем век мне бродить попрошайкой
С мешком от порога к порогу,
Пошел бы я с буйною шайкой
Туда – на большую дорогу,
Пошел бы гулякой веселым
На праздник, на пир кровопийства,
Взмахнул кистенем бы тяжелым
И грянул бы песню убийства,
Дней жизненных в чет или нечет
Сыграл бы... пусть петля решает!..
Пошел бы – да сердце перечит,
Сыграл бы... да совесть мешает!
И вот – не без тайного вздоха
Сквозь слезы я вижу отсюда,
Что с сердцем несчастному плохо,
Что с совестью бедному худо.

Разговор

«Сидорыч! Здравствуй! Трудисься? Бог помочь!
Как поживаешь?» – «Здорово, Пахомыч!
Вот, как ты видишь, живу помаленьку.
Как-то бог вашу хранит деревеньку?»
– «Плохо, кум, плохо: все наши товары –
Голод да холод, их полны амбары.
Щей нет, водицу гнилыми сетями
Ловим в котел и хлебаем лаптями.
Только гляди, чтоб и ту не раскапать
Сквозь прошлогодний изношенный лапоть.
Где ни посмотришь – тут наго, там босо,
Солнце глядит на поля наши косо,
Нету от божьего неба согревы,
Нет благодати на наши посевы.
Кум, Расскажи-ка, ведь ты с господами
Ездил в неметчину, был за морями?
Там, говорят, мужички богатеют,
Косят да жнут, а не пашут, не сеют,
Царства там мелки, царьки и подавно,
Ну, а насчет прокормления – славно!
Нашему ж брату это уж больно,
Зависть берет, и поропщешь невольно.
Ох, прогневили мы бога. Поди же!
Солнышко, стало быть, к немцам-то ближе,
К ним и становится прямо, не боком,

Хлеб-то и в колос идет уж с припеком;
Вот мужичку-то и можно лениться,
Где без труда из земли всё родится,
Жатва сама где привалит к овину.
Сидорыч, так ли?» – «Да, так – вполовину.
Всяко бывает, у всех своя доля.
Есть благодать и у нашего поля.
Озимь у нас, а у них яровое –
Дело-то, впрочем, и там трудовое.
Нет, брат, и там не по щучью велению
Жатва бывает; с проклятою ленью
Сытым не будешь, ведь люди – не птицы.
Взглянешь: клочка там нет праздной землицы –
Всё в обработке, а сбыт, как по струнке,
Верный: туда и сюда – по чугунке.
Пьянствуют меньше; оно и не диво –
Пьют они больше немецкое пиво.
Если в ином и не так мы богаты –
Сами ж, Пахомыч, мы в том виноваты.
Ну, а завидовать в милостях неба
Им не должны мы: ведь черного хлеба
Корочки там я не мог допроситься, –
Нет, да и только. А нам обходиться
Как без него – без родной своей пищи?
Небо немецкое, точно, почище,
Ну и цветочки там гуще и краше,
Время их летнее лучше, чем наше.
Что говорить! – А зима-то? Зима-то?
Снегом ли наша земля не богата?

Хватит морозец, представить ты можешь, –
Выйдешь да в дровни скотинку заложишь,
Ну и пошел, как дорожку пригладит;
Их же край теплый зимой и подгадит.
Нет ни снежинки. Глядишь, – безобразно!
Только всё сыро, дождливо и грязно.
Русской зимы не далось иноземцам.
Ты б, куманек, не завидовал немцам
И не роптал бы, когда бы увидел,
Как их зимой-то господь пообидел».

1859

Чертова башня (Легенда)

Старинного замка над Рейна водой
Остался владельцем граф молодой.
Отец его чтим был за доблесть в народе
И пал, подвизаясь в крестовом походе;
Давно умерла его добрая мать, –
И юный наследник давай пировать!

Товарищей много, чуть свистни – гуляки
Голодную стаей бегут, как собаки;
С утра до полночи, всю ночь до утра –
Развратные сборища, пьянство, игра...
Игра!.. Вдруг – несчастье... граф рвется от злости:
Несчастливого режут игральные кости.

На ставке последней всё, всё до конца –
И замок, и мрамор над гробом отца!
Граф бледен, мороз пробегает по коже...
Тайком прошептал он: «Помилуй мя, боже!»
– «Эх, ну, повези мне!» – противник воззвал,
Хлоп кости на стол – и хохочет: сорвал!

Остался граф нищим. Скитайся, бедняга!
Всё лопнуло. Отняты все твои блага.
Ты всё проиграл. Чем заплатишь долги?
И слышится вопль его: «Черт! помоги!»

А черт своих дел не пускает в отсрочку,
Он тут уж: «Чего тебе?» – «Золота бочку!»

«И только? Да что тебе бочка одна?
Два раза черпнешь – доберешься до дна.
Счастливец ты, граф! Ты родился в сорочке!
Не хочешь ли каждое утро по бочке?
Изволь! Расплатиться ж ты должен со мной
За это душонкой своею дрянной...

Согласен?» – «Согласен. Твой ад мне не страшен».
– «Так слушай: в верху высочайшей из башен
Ты завтра же первую бочку повесь!
Увидишь, что мигом сосуд этот весь
Наполнится золотом высшего сорта.
Прощай же, да помни услужливость черта!»

Контракт заключен. Граф остался один
И думает: «Буду ж я вновь господин!
Да только...» И дума в нем тяжкая бродит,
И к предков портретам он робко подходит.
Святые портреты! – Из рам одного
Мать с горьким упреком глядит на него,

Как будто сказать ему хочет: «Несчастный!
Ты душу обрек свою муке ужасной!»
А он отвечает: «Родная! Спаси!
У бога прощенья ты мне испроси!»
И вдруг вдохновение мысли счастливой

Зажглось у безумца в душе боязливой.

На башне условный сосуд помещен,
Да только – открытый с обеих сторон.
Граф думает: «Дело пойдет в проволочку,
Сам черт не наполнит бездонную бочку.
Была бы лишь бочка – условие одно.
Вот бочка! Я только ей выломил дно».

И только луч утра над миром явился –
Над бочкою дождь золотой заструился,
Стучит и звенит, но проходит насквозь;
Чертовское дело не споро, хоть брось!
Однако до среднего скоро карнизу
Вся золотом башня наполнится снизу,

А там, как до верхнего краю дойдет,
Проклятым металлом и бочку нальет.
«Эй, люди! Лопаты и грабли хватайте
И адские груды сметайте, сгребайте!»
Измучились люди, а ливень сильнее –
И башня всё кверху полней и полней.

Трудящихся дождь металлический ранит,
И звонко по черепакам их барабанит,
И скачет по их окровавленным лбам,
И прыщет в глаза им, и бьет по зубам,
Те в золоте вязнут, его разметая,
И давит, и душит их смерть золотая.

И, видя успех дела чертова, граф
«Родная, спаси!» – повторил, зарыдав,
Часовня откликнулась утренним звоном,
И рухнулась, башня со скрежетом, стоном
И с визгом бесовским, – и был потрясен
Весь замок, а граф вразумлен и спасен.

1859

Рифмоплет

Друзья! Средь жизненного поля
Своя у всякого судьба,
И рифмоплетствовать – есть доля
Иного божьего раба.
Друзья! Вы – люди деловые.
Я ж в деле – чуть не идиот,
Вы просто – мудрецы земные,
А я – безумный рифмоплет.

О да, вы правду говорите –
Я только рифмоплет. Увы!
Вы ж мудрецы, за не мудрите
И велемудрствуете вы.
Я только брежу всё, но внятен
И с мыслью связан этот бред,
А мудрый толк ваш непонятен,
Зане в нем смыслу часто нет.

Пишу стихи, читаю книги
И. так гублю всё время я,
А злость, ругательства, интриги
Предоставляю вам, друзья.
Дельцы, достойные почтения!
Едва плетясь кой-как вперед,
Вам сплетни все и злосплетенья

Предоставляет рифмоплет.

Из вас, конечно, рифмоплетством
Себя никто не запятнал,
И каждый служит с благородством,
А я – с пятном, зато и мал.
Вы в деловых бумагах быстры,
Смекая, что к чему идет,
Зато вы метите в министры,
А я останусь – рифмоплет.

1859

Разбитый кумир

Скульптор, в восторге вдохновенья,
Волшебный образ изваял.
Народ, немой от изумленья,
Пред изваянием стоял,
И наконец главой поникнул
У мраморных кумира ног,
И в ослеплении воскликнул,
Молясь безумно: «Это – бог!»
А вождь страны, от искушенья
Народ желая отвратить,
Велел рабам без сожаленья
Ломами статую разбить!

Сказал: «Да сгинет изваянье!» –
И, раздробленное в куски,
Погибло светлое создание
Скульптора творческой руки. –
И, над обломками кумира
Склоняясь мыслящим челом,
Стоял какой-то странник мира
В раздумье грустном и немом.
«Кто был преступнее, – он мыслил,
В груди тая свой горький плач, –
Народ, что камень богом числил,
Иль дивной статуи палач?»

Знакомое место

Да! Вот они – знакомые места!
Я узнаю: вот улица кривая!
Вот – вся в горбах, в ущербах мостовая!
И вот она – разбитая плита
Близ ветхого, погнувшегося дома.
О! как она душе моей знакома
И как ее мне памятен излом!
Всё наизусть я вытвердил, как школьник:
Уступ, провал, и этот треугольник,
Здесь выбитый, с зазубренным углом,
И эту щель с ее глубоким мраком,
Идущую порывистым зигзагом,
Как будто бы когда-нибудь прошла
Здесь молнии сердитая стрела.
О, если б всё так сохранялось в мире,
Как эта щель! Прошли десятки лет.
Теперь она немного стала шире,
И более в ней перемены нет.
По-прежнему, чернея и зевая,
Она глядит, как летопись живая
С изображеньем верным одного
Старинного паденья моего.
Когда-то здесь так повредил я ногу,
Что и теперь хромаю понемногу,
А тут жила... предмет любви моей.

Я шел туда, я торопился к ней,
Шел бойкими и крупными шагами,
И, чувствуя мой неземной удел,
Я на небо так пристально глядел,
Что ничего не видел под ногами
И – бух в провал! – И как страдал потом!
Страдал... Так что ж? Со всем чистосердечьем
Я вам скажу: хоть и остался хром,
Я и теперь горжусь моим увечьем.
Больной, я был могилы на краю,
Передо мной стоял духовный пастырь,
На рану воспаленную мою
Телесный врач накладывал мне пластырь,
И тут... Могу ль я этот миг забыть?
Она пришла больного навестить!
И я узрел небесное виденье,
Благословил стократ мое паденье,
И для меня осталась ты свята,
Заветная разбитая плита!
Хоть щель твоя теперь немного шире,
Но если б всё так сохранялось в мире!

В деревне

Нива зеленым ковром покрывается,
Всё так роскошно цветет,
Солнышко ярче, весна улыбается...
Птичка так сладко поет,
Всем как-то весело, всё оживилось,
Грустно лишь мне одному.
Сердце заныло и тяжело забилося, –
Жду из Парижа жену.

Март 1859

Усадьба Киньгрусть

Ф. Н. Глинке

Когда в какой-то мгле печальной
Недобрый дух меня мучил,
Вдруг Иов твой многострадальный
Меня отрадно посетил.
Уже я чувствовал терзанье
Скребущих демонских когтей
В душе тоскующей моей
И звал творца на состязанье, –
Как вдруг до сердца моего
Дошли спасительные звуки,
И стихнул грешный ропот муки
В затворах сумрачных его.
Луч веры в грудь мою проникнул.
«Опомнись!» – мне вещал творец,
И, просветленный наконец,
Я вместе с Иовом воскликнул:
«Прости меня, прости, творец!»

1859

Где он?

Посвящено Пл. Ал. Кускову

Нейдет он. Не видим мы юного друга.
Исчез он, пропал он из нашего круга.
Кручинит нас долгим отсутствием он,
Грешит, но увидим, рассеяв кручину,
Греха молодого святую причину, –
Он, верно, влюблен.

Куда б ни пошел он – неловко откинет
Страдальца туда, словно вихрем, – и хлынет
В тот берег заветный крутая волна,
Где светит предмет его дум и напева,
Предмет, в старину называвшийся дева.
Иль просто – она.

Слова ее уст он по-своему слышит
И после своей ненаглядной припишет,
Что сам из души он исторгнет своей,
Сам скажет себе, что мечта сотворила!
И думает: это она говорила!
Душа его в ней.

И, к ней относя все созвучия Гейне:
«Die Kleine, die Feine, die Reine, die Erne»,

На ней отражает свой собственный свет.
Не сами собою нам милые милы, –
Нет! Это – явление творческой силы:
В нас сердце – поэт.

1850-е годы

Любит

Ты шутила, хохотала,
Но порой, при взгляде ясном,
Тайной мысли тень мелькала
На лице твоём прекрасном.

И питались в ней тревога,
Ожиданье и забота...
И гостей тут было много,
Только не было кого-то.

Он явился, взор приветный
На него ты обратила,
И с улыбкой чуть заметной
Тихо очи опустила,

И, в задумчивости сладкой,
Из очей тех луч денницы
Пробивался всё украдкой
Сквозь поникшие ресницы;

А чтоб скрыть от злой разглядки
Алых щек огонь нескромный –
Ручка в палевой перчатке
Оправляла локон темный.

И, оправившись немножко,
Ты недвижна оставалась...
Лишь коралловая брошка
Всё сильнее приподымалась.

1850-е годы (?)

Одно из двух

Мне надобно его иль огорчить ужасно
Честнейшей правдою, или схитрить, солгать.
Что ж выбрать? Первое? Но это ведь напрасно:
Он не поймет меня и станет проклинать.

Он истину сочтет за личную обиду;
Он с детства рос во лжи и в ней окаменел –
А – добрый человек! Такой почтенный с виду!
Как быть? – Он в кривизне житейской закоснел.

Попробую: начну уклончивым намеком –
Вполправды! – Он дрожит... Мне жаль его, ей-ей!
Щажу его – и лгу, и тягостным упреком
Ложится эта ложь на совести моей, –

И после я грущу, упреки эти чуя,
И от него ж вопрос наивный слышу я:
«Что с вами?» Но уж тут, чтоб не солгать, молчу я
И только думаю: «Мне грустно – от тебя».

Не тот

Не тот святитель настоящий
И добрый пастырь душ земных,
Кто облачен в покров блестящий,
В сиянье камней дорогих,

Кто проклинает жизнь людскую,
А сам тельцам служить готов,
Свой любит сан, и честь мирскую,
И преклонение голов, –

Но тот, кто, саном незаметный,
Проклятьем не разя наш слух,
Огнем любви новозаветной
Скорбящих возвышает дух.

Чья жизнь – не ветошь, но обнова,
Кто сердцем понял смысл креста
И в соке мысли, в пище слова
Дает нам кровь и плоть Христа.

Образец смирения

Боже! Как безумна гордость человека!
«Для меня всё в мире от начала века, –
Он сказал когда-то с дерзостью незнанья. –
Царь я всей природы, я – венец создання,
Средь светил небесных, средь пучин эфира
Я стою с Землею в средоточье мира.
Вкруг меня вертится от зимы до лета
Солнце – мой источник теплоты и света.
Там Луна – фонарь мой, звездочки – лампадки –
Светят, чтоб всё было у меня в порядке».
– «Лжешь, гордец безумный! Лжешь, глупец надменный:
Сам с своей Землею в уголку вселенной,
Глядя только в щелку узкого оконца,
Кубарем кружишься около ты Солнца;
С Солнцем вдаль несешься – и не знаешь, где ты,
Призраки лишь только видишь – не предметы.
Лунный шар – твой спутник, а тех звезд лампы –
Океаны света, страшные громады,
При которых весь твой мир в его убранстве –
Жалкая пылинка в мировом пространстве».
Он сказал: «Я – разум: мыслю, размышляю,
Лишь инстинкт животным я предоставляю;
В рабстве их держу я, создан – быть вельможей;
Я с душой бессмертной вечный образ божий.
Для меня всевышний так весь мир устроил,

Чтоб себя я только тешил и покоил.
Вождь я грозных армий, властелин творенья!»
Вот он – полюбуйтесь – образец смиренья!
Сам себя он громко, величая, славит,
Бьет себе подобных и природу давит;
Ничего не смысля, он за бога смело
Судит и решает божеское дело!

1860

Достань!

«Да! Ты всё меня голубишь
На словах, – в них нет ли лжи?
Если ты меня так любишь,
Мне на деле докажи!»

«Всё, чего ты ни потребуй,
Рад принесть тебе я в дань».
– «Друг! Одну из данных небу
Мне ты звездочек достань!»

Слушай: к новому свиданью
Ты из них мне подари
Ту, что блещет мелкой гранью
В ночь до утренней зари, –

Ту, что с неба так приветно
Смотрит, чуть не говорит
И так мило, разноцветно
Искрой радужной горит.

Чтоб чудесною прибавкой
К туалету мне блеснуть, –
Я ту звездочку булавкой
Приколю себе на грудь.

И предамся грудью этой,
Тем подарком дорогим
Освещенной и согретой,
Я объятиям твоим.

Что ж? Достанешь ли» – «Помилуй!
Как я это совершу?
Невозможно!» – «Но, мой милый,
Если я тебя прошу...»

«Не могу». – «Меня погубишь
Ты отказом... Стало быть, –
Ты не любишь, да, не любишь, –
Может всё любовь добыть.

Немогущий!.. Что в нем проку?
Ты моги! Ты должен мочь.
На три дня даю я сроку,
А не то – навеки прочь!»

День – другой прошел. Несчастный
Горевал, бродил, как тень.
С торжеством к своей прекрасной
Он пришел на третий день.

Чем-то радостным отмечен,
Смелый взор его блистал.
Вмиг он был вопросом встречен:
«Что ж? Достал?» Ответ: «Достал!»

И глаза он к небу вскинул,
И со звездочкой внутри
Из кармана ларчик вынул,
И открыл его: «Смотри!

Видишь: в золоте, в эмали,
Блеском радужным полна
Эта звездочка... Она ли?»
– «Ах, мой друг! – Она! Она!

Я – души твоей царица,
Любишь ты, спокойна я,
Это – чудная вещица!
Это звездочка моя!

Эту искру – блестку ночи –
Ты достал, герой, гигант!»
И впивались милой очи
В ей врученный бриллиант,

И застежка дорогая,
С ценным камнем посреди,
Ярко вспыхнула, блистая,
У прелестной на груди.

Подражание испанскому

Только б ты, кого так пылко
Я люблю, – была со мной,
Ты да хересу бутылка,
Ты да конь мой вороной,
Ты да добрая сигара,
Ты да меткое ружье,
Ты да звонкая гитара –
Вот всё счастье мое!

Легким станом, ножкой ловкой
Ты мне гибельно мила,
Ты глядишь такой плутовкой,
Что с ума меня свела.
Ты танцуешь – упоенье!
Каждый нерв во мне дрожит;
Юбки сборчатой круженье
Всю мне голову кружит.

Как в качуче это тельце
Ты совьешь да перевьешь –
Замков гордого владельца
Прямо в плен меня ведешь.
Взвейся ж выше в вихре пляски,
В позе неги и любви
И хоть только до подвязки

Видеть ножки дай свои!

1860

Пора!

(По поводу римских проклятий)

О христиане, братья, братья!
Когда ж затихнет гул проклятья?
Когда анафемы замрут?
Пора! Мы ждем. Века идут.
Учитель, преданный распятью
И водворявший благодать, –
Христос – учил ли вас проклятью?
Нет! Он учил благословлять,
Благословлять врага, злодея,
Гореть к нему любви огнем
И, о заблудшем сожалея,
Молиться господу о нем.
А вы? – Вы, осуждая строго
Со-человека своего,
Пред алтарем, во имя бога
Зовете кару на него.
Вы над душой его и телом
Готовы клятвы произнести,
Каких в пылу остервенелом
Сам ад не в силах изобрести.
И вам не страшно имя божье
Взять на язык, хулу творя?
Навет на бога – при подножье

Его святого алтаря!
Кошунство в храме благодати!
Уж если клясть вы рождены –

Не богом проклинаяте братии,
А черным автором проклятий,
Что носит имя Сатаны!
И вам же будет посрамленьем,
Коль проклинаяемый ваш брат
Ответит вам благословеньем,
Сказав: «Не ведут, что творят!

1860

Затмение

«Экое диво! Клим Сидорыч! Глянь из оконца!
В полдень стемнело, ей-богу! Ведь убыло солнца.
В небе ни тучки, ни-ни... то есть – пятнышка нету, –
Ради чего ж недоимка господнего свету?»
– «Эх, голова, голова! Ничего-то не знает.
Временем это затменье такое бывает».
– «Эва! – А кто ж там на солнце потемки наводит?»
– «Это, по книгам, вишь – солнце за месяц заходит».
– «Полно, Клим Сидорыч! Эх ты неладно ответил!
Солнце ведь – светлое солнце, и месяц-то светел, –
Как же бы случилось, что свет как со светом сдвоится –
Не светлоты прибывает, а темень родится?»
– «Истинно так. Не хули моего ты ответа!
Верь аль не верь, а и свет пропадает от света.
Ну, да, примером, – ты в толк не возьмешь ли скорее?
Ум – дело светлое, разум – еще и светлее,
А в голове-то ведь темно становится разом,
Если случится, что ум в ней заходит за разум».

Пляска

В улику неправд был Израилю дан
Предтеча – креститель Христа – Иоанн.
«О Ирод, – взывал он, – владыко земной!
Преступно владеешь ты братней женой».
Глагол Иоанна тревожил царя
Досадным укором, но, гневом горя,
Царь Ирод смирял свое сердце над ним –
Зане Иоанн был народом любим, –
И долго в темнице предтеча сидел,
И царь над ним казни свершать не хотел, –
Тем паче, что в дни испытаний и бед
Нередко его призывал на совет.

И молчит Иродиада,
Втайне яростью дыша, –
В ней глубоко силу яда
Скрыла женская душа.
Лишь порой, при том угоре,
Вдруг в чертах ее и взоре
Проявляется гроза.
Жилы стянуты над бровью,
И отсвечивают кровью
В злобном выступе глаза.

Мечь ехидны палестинской

Зреет... Мысль проведена –
И усмешкой сатанинской
Ослабляется она.
О пророк! За дерзновенье
Ждет тебя усекновенье.
За правдивые слова,
За святую смелость речи –
У крестителя-предтечи
Отсечется голова!

В царский праздник пир был велий.
Вечер. Трапеза полна.
Много всяческих веселий,
Много брашен, пряных зелий
И янтарного вина.
Весел Ирод, – царской лаской
Взыскан двор... Но царь глядит, –
Кто ему искусной пляской
В этот вечер угодит?
Струн кимвальных мириады
Потряслись... Отверзлась дверь –
И внеслась Иродиады
Соблазнительная дочь.

Пляшущая плавает роз в благоухании,
В пламени зениц ее – сила чародейская,
Стан ее сгибается в мерном колыхании –
Стройный, как высокая пальма иудейская;
Кудри умашенные блещут украшениями

Перлов, камней царственных, радужно мерцающих;
Воздух рассекается быстрыми движеньями
Рук ее, запястьями звонкими бряцающих.
Вихрем вдруг взвилась она – и, взмахнув
прельстительно
Легкими одеждами звездно-серебристыми,
Стала вдруг поникшая пред царем почтительно,
Взор потмив ресницами трепетно-пушистыми.

И плясавшую так чудно
Царь готов вознаградить,
И клянется безрассудно
Ей – что хочет – подарить.
Требуй, дочь Иродиады,
Той убийственной награды,
Что утешна будет ей –
Злобной матери твоей!
«Царь! Ты видел пляску-чудо,
Так обет исполни ж свой –
Подавай плясунье блюдо
С Иоанна головой!

И, пустивший зло в огласку,
Вестник правды меж людей
Заплатил за эту пляску
Честной кровию своей!
Пусть ликует в силах ада
На земле Иродиада!
В божьем небе твой престол.

Здесь безглавье есть венчанье
За святое немолчанье,
За торжественный глагол.

Пляска смерти завершилась, –
Голова усечена.
Кончен пир. Угомонилась
Змеедушная жена.
Но рассказывали люди,
Что святая голова
Повторяла и на блюде
Те же смелые слова.

1860

Рыцарь

После тщетных походов
И бесплодных бранных дел
Храбрый рыцарь к мирной сени
Возвратиться захотел.

И пришел он невеселый
На домашнее житье,
Бросил в угол меч тяжелый,
Щит свой, латы и копье.

«Что?» – друзья его спросили.
«Всё пропало, – говорит, –
Не щадил трудов, усилий
И – увы! – стыдом покрыт,

Уподоблен Дон-Кихоту,
А в сраженьях был велик,
Наезжал, рубил с налету –
Только цели не достиг».

«За какую ж Дульцинею
Ты сражался?» – был вопрос.
«Всё на свете – прах пред нею, –
Рыцарь гордо произнес. –

Свет красавицу такую
Должен чтить. Из дам его
Взял я истину святую
В дамы сердца моего.

Чистый вензель этой дамы
На щите моем горел.
Я из боя в бой, упрямый,
За нее стремглав летел.

Дело истины – не шутка!
На меня подъяв мечи,
Шли гиганты предрассудка,
Заблужденья силачи,

Шли толпой, стеной восстали,
Пред числом – я изнемог,
И безумцы хохотали,
Слыша мой в паденье вздох.

Но меня не то смущает,
Что потеряна борьба, –
Нет, мне сердце сокрушает
Человечества судьба».

Рыцарь! Выслушай спокойно:
Сам себя ты осудил.
Острый меч твой непристойно
Делу истины вредил.

Ты, герой, в движенье скором
Наступательных шагов,
Сам назойливым напором
Раздражал ее врагов.

Меч булатный ей не нужен,
Не нужна ей кровь врага,
Терпеливо безоружен,
Кроток, тих ее слуга.

Он не колет, он не рубит, –
Мирно шествуя вперед,
Побеждает тем, что любит,
И смиреньем верх берет.

1860

Венок кесаря

Чтит Юлия Кесаря римский Сенат,
Народ его чтит – и в знак почести новой
Венок на него возлагают лавровый,
И праву носить его Кесарь так рад!
Он лучшей награды не хочет, не просит,
Всегда он венок на главе своей носит.

Он всюду в венке – на пиру ли сидит,
Стоит ли пред войском, идет ли на форум,
Особенно ж там, где сверкающим взором
Он прелести женские хищно следит.
Зачем он всегда тем венком накрывался –
Он другу в беседе однажды признался.

«Вот, видишь ли, лысина злая моя
Меня сокрушила, – сказал он, – и сзади
Волос я всё ко лбу зачесывал пряди,
Ровнял, выправлял их и мучился я.
И, склонность имея к любовным затеям,
В насмешку плешивым был зван любодеем.

Теперь мне так кстати наградный венок, –
Им мой недостаток природный исправлен
И я от несносной прически избавлен,
С которою прежде и сладить не мог.

Волос моих лавры прикрыли утрату, –
Спасибо народу! Спасибо Сенату!»

1860

А мы?

Над Римом царствовал Траян,
И славил Рим его правленье,
А на смиренных христиан
Возникло новое гоненье,
И вот – седого старика
Схватили; казнь его близка,
Он служит сам себе уликой:
Всё крест творит рукою он,
Когда на суд уж приведен
К богам империи великой.
Вот, говорят ему, наш храм
И жертвенник! Пред сим кумиром
Зажги обычный фимиам –
И будешь жив отпущен с миром.
«Нет, – отвечает, – не склонюсь
Пред вашим идолом главою
И от Христа не отрекусь;
Умру, но с верою живою!
Прочь, искушенье ада! Прочь,
Соблазна демонские сети!»
Вотще хотят жена и дети
Его упорство превозмочь,
И заливаются слезами,
И вопиют они, скорбя:
«Склонись – и жить останься с нами!

Ведь мы погибнем без тебя».
Не увлекаясь их речами,
Глух на родные голоса,
Стоит он, впалыми очами
Спокойно глядя в небеса.
Его чужие сожалеют,
О нем язычники скорбят,
Секиры ликторов коснеют
И делом казни не спешат.
Он был так добр! – Ему вполслуха
Толпа жужжит и вторит глухо:
«Склонись! Обряд лишь соверши –
Обряд! Исполни эту меру,
А там – какую хочешь веру
Питай во глубине души!»
– «Нет, – возразил он, – с мыслью дружны
Слова и действия мои:
На грудь кладу я крест наружный,
Зане я крест несу в груди.
Нет! Тот, кому в составе целом
Я предан весь душой и телом,
Учитель мой, Спаситель мой,
Мне завещал бороться с тьмой
Притворства, лжи и лицемерья.
Я – христианин; смерть мне – пир, –
И я у райского преддверья
Стою средь поднятых секир.
Тот обречен навеки аду,
Злой раб – не христианин тот,

Кто служит мертвому обряду
И с жертвой к идолу идет.
Приди, о смерть!» – И без боязни
Приял он муку смертной казни,
И, видя, как он умирал,
Как ясный взор его сиял
В последний миг надеждой смелой, –
Иной язычник закоснелый
Уже креститься замышлял.
А мы так много в сердце носим
Вседневной лжи, лукавой тьмы –
И никогда себя не спросим:
О люди! христиане ль мы?
Творя условные обряды,
Мы вдруг, за несколько монет,
Ото всего отречься рады,
Зане в нас убежденья нет,
–
И там, где правда просит дани
Во славу божьего креста,
У нас язык прилип к гортани
И сжаты хитрые уста.

Деревенский мальчик

Мимо разбросанных хижин селенья,
Старую шапку на брови надвинув,
Шел я, глубокого полн размышленья,
Сгорбясь и за спину руки закинув.

Нес я труднейших вопросов громады:
Как бы людей умирить, успокоить,
Как устранить роковые преграды
И человечества счастье устроить.

Против меня в своей грязной сорочке
Весело шел деревенский мальчишка,
С летним загаром на пухленькой щечка
Бойко смотрел и смеялся плутишка.

Смех уж готов, а еще нет минуты –
Плакал он, – слезок следы не исчезли.
Светлые волосы, ветром раздуты,
Мягко-льняные, в глаза ему лезли;

Он отряхал их, головкой мотая,
Весь он родимым был братцем здоровью, –
И приближался, лукаво моргая
Синеньким глазом под белую бровью.

Солнце удвоило жар с освещеньем
После минувшей недели ненастья.
Мальчик при этом был весь воплощеньем
Жизни беспечной и дерзкого счастья.

Даже при мне – при степеннейшем муже –
Босой ножонкой отважно он топал,
Мутную воду разбрызгивал в луже
И всеторжественно по грязи шлепал.

«Друг! Отчего ты так весел?» – ребенка
Важно спросил я. Без робости глядя
И засмеявшись в глаза мне, презвонко
Он отвечал: «Ты – смешной такой, дядя!»

1860

Борьба

Таков, знать, богом всемогущим
Устав дан миру с давних пор:
Всегда прошедшее с грядущим
Вело тяжелый, трудный спор,
Всегда минувшее стояло
За свой негодный старый хлам
И свежей силы не пускало
К возобновительным делам;
Всегда оно ворчалось, злилось
И пело песню всё одну,

Что было лучше в старину,
И с этой песнью в гроб валилось,
И над могилами отцов,
Зарытых бодрими сынами,
Иная жизнь со всех концов
Катилась бурными волнами.
Пусть тот скорей оставит свет,
Кого пугает всё, что ново,
Кому не в радость, не в привет
Живая мысль, живое слово.
Умри – в ком будущего нет!

Порой средь общего движенья
Всё смутно, сбивчиво, темно,

Но не от мутного ль брожения
Творится светлое вино?
Не жизни ль варвар Риму придал,
Когда он опрокинул Рим?
Где прежде правил мертвый идол,
Там бог живой поставлен им.

Там рыцарь нес креста обновы
И гибнул с мыслью о кресте.
Мы – тоже рыцари Христовы
И крестоносцы, да не те, –
Под средневековое иго
Уже не клонится никто.
И хоть пред нами та же книга,
Но в ней читаем мы не то
И новый образ пониманья
Кладем на старые сказанья...
И ныне мы пошли бы в бой –
Не ради гроба лишь святого,
Но с тем, чтоб новою борьбой
Освободить Христа живого!

1859 или январь 1860

Возмутитель

Они себе спокойно жили.
И в теплоте грехов своих,
Тучнея телом, не тужили,
Что духа правды мало в них.

Они средь общего недуга
И развращенья своего
Взаимно берегли друг друга,
Не выдавая никого.

И мнилось – счастья дождь перловый
Там всех во мраке орошал,
Но к ним собрат явился новый
И мирно жить им помешал.

Душою честной, сердцем правым
Он возлюбив не мрак, но свет,
Не шел на сборище к лукавым
И к нечестивым на совет.

Он против зла восстал с уликой,
Вступаясь за правду и закон,
Восстал – и тем соблазн великой
Распространил повсюду он, –

И отшатнулся каждый житель
Тех мест нечистых от него,
И все кричат: «Он – возмутитель!
Схватить! Связать! Изгнать его!»

А помните – народом чтима,
Средь богом избранных земель,
На торжище Ерусалима
Была заветная купель.

И с каждой срочною денницей
То место некто посещал,
И чудотворною десницей
В купели воду возмущал;

И тот, кто первый погружался
В те возмущенные струи, –

От злых недугов исцелялся
И силы обновлял свои.

Тот благодатный посетитель...
Скажите, люди: кто он был?
И он был также возмутитель, –
Он воду грешников мутил.

Но были дни тогда иные,
И на целителя того
Там не кричали те больные:

«Схватить! Связать! Изгнать его!»

1859 или 1860 (?)

Искусство и природа

Смирись перед творцом природы,
Простершим в безднах неба своды,
О смертный! – осенен венцом
Науки, разума и чувства,
О целях судишь ты искусства –
Но ты ли был его творцом?
О нет, – в рассаднике Эдема
Еще не появлялся ты,
А на земле уже поэма
Слагалась вечной красоты.
Не до тебя ль чертог свой отчий
Установив, верховный зодчий
Бессмертной славою сиял?
В безмерной храмине эфира
Не до тебя ль художник мира
Писал картины и ваял?
И, взяв в пространстве, мглой покрытом.
Кисть света и сказав: «Гори!» –
Прошел по небу колоритом
Предвечной утренней зари,
И солнце вспыхнуло пожаром,
И, детский вид свой округля,
Запеленалась водным паром
Новорожденная земля, –
И в каплях слез благоговейных

Вода, хладея, потекла
И в углубившихся бассейнах
Блестящим зеркалом легла, –
И над водами дух природы
Промчался, бурной мощи полн, –
И всколыхнувшиеся воды
Заговорили шумом волн,
И их чтоб слышать разговоры –
Под светлым куполом небес,
Прорвав подземные затворы,
Над долом выдвинулись горы,
Над почвой вытянулся лес, –
И лес свой подал шумный голос,
Лист перемолвился с листком,
И встрепенулось всё кругом:
И с золотой щетинкой колос,
И травка с чутким стебельком, –
И было всё уже готово –
Подножье жизни и престол;
Адама нет, но есть уж слово,
Нет человека – есть глагол,
Есть красота, лучи, улыбка,
И солнца свет, и тень ветвей,
И резво плещущая рыбка,
И с звонкой трелью соловей.
Уже и зверь неукротимый
В дубравной чаще пробежал,
А человек еще незримый
В зерне грядущего лежал.

Искусство в боге начиналось
С природой вместе – заодно.
Художник смертный! Что ж осталось
И что в удел тебе дано?
Одни ль природе подражания
Да списков слабые черты
С ее достойной обожанья
Нерукотворной красоты?
Но тут при сходстве самом близком
Ты не достигнешь торжества, –
Твой труд всё будет мертвым списком
С живой картины естества.
В замену лиц ты дашь мне маски –
И, взяв природу в образец,
Где ты возьмешь такие краски,
Какие розлил в ней творец?
Нет! Тот художник бесконечный,
– Земли и неба царь предвечный,
По изволению своему
Тебя поставил на свободе
Не подражателем природе,
Но подражателем – ему.
Рука слаба и средства малы,
Но, при стремлении святом,
В душе ты носишь идеалы
И воплощаешь их потом.
В порывах творческих мечтаний
Свершая огненный полет,
В кругу волшебных начертаний

Ты ищешь новых сочетаний,
Каких природа не дает.
На что ей амвра фимиамов?
На что ей цирк и пантеон?
В ней нет дорических колонн,
Ни микеланджеловских храмов,
Ни рафаэлевских мадонн.
Не из природы ты их вынул,
Но, взяв их из души своей,
Ты мысль свою в природу вдвинул,
Внедрил свою идею в ней.

Служи ж творцу как жрец избранный,
Природы в храмине пространной,
Где всё, что господом дано,
Чем полн сей дом богослуженья,
Сквозь таинство преображенья
О В твоей груди проведено.
И в благодарности смиренной
Сознай, что мощный царь вселенной,
Чтоб приобщить тебя к себе,
Отмежевал в сей жизни брэнной
Участок творчества тебе!

Ноябрь (?) 1860

На 1861

«О господи! Как время-то идет!» –
Твердило встарь прабабушкино племя,
И соглашался с этим весь народ.
Да полно, так ли? Двигается ли время?
У нас в речах подчас неверен слог,
Толкуем мы о прошлом, преходящем
И будущем, а в целом – мир и бог
Всегда живут в одном лишь настоящем.

И нету настоящему конца,
И нет начала. Люди вздор городят
О времени, – оно для мудреца
Всегда стоит, они ж идут, проходят
Или плывут по жизненной реке
И к берегам относят то движенье,
Которое на утлом челноке
Свершают сами. Всюду – заблужденье.

О род людской! Морщины лбов
Считает он, мытарства и невзгоды,
Число толчков, число своих гробов
И говорит: «Смотрите! Это – годы.
Вот счет годов – по надписям гробниц,
По памятникам, храмам, обелискам».

Не полно ль годы цифрами считать
И не пора ль меж новостей, открытий
Открытому сознанию место дать,
Что мир созрел для дел и для событий?

О, вознесись к творцу, хвалебный глас,
От всей России в упование смелом,
Что новый год, быть может, и для нас
Означится великим, чудным делом!
О, если б только – в сторону мечи!
И если бы среди жизненного пира
Кровь не лилась! Господь нас научи
Творить дела путем любви и мира!
Воистину то был бы новый год,
И новый век, и юбилей наш новый
И весь людской возликовал бы род,
Объят всемирной церковью Христовой.

Декабрь 1860

Воскресная школа

«Свет да будет!» – божья сила
Изрекла – и мрак исчез.
И для всех зажглись светила
В беспредельности небес.
И с тех пор, нас одевая
Дня блестящего в парчу,
Ровно светит вековая
Солнца лампа огневая
Бедняку и богачу,
Ни пред кем тот свет не скрытен,
Всем доступен горний луч –

Тем, кто слаб и беззащитен,
И тому, кто так могуч.
А потом, как мгла ночная
Упадет на грешный мир, –
Пусть иной летит на пир,
Где сверкает пыль земная,
Где поддельный блеск велик,
А иной – зажжет лучину,
Осветит тоску-кручину
Иль затеплит свой ночник!

Но еще есть свет верховный,
Свет не солнца и планет,

Но чистейший свет духовный,
Свет науки, божий свет,
И без этого сиянья
Тщетно б шел за веком век, –
Светом нравственного знания
Человек есть «Человек».
Кто не хочет, чтоб доступен
Свет тот был для всех людей,
Тот – недобрый муж, преступлен
Он пред совестью своей,
И, с ночным злодеем схожий,
Встав на брата своего,
Он срывает образ божий
Святотатственно с него.
Сам Христос – учитель братства –
Тот, кем наша жизнь крепка,
От духовного богатства
Не отторгнул бедняка.
Не лишил его ученья
И святых своих чудес –
Он, что умер средь мученья
И на третий день воскрес.
Воскресеньем он прославил
Свой всецарственный престол,
Он воскрес, а нам оставил
Слово, грамоту, глагол,
И воскресшего глаголы –
Вечной жизни в нас залог,
Он – глава воскресной школы,

Он – всеграмотности бог!
Будь же грамотность родная
Делом Веры и Любви!
Восклицаем, начиная:
«Царь небес! Благослови!»

Январь 1861

Стихи, читанные на юбилее князя П. А. Вяземского 2 марта 1861 г.

...Вы с Музой свадьбу золотую
Сегодня празднуете, князь.

Когда напором исполинским
Враг угрожал стенам Москвы –
С войсками к лаврам бородинским
Назад полвека мчались вы...

Душа, богатая любовью,
Стих – чадо бойкого пера,
Добрейший взгляд под строгой бровью
С улыбкой, вестницей добра...

Но не шутя по жизни полю
Шли вы...

И скорбь давалась вам на долю,
И терн вплетался в ваш венец.

Ваш стих, что прежде так смеялся

.....

Потом глубоко отозвался
Беседой с таинством могил.

...Упреков нет... Иль есть один,
Что князя Вяземского дети
От брака с Музою его –
Вразброд гуляют в белом свете,
Не зная дома своего...

Пусть он к ним нежную приложит
Заботу, вкупе их сберег,
И их сторицею умножит,
И всех семейно в мир введет!

И мир при кликах громогласных,
Приняв их заодно с отцом,
Покроет чад его прекрасных
Академическим венцом.

2 марта 1861

Инокине

Я знал тебя, когда в сем мире
Еще ребенком ты была
И, став поэтов юных в клире,
Перстами детскими на лире
Аккорды первые брала.
Потом девицею-мирянкой
Являлась ты в семье людской,
Но света лживою приманкой
Талант не увлекался твой,
И вот, обетом послушанья
Сковав все думы и мечты,
Свой дар склонив под гнет молчанья,
Явилась инокиней ты.
Прости, что пред тобой я смею
Предстать и в эти времена,
Быть может, с грешною моею
И ложной мыслью! Вот она:

Таланты богом нам даются, —
Коль в гимнах, ими что поются,
Горят небесные лучи,
То и с церковного порога
Тот поднял голос против бога,
Таланту кто сказал: «Молчи!
Молчи! Я у тебя отъемлю

Права на песнь, на вещей стон.
Уйди в пустыню! Вройся в землю
Иль в келье будь похоронен!»
Не прав, кто, сдавшись слов сих гром
Готов, в отказ святым правам,
Внимать наставнику земному,
А не евангельским словам.

Не сотворив себе кумира,
Талант! светилом миру будь!
В быту мирском сквозь дрязги мира
Пробей монашесственный путь!
Истой – не за стеной угрюмой,
Но смут житейских посреди –
С своей отшельнической думой
И честной схимою в груди!
Любви небесной дай нам пламень!
Явись с участием – не с грозой,
И грудь людскую – этот камень –
Прожги молитвенной слезой!

Я – ученик, я – не учитель,
Я червь земли, не сын небес,
Но и не демон искуситель,
Не посланный из ада бес,
Который хочет в вечной муке
Тебя привлечь бряцаньем слов;
Я сам божественной науке
Учиться у тебя готов.

Себя не чту, не именую
Я ведущим, но предаю
На суд твой мысль мою земную,
Как грех, как исповедь мою.

Притом, средь дум моих греховных,
Тебе я жалуясь, скорбя,
На гордых пастырей духовных,
На целый свет и на тебя.

Когда не мог я быть послушным
Суду учителей кривых,
Ни оставаться равнодушным
К велению божьих слов святых,
Когда из хладных сфер деизма
Скорей предаться был я рад
Смоле кипящей скептицизма, –
Я думал: христианин-брат,
Чтоб утолить мне сердца муку,
Ко мне свой голос устремит,
С любовью мне протянет руку
И нечестивца вразумит –
Просил я света, разуменья, –
И что ж? Учители смиренья,
Свой гневом дух воспламеня,
Под небом о Христе мне братья
Свои мне бросили проклятья,
Швырнули камнями в меня; –
И ты, вдыхая свет эфирный,
Ко мне безжалостна была

И средь молитв, из кельи мирной
Свой камень также подняла!

1862

Локомотив

Иду я с сынишком вдоль чистого поля
Пробитой тропинкой. Кругом – всё цветы,
И рвет их, и бабочек ловит мой Коля.
Вот мельница, речка, овраг и кусты.
Постой-ка, там дальше начнется болото...
Вдруг слышим – вдали и стучит и гремит
Всё пуще, – и видим – громадное что-то
По светлой черте горизонта летит.

Непонятное явление
Посреди златого дня!
Что такое? В изумленье
Коля смотрит на меня:
«Что такое это значит?
Богатырь ли Еруслан
Страшный едет, грозный скачет
Или рыцарь-великан?»

«О да, это – рыцарь, – ему я ответил, –
Герой, только новых, не старых веков,
И если б кого на пути своем встретил –
Он спуску не даст и сразиться готов»,

«Ух как вьются дыма тучи!
Как у всех богатырей –

Знать, то конь его могучий
Пышет дымом из ноздрей!
Мимо лесу вон глухого
Мчится! Только для меня
Тут ни всадника лихого
Не заметно, ни коня».

«О да, он дымится, а не было б свету
Дневного, ты б видел, как брызжет огонь.
Где конь тут, где всадник – различия нету, –
Тут слито всё вместе – и всадник и конь».

«Что ж он – в латах? В вихре дыма
Каждый скак, чай, в три версты?
Ух, летит! Мелькают мимо
И деревья, и кусты.
Через этот край пустынной
Что он с силою такой
Полосою длинной, длинной
Так и тащит за собой?»

«Он в латах, он весь – из металлов нетленных –
Из меди, железа. Чу! Свищет и ржет.
А сзади хвост длинный... ну, это – он пленных
Вослед за собой вереницу влечет».

«Что ж – он злых лишь только давит,
Если встретит на пути?
Мне войны он не объявит

И спокойно даст пройти,
Если мальчик я хороший?
Как дрожат под ним поля!
Чай, тяжел! Под этой ношей
Как не ломится земля!»

«Нет, наш богатырь давит всех без разбору –
И добрых, и злых, и с такими ж, как сам,
Он в стычках сходил. Тяжел он – без спору,
Зато по железным идет полосам.
Дорога нужна, чтоб его выносила,
Железная, друг мой. Ему под удар
Не суйся! В нем дикая, страшная сила
Гнездится, – она называется – «пар»».

Не ранее 1865

Поздно

Время шло. Время шло. Не считали мы дней,
Нас надежда всё вдаль завлекала,
Мы судили-рядили о жизни своей,
А она между тем утекала.

Мы всё жить собирались, но как? – был вопрос.
Разгорались у нас разговоры,
Простирались до мук, доходили до слез
Бесконечные споры и ссоры.

Сколько светлых минут перепортили мы
Тем, что лучших минут еще ждали,
Изнуряли сердца, напрягали умы
Да о будущем всё рассуждали.

Настоящему всё мы кричали: «Иди!»
Но вдруг холодно стало, морозно...
Оглянулись – и видим: вся жизнь – назади,
Так что жить-то теперь уж и поздно!

Авдотье Павловне Баумгартен (23 февраля 1866 г.)

С дней юных вашего рожденья
День благодатный мне знаком –
И вот – я с данью поздравленья
Теперь иду к вам стариком,
Пишу больной, но дух не тужит,
В расстройстве только плоть моя,
А стих мне верен, рифма служит,
И прежний ваш поклонник – я.
Мной жизни выдержана проба, –

Я и теперь всё ваш, близ гроба,
Измены не было. – Не раз
В движенье жизненного круга
Почетного названья друга
Я удостоен был от вас, –
И это лестное названье
Всегда всего дороже мне;
Ему ношу я оправданье
В душе, вам преданной вполне,
Как и тогда, как я был молод.
Я охладел, но коль вредит
Иному чувству этот холод,
То чувство дружбы он крепит,

А это чувство много силы
Дает мне и в дверях могилы, –

С ним вам несу на много лет
Живой заздравный мой привет,

23 февраля 1866

Довольно!

От дерзких помыслов и хищности людей
Ограждена святынею несчастья,
Ты в старческой душе моей
Зажгла всю молодость, всю девственность участия,

Я мало жизнью дорожу.
Пускай меня к могиле годы клонят!
У гробовой доски «Довольно!» – я скажу,
Довольно! – да! Я был тобою понят,

В себе не уронив душевной высоты,
Ты моего кумира не разбила, –
Участья моего не оттолкнула ты
И благодарностью меня не оскорбила,

1860-е годы

Коперник

По Земле разнородной
Проходя из века в век,
Под собою – непреложный,
Неподвижный грунт подножный
Видел всюду человек.
Люди – всеми их глазами –
В небе видеть лишь могли
С дном, усыпанным звездами,
Чашу, ставшую краями
Над тарелкою Земли,
С чувством спорить не умея,
Долго, в грезах сонных дум,
Был узлами Птолемея
Связан, спутан смертных ум.
Мир, что был одним в творенье,
Был другим в воображеньи:
Там – эфирный океан
Был отверст, созданыя план
Был там зодчего достоин –
Беспределен, прост и строен;
Здесь – был смутен, сбивчив он,
Там – премудр, а здесь – мудрен.
Там – Земля, кружась, ходила,
Словно мяч, в кругу планет,
Вкруг громадного горнила,

Изливающего свет;
Здесь – пространств при узких мерах –
Жалось всё в кристальных сферах,
Звезды сплошь с их сводом шли
И вдвойне вращалось Солнце,
Чтоб метать лучи в оконце
Неповертливой Земли.

Рим с высот своей гордыни
Клял науку – и кругом,
Что казалось в веке том
Оскорблением святыни,
Что могло среди злых потех
Возбуждать лишь общий смех
И являться бредом въяве
И чего, среди звездных дел,
Утверждать, при полной славе,
Тихо Браге не посмел, –
Неба страж ночной, придверник,
Смело «Да! – сказал Коперник. –
Высшей мудрости черты –
В планах, полных простоты!
Бог – премудр. В твореньях явен
Коренной закон родства:
С братом – волей божества –
Всяк из братии равноправен.
Дети Солнца одного,
Сестры – зримые планеты –
Им сияют, им согреты, –

Средоточен лик его!
На него все взор возводят,
Доля с долей тут сходна,
Вкруг него они все ходят,
А Земля – из них одна, –
Ergo – ходит и она!»

И, едва лишь зоркий разум
В очи истине взглянул,
Верной мысли луч сверкнул,
Словно молния, – и разом
Свод – долой! Весь звездный клир
Прянул россыпью в эфир,
И – не в области творенья,
Но в хаосе разуменья –
Воссоздался божий мир.
В бесконечных, безначальных,
Необъятных небесах –
Тех тяжелых сфер кристалльных
Вдруг не стало – пали в прах!
И средь строя мирового,
Плоский вид свой округля,
Вкруг светила золотого
В безднах двинулась Земля!

«У!» – кричат невежд миллионы,
Те – свернули кулаки,
Эти – кажут языки,
Там режут враги-тевтоны,

Там – грозит проклятьем Рим,
Там – на сцене гистрионы
Свищут, – гений – невредим.
Где друзья ему «Заставим
Их умолкнуть!» – говорят,
Он в ответ: «К чему? Оставим,
Пусть! – Не ведут, что творят!»

1870

Богдан Хмельницкий и послы

Внимая потокам приветственных слов,
Хмельницкий Богдан принимает послов.

Посол тут валахский, посол молдаванской
И князь, представитель земли трансильванской.

Прислал и державник Московии всей
С подарком послов к нему царь Алексей.

Не любо ль принять от владыки такого
И шубу соболью, и доброе слово?

От Польши здесь также послы и гонцы.
Он – дома, кругом козаки-молодцы:

Полковники славные, ратные люди,
Разгульные головы, крепкие груди,

Но – грубы, – что ж делать? – Их вождь-атаман
Доволен, радушен и весел Богдан.

При нем его женка, – богато одета,
Гостей принимает с улыбкой привета,

Сама ж, с деревянного ложкой в руке,

Табак растирает в простом черепке.

Хозяин устали заздравные кубки
И сам набивает курителям трубки,

И в ценные кубки, гостям на почет,
Родную горелку он запросто льет.

Те – ждуть его речи, все – на ухо чутки,
А он отсыпает им басни да шутки –

Зовет их обедать. «Нехай, – говорит, –
Вам жинка козацкого борщу зварит!

Що сталося, то сталося! Забудем все злое –

И добре запьем да закусим былое!»

И вольно с заплечья вождя своего
Полковники речь приправляют его –

И – слово за словом – доходят до шуму.
«Мовччтэ!» – кричит он, сам – думает думу.

Он – бедный изгнанник... Невзгод и потерь
Пора миновала, – и вот он теперь

В почете великом... А что его ходу
Пособьем служило? – «Спасибо народу!

Ты, Русь! ты, народ православный! тебе
Обязан я, – мыслит он, – честью в борьбе!..»

1870

К. К. Витгефту

Прощай, друг Карл! Еще на здешнем поле
Увидимся ль? Едва ли... Разве там?
Покорствуя верховной божьей воле,
Воспримем то, что свыше дастся нам!
С ребячества мы сблизились друг с другом,
И север, юг не разделили нас, –
Напротив, мы сомкнули север с югом –
И с Питером Одесса обнялась!

9 марта 1872

Фантазия

Нет, желанная, мой жребий непреложен –
И союз меж нами брачный невозможен.
Уз, которые б не рвались, не слабели,
Для чего нам не дано от колыбели?
Если б ты была мне близкою, родною,
Если б ты была мне милою сестрою,
Мы бы жили под одним домашним кровом, –
И никто б нас не задел недобрым словом,
И к тебе я, при блаженном, вечном «вместе»,
Был бы нежен, как жених к своей невесте.

А когда б ты на другого указала,
И «хочу его женою быть» сказала, –

Я б желанью твоему не прекословил
И приданое немедля приготовил:
Крупный жемчуг из очей моих бы выпал,
Шейку б нежную тебе я им осыпал.
«Вот, – сказал бы я, – на свадьбу, на веселье
От меня тебе подарок-ожерелье!»
К белым ручкам, с их волшебными перстами,
Я прильнул бы помертвелыми устами,
Эти пальцы и до локтя эти руки
Поцелуями закрыл бы при разлуке,
И промолвил бы: «Возьми, сестра, для счастья

Скудный дар мой – эти перстни и запястья!
Извини, что бедняком тебе надеты
Не иные многоценные браслеты!»
И потом, мою грустию святою
Осенив тебя, как брачною фатою,
Я бы молча на веселый пир венчальный
Проводил тебя улыбкою печальной,
И остались бы в удел мне без сестрицы –
Домик темный да сажень сырой землицы.
Не забудь, сестра, отпраздновавши свадьбу,
Навестить мою последнюю усадьбу!

Отплата

Красоте в угожденьях бесплодных
Посвящая мой страстный напев,
Много пел я красавиц холодных,
Много пел я бесчувственных дев.
Для тебя ж не слагал я ни строчки, –
Если ж начал бы славить тебя,
Вместо слов я одни только точки
Всё бы ставил, безмолвно любя.
Между тем ты одна из прелестных
На земле, где всё горе да труд,
Подарила мне искры небесных,
Золотых, незабвенных минут.
Что ж? Какие мои воздаянья?
Не отраду тебе я принес,
Но, как жрец при святыне страданья,
Посвятил тебя в таинство слез.
Ты мне к счастью путь указала,
Но – увы! – я не мог им идти.
На привет, где ты «здравствуй» сказала,
Я печально ответил «прости».
Перед нами могила разлуки...
Да, прости! – С этим словом должны
Оборваться все стройные звуки,
Все аккорды блаженства и муки
Стоном лопнувшей в сердце струны.

Человечество

История раскрыта предо мной.
Мне говорят: «Взгляни на эту панораму!»
И я к ней подошел, как бы к святому храму,
С благоговейною душой, –
И думал видеть я, как люди в век из века,
В разнообразии племен,
Идут по лестнице времен
К предназначенью человека.
И думал видеть я, как человек растет,
Как благо высится, стирается злодейство,
И человечество со всех сторон идет,
Чтоб слиться наконец в блаженное семейство,

И что же вижу я? – От самых юных дней
Доныне, в ярости своей,
Всё тот же мощный дух, дух зла – мирохозяин,
И тот же пир для кровопийц.
К началу восхожу, – там во главе убийц
Стоит братоубийца Каин,
Нависла бровь его и жилы напряглись,
Рука тяжелая подъята,
Чело темно, как ночь, и в сонный образ брата
С кровавой жадностью зрачки его впились, –
Быстробегущий тигр, при этом выгнув спину,
Из лесу выглянул, остановил свой бег

И выкатил глаза на страшную картину –
И рад, что он – не человек!

И с той поры всемирное пространство
Багрится кровию, враждуют племена, –
И с той поры – война, война,
И каинство, и окаянство.
Война за женщину, за лоскуток земли,
Война за бархатную тряпку,
Война за золотую шапку,
За блестку яркую, открытую в пыли,
И – чтоб безумия всю переполнить меру –
Война за мысль, за мнение, за веру,
За дело совести, – война из века в век!
О тигр! Возрадуйся, что ты – не человек!

Пытки

В тот век, как живали еще Торквемады,
Над жертвами рока свершались обряды
Глубоких, ужасных, убийственных мук:
Ломание ног и дробление рук.
Там истина, корчась средь воплей и жалоб,
Винилась, – и страшный кончался обряд
Тогда, как, глаза свои выкатив на лоб,
Невинный страдалец кричал: «Виноват!»
Есть пытка другая, того ж совершенства
Она достигает, – то пытка блаженства.
Счастливцу творится пристрастный допрос
Под всем обаянием лилий и роз.
Тут узнику в сердце, без всякой пощады,
Вонзаются сладкие женские взгляды,
Он дивные, райские видит места, –

И алые, полные неги уста,

Как бисер, как жемчуг, слова ему мечут
И с жарким дыханьем щебечут, лепечут.
«Покайся! признайся!» – напевы звенят,
И нервные звуки всё вкрадчивей, ниже...
Он тает, а пламя всё ближе, всё ближе...
Нет сил... Исторгается вздох: «Виноват!»

Не верю

Когда на тебя устремляю
Я взоры в сердечном бреду, –
Где небо – я, право, не знаю,
И даже земли не найду.

Тут, кажется, вьется дорожка,
В тумане мелькают поля,
Но – тут пронеслась твоя ножка
Не верю, что это земля.

Есть где-то и солнце с луною,
И звезды, и все чудеса,
Но, ежели ты здесь со мною, –
Не верю, что там небеса.

Ночная беседа

Ночь немая, ночь Ерусалима
В черных ризах шла невозмутимо,
Обнимая с высоты Сиона
Портики, чертоги Соломона
И Давида. Царство иудеев,
Где парила слава Маккавеев,
Почивало со своим Сионом,
Без царей, под кесаревым тронном,
И казалось, под десницей Рима
То была лишь тень Ерусалима.
Но иная слава блещет снова
В божьем граде: эта слава – Слово;
Эта слава – не в доспехах бранных,
Не в венках из роз благоуханных,
Не в сиянье позлащенных храмов,
Не в куренье сладких фимиамов,
Эта слава – агнец, сын эдема,
Он, рожденный в яслях Вифлеема,
Правды друг, нечестья обличитель;
Не вельможен сан его – учитель.
Ночь немая, ночь Ерусалима
В черных ризах шла невозмутимо.
Не привыкший к блеску и к чертогам,
Отдыхал он в домике убогом.
Кто же сей полночный посетитель,

Что, войдя, воззвал к нему: «Учитель!»»

Это взросший в хитрости житейской,
Мудрости исполнен фарисейской –
Никодим. В глухую ночь, негласно
Он пришел к тому, что самовластно
Всюду ходит смелою стопою,
Окружен народною толпою,
И, власы рассыпав по заплечью,
Говорит могучей, вольной речью,
И глаголом нового закона
Оглашает портик Соломона.

Вот они: один – с челом открытым,
Озаренным мыслью и облитым
Прядями волос золотоцветных,
С словом жизни на устах приветных,
Тихо-мощный, кротко-величавый, –
И другой – с главой темно-курчавой,
Крепкий в мышцах, смуглый, черноокой,
Отенен бородой своей широкой,
Слушает, облокотясь, и в диво
Углублен лукаво и пытливо
Думами. – Беседа в час ночи,
Свет и тень глядят друг другу в очи.
Что ж? О чем беседа их ночная?
О делах ли, в коих жизнь земная
Вся погрязла? – Нет, их рассужденья –
О великом деле возрожденья.

Никодим! Внимай сердечным слухом:
Смертный должен возродиться духом,
Лишь тогда и жизнь его земная
Обновится, – взыдет жизнь иная.

Человек! Вотще твои стремленья
К благодатной манне обновленья
На нечистом поприще, где каждый
Дышит благ материальных жаждой.
Возродись! – И да не идет мимо
Та с Христом беседа Никодима!

Ответ

Чрез римский форум проходила
Толпа, шумя, как ураган,
И толковала, и судила
О вере первых христиан, –
И говорил народ надменный:
«Они – безумцы! Сброд презренный!
Пускай предстанут на ответ:
Где их религия? Ни храмов
У них великолепных нет,
Ни факелов, ни фимиамов,
Ни чаш блестящих, ни венцов,
Ни божьих ликов изваянных,
Ни в тогах, пурпуром убранных,
С осанкой важною – жрецов.
Богаты мы, они – убоги.
Пускай укажут, где их боги?
Хоть на картине пусть дадут –
Кого они, безверцы, чтут!
На нас пусть взглянут! Мы находим
Везде бессмертных, всех святых,
Мы сами, размножая их,
Героев, кесарей возводим
В верховный ряд богов своих.
Их лики всюду всем открыты,
А те безбожники... Карать!

Казнить собак! Им нет защиты,
Их доля – в муках умирать».

«Наш бог – не в позлащенных храмах, –
Гласит креста покорный сын, –
Не в изваяньях он, не в рамах
Пестро малеванных картин.
Единый храм его достоин,
И этот – им самим устроен,
И этот – тесен для него.
Взгляните! Это – храм вселенной,
Где он сияет – царь бессменный,
В венце величья своего.
Кого не в силах мы постигнуть,
Тому, при помощи людской,
Мы и не мыслим храм воздвигнуть
Своею слабою рукой.
Пред тем, кто солнцем и звездами
Сам осветил свой дом пред нами,
Мы не дерзаем втуне жечь
Ни бедных факелов, ни свеч,
Чадить ему кадильным дымом,
Когда пред ним, для нас незримым,
Клубится весь земной туман,
И, разомкнув свои затворы,
Огнем и дымом дышат горы,
И темно-синий океан,
Необозримый, неисходный,
Вседневно – годы и века –

Вздывает к небу пар свой водный,
Его свивая в облака.
Но храмы есть у нас иные,
Другие жертвенники есть,
Нерукотворные, живые,
Ему, невидимому, в честь,
Бог дал нам плоть – вот церковь наша
Где вечный огонь горит в крови;
Душа – алтарь в нем, сердце – чаша
С елеем веры и любви.
И часто тот, кто суц от века,
Кому вселенной мал объем,
В смиренном сердце человека
Вмещаясь, обитает в нем.
У нас в груди – жилище бога,
А храм ваш храмом лишь слывет, –
Средь камней мертвого чертога
Источник жизни не живет.
Порой, бездомные в пустыне,
Мы соберемся в тишине,
И бог во всей своей святыне
Меж нас присутствует вполне.
На что нам ваши изваянья,
Коль тот, кто к жизни нас воззвал,
Зиждитель мира, царь создання –
В нас сам свой образ изваял?
На что жрецы нам? Кто посмеет
Нам божью волю толковать?
Не ум, но сердце разумеет

Великих истин благодать.
Приди, разумный проповедник!
Вещай – и место восприми,
Как наш о боге собеседник,
Как наш собрат, но не посредник
Меж вечным богом и людьми!
Среди тревог земных спокойный,
В своей небесной чистоте,
Один посредник был достойный –
Один, – он распят на кресте.
Его верховного закона
Святое слово нам дано,
Он нам сказал во время оно:
«Отец, и я, и вы – одно»,
За то, что сладость истин новых
Прияли мы, – казните нас!
Средь лютых казней, нам готовых,
О Мы палачей своих суровых
Благословим в последний час».

Ель и береза

Пред мохнатой елью, средь златого лета,
Свежей и прозрачной зеленью одета,
Юная береза красотой хвалилась,
Хоть на той же почве и она родилась.
Шепотом лукавым с хитрою уклонкой
«Я, – лепечет, – видишь – лист имею тонкой,
Цвет моей одежды – нежный, самый модный,
Кожицею белой ствол мой благородный
Ловко так обтянут; ты ж своей иглою
Колешь проходящих, пачкаешь смолою,
На коре еловой, грубой, чешуистой,
Между темных трещин мох сидит нечистый...
Видишь – я бросаю в виде легкой сетки
Кружевные тени. Не мои ли ветки
Вяжут в мягкий веник, чтоб средь жаркой ванны
От него струился пар благоуханный?
В духов день березку ставят в угол горниц,
Вносят в церковь божью, в келий затворниц.
От тебя ж отрезки по дороге пыльной
Мечут, устилая ими путь могильный,
И где путь тот грустный ельником означат,
Там, идя за гробом, добры люди плачут».
Ель, угрюмо стоя, темная, молчала
И едва верхушкой на ту речь качала.
Вдруг ударил ветер с ревом непогоды,

Пыль столбом вскрутилась, взволновались воды, –
Так же всё стояла ель не беспокоясь,
Гибкая ж береза кланялась ей в пояс.
Осень хватъ с налету и зима с разбега, –

Ель стоит преважно в пышных хлопьях снега
И белеет светом, и чернеет тьмою
Риз темно-зеленых – с белой бахромою,
С белыми кистями, с белою опушкой,
К небу подымаясь гордою верхушкой;
Бедная ж береза, донага раздета,
Вид приемлет тощий жалкого скелета.

Счастье-несчастье

День был славный. Мы гуляли
Вольной группой вдоль реки,
А кругом – в пролет мелькали
Молодые кулики.

«Эх! – сказал казак. – Для шутки
Поохотился бы я!
Вот еще кулик! Вот утки!
На несчастье – нет ружья».

Я подумал: «Вот! Для шуток
Хочет бить, стрелять... Каков!
Да ружья нет – счастье уток!
Счастье юных куликов!»

Посмотри!

Тихий вечера час.
Свет зари на закате угас.
Всею ширию река
Отражает в себе облака,
Отражает леса,
Отражает судов паруса, –
А на той стороне
Сосны темные видятся мне;
Огоньки там горят, –
Рыбаки себе кашу варят.
Посмотри, куманек,
Как хорош за рекой огонек!
Как он лег кое-где
Золотистым снопом по воде,
А где струйка бежит –
Он червонной там нитью дрожит!
Струйке той вперелом
Легкий ялик ударил веслом,
И нет перлам числа,
Что забрызгали разом с весла.
Эка роскошь! Вокруг
Загребай хоть лопатой жемчуг!
А меж тем вдалеке
Песня стелется вдоль по реке.
Посмотри, куманек,

Как хорош за рекой огонек!

К...

*Schlage nicht das ganze zerrissene Buch der
Vergangenheit auf: bist du noch nicht traurig genug?*
Jean Paul Richter

Беседу с Вами я, то в письмах, то изустно,
Веду – и очень рад... а между тем – мне грустно.
Хотел бы с Вами я припомнить старину,
Протекшей юности святое увлечение,
Минуту чудную одну,
Одно прекрасное мгновенье,
Одну из тех минут столь ценных, дорогих,
Что, право, стоит жизнь перенести для них.
Да! – Вспомнить было бы отраднo,
Отраднo – слишком, может быть,
Но трудно было бы потом опять забыть.
И вспоминать зачем – не стало ль бы досадно?
Не стало ль бы потом еще грустней, грустней?..
К тому же чья-то речь в больной душе моей
Звучит таинственно, как эхо средь развалин:
«Ты хочешь заглянуть в потерянный свой рай –
Стой! Книги прошлого не тронь, не раскрывай!
Уж не довольно ль ты и без того печален?»

Разговор

Молодой

О чем задумался, старик?
О временах давно минувших,
В бездонной Лете потонувших?
Напрасно ты челом поник
И о прошедшем сожалеешь, –
На нас взгляни – помолодеешь.
С надеждой счастья в сердцах
Вперед мы радостно и смело
Летим на полных парусах.
Кипит общественное дело.

Старик

Нет, мне прошедшего не жаль
И не о нем моя печаль,
Оно прошло – и слава богу!
Не много было в нем добра,
И нам на лучшую дорогу
Давно уж выбраться пора.
Мне молодого поколения
Отрадны светлые стремленья,
Но опасуюсь: даль темна,
Пройдут летучие порывы –

И от неспелого зерна
Мир не дождется сочной нивы.

Молодой

Ну вот! Как на седой утес,
Который крепко в землю врос,
Мы на тебя средь волн смотрели, –
А и тебя качнул вопрос:
Созрели ль мы иль не созрели?
Вопрос уж этот с давних пор
Не раз решался так и эдак,
Писали, говорили вздор
И надоели напоследок.
Сам рассуди – средь наших выюг,
Под этой стужей, под бореем,
Нельзя же нам развиться вдруг, –
Одно сказать лишь можно: зреем.

Старик

Дай бог! Для каждого ростка
И тут есть солнце в небе горнем,
Да почва-то у нас жестка:
Вбираться надо сильным корнем;
Да прежде нужен мощный плуг,
Такой, чтоб пронял самый камень,
А без того, мой юный друг,
Что значит твой минутный пламень?

Вы приняли – и в добрый час!
Как взглянешь – кажется, у вас
Всё есть, а как помотришь строже,
Так нету главного...

Молодой

Чего же?
Ты наших сил не разглядел,
Надежд, намерений прекрасных,
И даже дел, начатков дел,
Желаний чистых, мыслей ясных,
Широких замыслов, идей.
Чего ж недостает?

Старик

Людей.
Для дела нет живых орудий.
Всё разглядел я: там и тут
Идеи крупные идут,
Да как-то всё мельчают люди.
Не прошлого желаем мы:
Немало варварства и тьмы
В нем было; темным, прошлым веком
Я не горжусь, а всё ж иной
Тогда, под этой грубой тьмой,
Умел явиться человеком.
Меж диких сил и разных зол

Являлись: здоровое суждение,
Характер, воля, убеждение
И честный, искренний глагол;
Талант вздымался над толпами
И дело к общей цели вел.
Теперь – глядишь – над головами
Какой-то уровень прошел.

Молодой

И слава богу! Прочь, гиганты!
Зато пропал пигмеев след,
Зато теперь мы все таланты,
Все сплошь, – толпы бездарной нет,
Теперь мы разом, вместе, дружно
Все подвигаемся вперед.
Заметных личностей не нужно,
Где человечество идет.

Старик

Но что ж вы сделали, однако?
Еще не много.

Молодой

Нам из мрака
Недавно выйти лишь дано,
А между тем – взгляни, исчисли:

Какой прогресс в движенье мысли!
Вопросов сколько решено!
И это всё еще – зачаток!
Везде – преследованье взяток,
Весь мир проснулся, закричал,
Раскрылось каждое событие,
Явились – гласность и развитие
Экономических начал.
Уму отрадно, сладко чувству!
Начертан воспитанья план,
Везде простор науке дан
И цель указана искусству.
Кого наш век не изумит?
Куда ни оглянись – всё ново,
И против зла везде гремит
Изобличительное слово,
О Твои сомненья – смертный грех!
Сознаться каждый в том обязан,
Что всё подвинулось. Успех
Математически доказан.

Старик

Благим стремленьям – честь, хвала!
Да жаль – приемы ваши мелки,
И вы, чем братья за дела, –
Беретесь часто за безделки;
Бойтесь вы сорвать покров,
Где зла скопляется излишек,

1 И где бы обличать воров –
Вы обличаете воришек,
Несчастливых, жалких, чья рука
Порой вдается в лиходейства
Затем, что хлеба нет куска
У их голодного семейства.
Идея иногда чиста,
А в исполнении факты грязны;
Цель и прекрасна и свята,
А средства – грешны, безобразны.
Всё торжествует лишь обряд
Да форма. Суд мой прям и краток:
Друг, не сердись! Прогресс ваш шаток,
То шаг вперед, то шаг назад.
«Литература – праздник слова!»
Иной журнал кричал, кричал, –
О том лишь только умолчал,
Что правда – первая основа
Экономических начал.
Не даст вам выводов желанных
Математический расчет.
Что ваша цифра? Цифра лжет,
Коль нет под нею верных данных.
Не спорю: тщетно ум парит
Порою в сферах идеальных,
Но счастья он не водворит
И там, где жаждой он горит
Одних лишь благ материальных,
Где чистой нравственности нет,

Законность где калекой бродит
Иль фразами морочит свет,
А в кровь и плоть не переходит, –
Где вредной роскоши чума
Переедает мир недужный
И где нужна не честь сама,
А только чести знак наружный, –
Где нет сознания у людей,
Что часто кровью пахнут розы,
Что в бриллианты богачей
Превращены убогих слезы,
Что люди все – одна семья,
И, миру новым чтоб явиться,
Для обновленья бытия
Он должен духом обновиться, –
Что правда не должна, как тать,
Дрожать пред ложью закоснелой,
Но божьей вестницей предстать...

.....

Искусство ж пусть своим путем
Идет, как шло с начала века,
И благородит человека,
И проявляет бога в нем!

Молодой

О, это – проповедь! В морали
Мы всё по нитке перебрали, –
Мечты старинные! Поверь –

Среди движений современных
Для этих мыслей отвлеченных
Совсем и места нет теперь.
Ты фантазируешь... Ну кстати ль?
А я, с тобой чтоб не уснуть,
Иду. Прощай, седой мечтатель!
Я тороплюсь.

Старик

Счастливым путь!
Иди. Но старческих мечтаний
Ты не считай в числе преград
Для ваших светлых начинаний
И верь: я в духе был бы рад,
Когда б по моему хоть трупу,
Как по гранитному уступу,
Бил новый жизненный каскад.
Спеши вперед, младое племя!
Твоя дорога далека...
Коль у тебя я отнял время –
Прости болтливость старика!

Леля

На стол облокотясь и, чтоб прогнать тоску,
Журнала нового по свежему листку
Глазами томными рассеянно блуждая,
Вся в трауре, вдова сидела молодая –
И замечталась вдруг, а маленькая дочь
От милой вдовушки не отходила прочь,
То шелк своих кудрей ей на руку бросала,
То с нежной лаской ей колени целовала,
То, скорчась, у ее укладывалась ног
И согревала их дыханьем. Вдруг – звонок
В передней, – девочка в испуге задрожала,
Вскочила, побледнев, и мигом побежала
Узнать скорее: кто? – как бы самой судьбой
Входящий прислан был. «Что, Леля, что с тобой?»
Но Леля унеслась и ничего не слышит,
И вскоре смутная вернулась, еле дышит:
«Ах! Почтальон! Письмо!» – «Ну, что ж такое? Дрянь!
Чего ж пугаться тут? Как глупо! В угол стань!»
И девочка в углу стоит и наблюдает,
Как маменька письмо внимательно читает;
Сперва она его чуть в руки лишь взяла –
На розовых устах улыбка расцвела,
А там, чем далее в особенность и в частность
Приятных этих строк она вникает, – ясность
Заметно, видимо с начала до конца,

Торжественно растет в чертах ее лица, –
А Леля между тем за этим прояснением
Следила пристально с недетским разумением,
И мысль ей на чело как облако легла
И тонкой складочкой между бровей прошла,
И в глазках у нее пары туманной мысли
В две крупные слезы скруглились и нависли.
Бог знает, что тогда вообразилось ей!
Вдруг – голос матери: «Пооди сюда скорей.
Что ж, Леля, слышишь ли? Ну вот! Что это значит,
Опять нахмурилась! Вот дурочка-то! Плачет!
Ну, поцелуй меня! О чем твоя печаль?
Чем ты огорчена? Чем?» – «Мне папашу жаль».
– «Бог взял его к себе. Он даст тебе другого,
Быть может, папеньку, красавца, молодого,
Военного; а тот, что умер, был уж стар.
Ты помнишь – приезжал к нам тот усач, гусар?
А? Помнишь – привозил еще тебе конфеты?
Вот – пишет он ко мне: он хочет, чтоб одеты
Мы были в новые, цветные платья; дом
Нам купит каменный, и жить мы будем в нем,
И принимать гостей, и танцевать. Ты рада?»
Но девочка в слезах прохныкала: «Не надо»,
– «Ну, не капризничай! Покойного отца
Нельзя уж воротить. Он дожил до конца.
Он долго болен был, – за ним уж как прилежно
Ухаживала я, о нем заботясь нежно!
Притом мы в бедности томились сколько лет!
Его любила я, ты это знаешь...» – «Нет!

Ты не любила». – «Вздор! Неправда! Вот обяжешь
Меня ты, если так при посторонних скажешь,
Девчонка дерзкая! Ты не должна и сметь
Судить о том, чего не можешь разуместь.
Отец твой жизнью со мною был доволен
Всегда». – «А вот, мама, он был уж очень болен –
До смерти за два дня, я помню, ночь была, –
Он стонет, охает, я слышу, ты спала;
На цыпочках к дверям подкралась и оттуда
Из-за дверей кричу: «Тебе, папаша, худо?»
А он ответил мне: «Нет, ничего, я слаб,
Не спится, холодно мне, Леля, я озяб.
А ты зачем не спишь? Усни! Господь с тобою!
Запри плотнее дверь! А то я беспокою
Своими стонами вас всех. Вот – замолчу,
Всё скоро кончится. Утихну. Не хочу
Надоедать другим». – Мне инда страшно стало,
И сердце у меня так билось, так стучало!..
Мне было крепко жаль папаша. Вся дрожу
И говорю: «Вот я мамашу разбуджу,
Она сейчас тебя согреет, приголубит».
А он сказал: «Оставь. – И так вздохнувши – ух! –
Прибавил, чуть дыша и уж почти не вслух,
Да я подслушала: – Она... меня... не любит».
Вот видишь! Разве то была неправда? Вряд!
Ведь перед смертью все уж правду говорят».

Владычество моды

Пятнадцатый век еще юношей был,
Стоял на своем он семнадцатом годе,
Париж и тогда хоть свободу любил,
Но слепо во всем раболепствовал моде.
Король и характер и волю имел,
А моды уставов нарушить не смел,

И мод образцом королева сама
Венсенского замка в обители царской
Служила... Поклонников-рыцарей тьма
(Теснилась вокруг Изабеллы Баварской.
Что ж в моде? – За пиром блистательный пир,
Интрига, любовь, поединок, турнир.

Поутру – охота в Венсенском лесу,
Рога и собаки, олени и козы.
На дню – сто забав, сто затей на часу,
А вечером – бал, упоение, розы
И тайных свиданий условленный час...
.....

И мода сердиться мужьям не велит, –
На шалости жен они смотрят без гнева.
На съездах придворных – толпа волокит, –
Их дерзости терпит сама королева,

По общей покатости века скользья.
Король недоволен, но... мода! – Нельзя!

Тут любят по моде, любовь тут – не страсть,
Прилично ли делать скандал из пустого?
Конечно, он может... сильна его власть,
Но – что потом скажут про Карла Шестого!
«Какой же он рыцарь?» – толпа закричит.
И жался король, притаился, молчит.

Но как-то – красавец Людовик Бурбон
Не вздумал, мечтая о прелести женской,
Отдать королю надлежащий поклон,
Летя к королеве дорогой венсенской,
И так его рыцарский жар увлекал,
Что мимо он гордо вгалоп проскакал.

Король посмотрел и подумал: «Сверх мер
Влюблен этот рыцарь. По пылкой природе
Пускай он как модный спешит кавалер.
Но быть так невежливым – это не в моде!
Недаром король я. Ему ж на беду,
Постой-ка, я новую моду введу!»

Сквозь чащу Венсенского леса, к реке
Шли люди потом возвестить эту моду –
И в полночь, при факелах, в черном мешке
Какая-то тяжесть опущена в воду;
Мешок тот воде поручила земля

С короткою надписью: «Суд короля».

Поклонников рой с той поры всё редел
Вокруг Изабеллы. Промчались годы –
И всё изменилось. Таков уж удел
Всего в этом мире! Меняются моды:
Что прежде блестело – наполнилось тьмой,
И замок Венсенский явился тюрьмой.

Мадонна

Бог ниспослал мне виденье: я вижу мадонну,
Чудный ребенок с любовью прижат к ее лону,
То не Спаситель грядущий, не сын Вифлеема –
Нет! Этот нежный ребенок – былинка Эдема,
Розы шипок, возбужденный дыханьем апреля,
Девочка – ангельский лик с полотна Рафаэля!
Тот же рисунок головки, такие же краски,
Мягкие, светлые волосы, темные глазки,
К ней обращенные, к ней, что сияет в ребенке;
Жадно обвитые вокруг ее шеи ручонки
Этого ангела вдруг опустились; зеницы
Сонною дымкой подернулись – тень от ресницы,
Зыблясь, как ткань паутины на алом листочке,
Дымчатой сеткой слегка стушеввалась на щечке...
Тише! – уснула малютка сном сладким, безбурным, –
Взором родимой накрыта, как небом лазурным,
Взором царицы, достойной небесной короны,
Девственной, чистой жены, светлоликой мадонны.

«Ну вот – всё ладится, идет всё понемногу...»

Ну вот – всё ладится, идет всё понемногу
Вперед. Надежда есть: жить будем, слава богу!
Вот и устроились! – И светлый день блестит
В грядущем... Поглядишь – и рухнет всё мгновенно,
И всё, что строил ты так долго, постепенно,
В один прекрасный день всё к черту полетит!